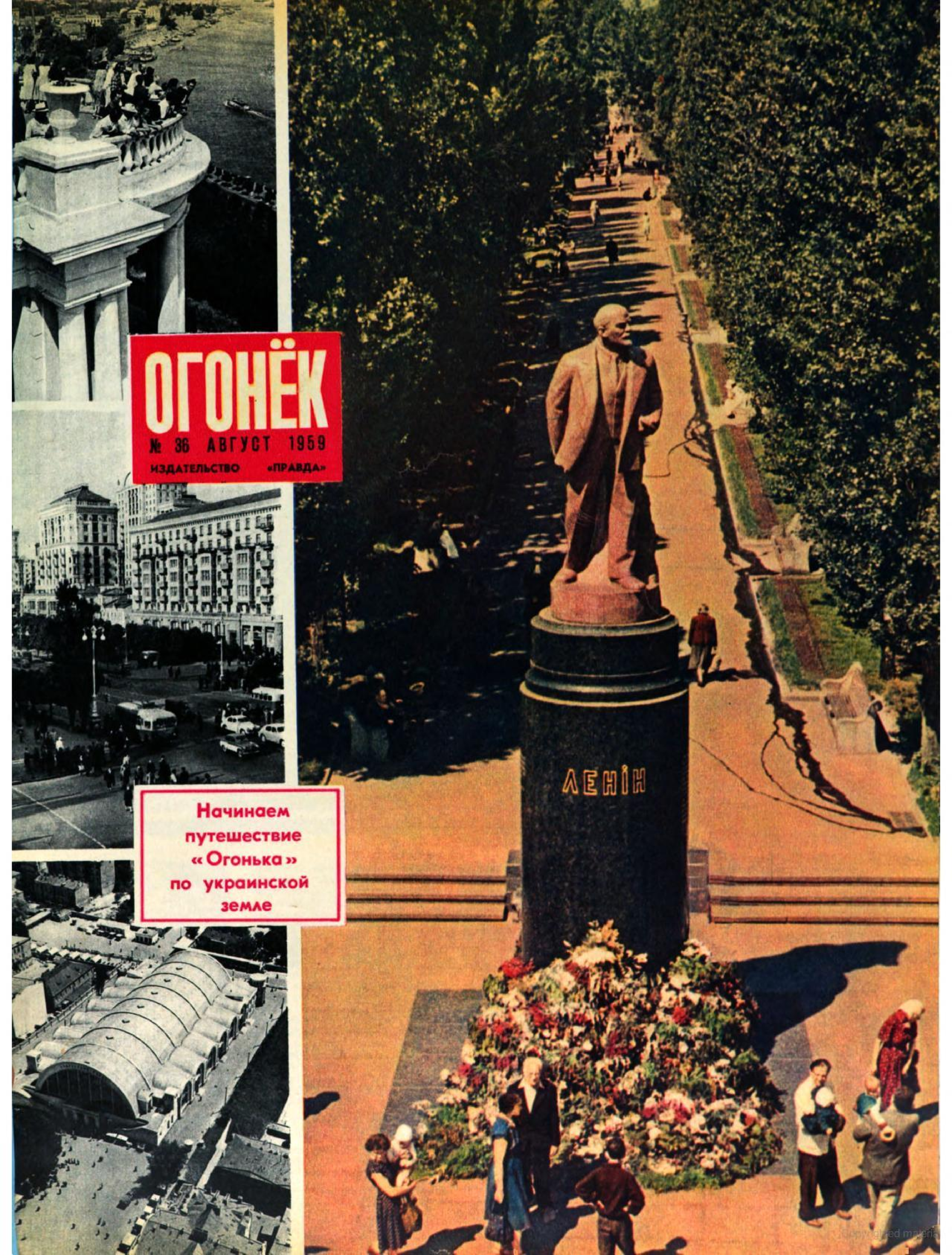

ОГОНЁК
№ 36 АВГУСТ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ЛЕНІН
Начинаем путешествие «Огонька» по украинской земле

Фруктовые сады колхоза «Украина», Хмельницкой области.
Фото Е. Халдея.

КРАЙ НЕНАГЛЯДНЫЙ!

Много прекрасных песен о родной земле сложил украинский народ. В них звучат восхищение, гордость, беззаветная любовь — то бурное чувство восторга, которое выразил гениальный Тарас Шевченко словами: «Нема на світі України, немаэ другого Дніпра!»

Многие десятилетия в песнях об Украине звучали не только любовь и гордость, но и боль, гнев, тоска. Ими проникнуты были лучшие произведения выдающихся наших классиков. «Народе мій, замучений, розбитий!» — так начинается бессмертная поэма Ивана Франко «Моисей».

В самом деле, еще совсем недавно, сорок с лишним лет тому назад, ни на одной карте — политической, административной, географической — не значилось такой страны, как Украина.

Великий Октябрь повел талантливый, трудолюбивый мой народ по пути свободы и независимости. Партия Ленина воплотила в жизнь вековую его мечту, воссоединив все украинские земли в едином украинском советском государстве. Украина ныне — одна из крупнейших, наиболее развитых держав Европы, один из членов — основателей Организации Объединенных Наций.

Воспетый в песнях Днепр стал еще прекраснее, многоводнее. Это не гипербола. На нем возникли озеро Ленина, Каховское море, близится к концу огромная гидростройка вблизи Кременчуга.

С вершины Каневской горы смотрит бронзовый Тарас на неоглядные днепровские дали и видит, как в славном созидательном труде рождается тот чудесный, новый мир, который он предсказывал пламенными словами:

І на оновленій землі
Врага не буде, супостата,
А буде син, і буде мати,
І будуть люди на землі.

Так, люди — в самом чистом и высоком понимании этого слова,—

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 36 (1681)

30 АВГУСТА 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К ШКОЛЕ ГОТОВЫ!

Фото С. Фридлянда.

всемогущие, раскрепощенные, отбросившие вражду и ненависть во имя любви и дружбы, осуществляют сегодня на берегах Днепра, Днестра и Дуная заветные мечты тех, чьими устами говорил народный гений.

Многое из прошлого ушло в небытие, даже и то, чем восхищались наши предки. Мы не ставим им это в упрек: человек мыслит категориями своей эпохи. Дикая краса необузданной стихии, несомненно, была в Днепровских порогах и в самом грозном из них — Ненасытце. Удивляли людей могучей силой и степной красотой круторогие волы. Символом плодородия и жизни на земле был ручной труд сеятеля.

На наших глазах происходит величайшая переоценка эстетических ценностей. Она вызвана бурным развитием раскрепощенной человеческой мысли, ростом социалистической науки, техники, культуры. И новые категории прекрасного наряду с действительно ценным наследием прошлого властно входят в жизнь.

Красота Киева, Днепра, черноморских степей, кудрявых Карпатских гор, тихих опушек и озер Полесья приобретает с каждым годом новые, еще более прекрасные формы и очертания.

В зеленой Волыни, среди вишневых садов Полтавщины выросли угольные шахты, нефтяные вышки, в широких масштабах началась добыча природного газа. Это уничтожило патриархальность когда-то глухих провинциальных уголков, но не убило своеобразия и красоты местной природы. Наоборот, сколько яблонь и груш, садов и парков, газонов и клумб появилось за эти годы в Донбассе и на Криворожье! Исчезают с лица земли грязные окраины Киева и Харькова, Днепропетровска и Запорожья, Одессы и Львова. Столица Украины уже превращается в город-сад, по ее пути, несомненно, пойдут и другие города республики. А о донбассовских «собакеевках» вспоминают люди, как о кошмарном сне.

Вот бы новые чудесные поселки, выросшие на месте грязных развалюшек и землянок вокруг донецких шахт, показать жильцам нью-йоркских трущоб! Было бы неплохое наглядное доказательство колоссальных преимуществ социалистического строя. А ведь в трущобах Нью-Йорка, Чикаго и других капиталистических городов заживо гниют тысячи семей украинских тружеников, бежавших до революции за океан за куском хлеба!

Как счастливы те из них, которым выпала радостная судьба возвратиться на родную, вольную, цветущую землю!

Чудо не свершается само. То чудо, которое произошло на просторах Украины,— результат упорного, героического труда украинского народа, сплоченного под знаменем Ленина, руководимого Коммунистической партией. В этом творческом труде, как и в суровые годы великих боев против фашистских захватчиков, украинский народ всегда получал и получает неоценимую помощь от русского народа, от всей многонациональной советской семьи, объединенной братской дружбой.

В этом номере журнал «Огонек» начинает путешествие по украинской земле. Много интересного увидели, о многом расскажут читателям участники этого путешествия. Но, право же, богатство и могущество Советской Украины, величайшее счастье, гордость украинского народа, как говорится, пером не опишешь, словами не расскажешь.

Кто хочет увидеть, как хороша сегодня наша республика,— милости просим, приезжайте к нам на Украину!

Любомир ДМИТЕРКО

Будем друзьями!

В апреле этого года в статье «Ивановы и Джонсы хотят мира» на страницах «Огонька» рассказано о том, как возникла и развивалась дружба между советской семьей Ивановых и американской семьей Атценвейлер.

Американка Лю Атценвейлер гостила у нас и по возвращении в США опубликовала репортаж в журнале «Лук». Но в этом репортаже, в основном доброжелательном, были допущены некоторые неточности, искажения и неправильные толкования.

Поэтому мы обратились в редакцию журнала «Лук» с письмом, в котором выражали свое отношение к статье в целом и к отдельным вопросам, в ней затронутым. Журнал «Лук» опубликовал наше письмо.

С тех пор не прекращается поток писем в адрес нашей семьи. За 4 месяца мы получили письма от американцев из 31 штата и примерно из 100 городов США. Пишут нам рабочие и работницы, инженеры и служащие, мелкие предприниматели и пенсионеры, школьники и учителя, преподаватели колледжей и студенты, матросы и солдаты, деловые люди, деятели искусств и домохозяйки. Пишут представители различных национальностей, населяющих Соединенные Штаты, пишут люди религиозные и атеисты.

Подавляющее большинство писем исключительно дружелюбно. Наши корреспонденты восторженно отзываются об успехах нашей великой социалистической страны в области науки, техники, промышленности и культуры. Многие выражают искренние симпатии к нашему государству, желание побольше узнать о жизни советских людей.

И в то же время читаешь в письмах о нищете, которая в США постигает людей, если они остаются безработными, о многих темных сторонах американского образа жизни.

Но все эти многообразные высказывания сближает искреннее стремление к тому, чтобы на земле был прочный мир и чтобы две великие страны мирно жили друг с другом.

Наша семья передает журналу «Огонек» несколько писем, полученных нами из США за последнее время.

И. ИВАНОВ

В страхе перед завтрашним днем

Реджинальд Е. ЧАРЛЬЗ, Голливуд

Дорогой друг!

Я был очень рад, прочитав ваше письмо по поводу рассказа, помещенного в журнале «Лук» и написанного вашей гостьей, госпожой Лю Атценвейлер.

Вы лично и ваша семья достойны похвалы за то, что нашли время и взяли на себя инициативу выяснить некоторые «сомнительные места» в литературном обозрении вашего американского друга относительно ее посещения вашей семьи. Разъяснение этих вопросов уничтожило многие сомнения, которые оставались у читателей журнала «Лук» после того, как они ознакомились с впечатлениями госпожи Атценвейлер.

По всей видимости, существует «всеобщее заблуждение», связанное с жизнью в СССР. В самом деле, жизнь в любой коммунистической стране объявляется у нас «абсолютно негодной», а жизнь в капиталистической стране — «абсолютным идеалом». Я имею в виду экономику Советского Союза и других коммунистических стран в сопоставлении со странами капиталистическими.

Но вот в 1957 году появились искусственные спутники Земли, и это сразу и во многом рассеяло все то сомнительное и ложное, что распространялось о Советском Союзе. Одним словом, советская наука достигла того, чего трудно достичь миллионами слов. Вдруг весь мир узнал о стремлениях коммунистического мира, о его планах на будущее. И никакая пропаганда не может больше убедить людей на Западе, что коммунисты потерпели крах. «Осязаемая правда» летает по своей орбите вокруг нашей планеты. Интеллигенция и осведомленные рабочие неожиданно поняли, что Советский Союз продемонстрировал этим капиталистическому миру свой уровень науки и техники и бросил ему вызов, предложив соревнование. Я считаю, что теперь сосуществование — это нечто большее, чем просто слово, ничем не подкрепленное. Оно поднялось, подобно факелу, над землей, как и советские спутники.

В Америке стали писать о сосуществовании с Советским Союзом более открыто и решительно. Это впервые с того времени, когда у нас существовала неофициальная «инквизиция» (1950—1954 годы), когда тысячи либерально настроенных американцев вызывались для допроса в Федеральное бюро расследований по подозрению в «прокоммунистических» настроениях, когда сотни профессоров колледжей, писателей, художников, учителей, совершенно ни в чем не повинных людей были скомпрометированы, выставлены на осмеяние общественности и занесены в черные правительственные списки.

Вот что заявил один из американских писателей: «А какие у нас, собственно, есть основания хвалиться своим превосходством? У нас 5 миллионов безработных, острые расовые разногласия, 40 миллионов граждан не имеют возможности получить приличное медицинское обслуживание и социальное обеспечение, да еще к тому же мы имеем правительство «Уоллстрита».

А что же можно сказать о сотнях тысяч бродячих рабочих, с которыми так жестоно обращаются предприниматели?

Весьма возможно, что у русских в среднем и нет того высокого уровня жизни, как у нас. Но я часто задумываюсь вот о чем: приходится ли вам, русским, испытывать то же ужасное чувство неуверенности в завтрашнем дне, с которым живет подавляющее большинство американских рабочих? Им каждый день грозит потеря работы, если вдруг правительство сократит заказы частным компаниям. В один прекрасный день человеку не хватает денег на очередной взнос за автомобиль, который он приобрел в рассрочку, или за стиральную машину, телевизор. Точно так же домовладельца вовсе не устроит справка о том, что вы безработный, если вы ее представите ему вместо денег.

Безусловно, у нас в Америке есть миллионы машин, телевизоров, стиральных машин и холодильников, но ведь только пятая часть населения имеет возможность их купить. Большинство берет их в рассрочку. Эти вещи, по закону, фирма может у них отобрать хоть завтра, если вдруг они останутся без работы или у них не будет денег на очередной взнос. Отсюда этот огромный страх, властвующий над умами наших людей.

В этом повинна сама капиталистическая система. Я никак не могу уловить связь между понятием «благосостояние» и теми условиями, в которых живут в Америке негры и евреи. Нет, условия их жизни нельзя назвать даже положением «второстепенных граждан». Мексиканцы, китайцы — они просто «не в счет».

Меня никакой пропагандой не обманешь!

Мне совершенно ясно, что коммунистическому миру и миру Запада нужно наладить сосуществование и соревнование. Я также понимаю, что как тот, так и другой от свободного обмена только выиграют.

Мое единственное желание — прочный мир. Он принесет с собой счастье и благосостояние для всех грядущих поколений.

Живем в постоянных долгах

Артур ДЖОНСТОН, штат Пенсильвания

Я токарь высокой квалификации. ...Позвольте сказать вам, что средняя рабочая американская семья живет только от получки до получки. В промежутках у них денег не бывает (я, правда, не принадлежу к их числу). Прежде всего надо знать, что простые американцы все приобретают в кредит: стиральные машины, автомобили, радио, телевизоры, мебель. И, собственно говоря, никто никогда не знает, будут ли у него деньги, чтобы оплатить купленное. Мы живем в страхе за завтрашний день. Многие семьи постоянно оказываются в долгах и все время вынуждены изворачиваться, чтобы как-нибудь сделать очередной взнос, обычно выплачиваемый раз в месяц, иногда раз в две недели. Так что, как видите, жизненный путь далеко не у всех в Америке устлан розами.

Страна наша огромна, в ней много богатств, но и много нищеты. И я надеюсь дожить до того дня, когда с нуждой и бедностью будет покончено не только в моей стране, но и во всем мире. Я знаю, что это — дело огромной трудности и что с ним не справиться за всю нашу жизнь, но я надеюсь, что в конце концов так будет.

У нас одни стремления!

Поль ГАРВУД, служащий военно-морских сил США

Дорогие Ивановы!

Сейчас раннее утро, мой корабль погружен в спокойный сон, и я сижу и молюсь, чтобы ему никогда не пришлось яростно палить из своих пушек, защищая мою любимую Америку...

Я знаю, что вы тоже живете для будущего, для мира, для процветания всего мира. Никто не хочет, чтобы над человечеством разразилась катастрофа, и все же тревога человечества перед нею, по-видимому, все возрастает. До сих пор существовали в наших сердцах страх и недоверие, но теперь, когда я прочел ваше письмо, когда я слушаю слова ваших лидеров о мире, в моей душе поселяется надежда. Если бы только мы могли

стать друзьями, могли понять друг друга все народы мира, могли осознать, что у нас в общем-то одни и те же чаяния и стремления!..

Я очень плохо пишу и боюсь, что не воздал должное идеям моей страны, но я написал так, как понимаю. Пожалуйста, отнеситесь к этому письму, как к письму обеспокоенного человека, который молится о мире.

Не бояться культурного обмена

Уильям Е. МОНОГАН, Рэджфилд, штат Нью-Джерси

Хотя мне не нравятся многие черты вашей социальной системы, я признаю те многочисленные достижения, которые вы имеете и которые нельзя и не следует отрицать. Я стою за культурный обмен между нашими двумя странами, который, я уверен, может принести только пользу обеим сторонам. В нашей стране есть люди, которые со страхом, недоверием и враждебностью смотрят на такой обмен, утверждая, что от этого выиграет только ваше правительство, которое стремится причинить нам вред и уничтожить США посредством такого обмена. Я, однако, считаю, что это не может причинить нам вреда, а тем более уничтожить нас. Культурный обмен ценен хотя бы уже потому, что он способствовал бы установлению атмосферы взаимной доброжелательности... Давайте сообщать друг другу наши взаимные разногласия и опасения, равно как и наши достижения и радости. Это единственно правильный путь.

Лучше знать друг друга

Джордж и Дороти БЭНЕЛИ Канзас-Сити, штат Миссури

Мы уже вернулись в Канзас-Сити из поездки по Советскому Союзу. Я сделал четыре доклада четырем различным группам школьников. В каждом выступлении я рассказывал детям о том радушии, которое мы встретили у вас. Дороти и мне задавали бесчисленное количество вопросов о Советской России. Эти вопросы показывают, как велик в нашей стране интерес к вашему народу и к вашей жизни. Мы особенно подчеркивали тот факт, что все советские люди, с которыми мы беседовали, единодушно выражали стремление к всеобщему миру.

Я много думал, почему американцы так плохо осведомлены о Советском Союзе. Я пришел к выводу: основная беда заключается в нашей прессе, в том, как она излагает материал о вашей стране. Я хотел бы отметить такой факт: если следить за нашей прессой длительное время и прочитывать все тщательно, то в наших газетах можно найти и действительные факты о СССР. Но обычно все хорошее о Советском Союзе помещается среди массы материалов на последних страницах, которые большинство американцев вообще не читает.

Американские газеты всегда спешат отметить наше превосходство в любой области, кроме тех, в которых СССР имеет явное преимущество. Вот пример: в службе туризма мне вручили брошюру, выпущенную, как мне кажется, министерством торговли. Она содержит длинный перечень человеко-часов, которые должен проработать американец и советский гражданин для приобретения одежды, продуктов питания и пр. Но в брошюре ни словом не упоминалось о бесплатной медицинской помощи у вас, о более низких подоходных налогах, не сравнивалась квартирная плата, а это сравнение было бы не в пользу американской действительности. Лично я предпочитаю всегда рассматривать вопрос объективно, со всех сторон, а не только с одной, выгодной для себя.

Может быть, нам с Дороти удастся еще раз побывать в Советском Союзе лет этак через пять, и тогда мы надеемся увидеть у вас много нового и хорошего и воспользоваться снова вашим прекрасным гостеприимством.

Сегодня День шахтера

Интервью «Огонька»

Ткварчели — город шахтеров

Председатель исполкома Ткварчельского горсовета депутатов трудящихся М. ХВИНГИЯ

Если от Очамчире свернуть с Тбилисского шоссе влево, то петляющая дорога откроет перед вами картины горных пейзажей. Но после одного из поворотов вы неожиданно увидите чистый, белый город с ровными улицами, большими домами, удобными парками. Он раскинулся у подножия живописных гор, в долине быстро бегущей горной реки Галидзги.

В конце 20-х годов после многолетних исследований тут заложили первую шахту, а в мае 1935 года она дала на-гора первые тонны угля.

Помнится, тогда Ткварчели был маленьким поселком, в котором бараки и шалаши беспорядочно теснились вокруг копра и груды выработанной породы.

Теперь здесь большой угольный бассейн: шесть крупных шахт, оснащенных современной техникой, дают топливо не только промышленности Абхазии, но и предприятиям всей Грузии: Закавказскому металлургическому заводу в Рустави, крупнейшей в Грузии Ткварчельской ГРЭС.

Новая техника уверенно прокладывает тут дорогу: в Ткварчели сооружается первая в Советском Союзе шахта с подземной гидроэлектростанцией.

Внешне город напоминает курорт. Выбеленные дома, улицы обсажены субтропическими растениями, тенистые парки, великолепный Дворец культуры, беседка на крутом берегу Галидзги, и всюду цветы: на улицах, у фонтанов, в окнах домов.

И только вагонетки, медленно плывущие над городом по воздушной канатной дороге, да голубой дымок над ГРЭС напоминают о том, что это город, рождающий уголь и электричество.

На весь бассейн прославился проходчик В. Джинджолия. Горняки избрали его депутатом Верховного Совета Абхазской АССР. На снимке: В. Джинджолия (справа) и проходчик И. Кабак.

Фото С. Короткова.

Шахтер, депутат Верховного Совета СССР по Воркутинскому округу Коми АССР Николай Яковлевич Черных.

ЧЕРНЫЕ СОКРОВИЩА

Скорый поезд Москва — Воркута за сорок семь часов доставит вас к перрону станции Воркута. Стремительный «ИЛ-14» в четыре раза сократит время.

Стремительна биография промышленных новостроек, рожденных в годы пятилеток. В тундре на шестьдесят седьмой параллели построен благоустроенный современный город с библиотеками, детскими садами, яслями, лечебными учреждениями. Сделать жизнь северян культурной, обеспечить горняков удобными жилищами — задача градостроителей одного из промышленных центров Автономной республики Коми. Новые площади, улицы украшены многоэтажными каменными домами — это гордость строителей, победивших вечную мерзлоту. Недавно освободилось от лесов здание нового Дома культуры. Кстати сказать, в городе имеется более двадцати клубов. Весной открылся широкоэкранный кинотеатр «Родина», построен плавательный бассейн.

На шахте номер сорок к 1965 году добыча угля возрастет на двадцать пять процентов. За первый квартал этого года экономия на шахте составила один миллион шестьсот двадцать пять тысяч рублей.

Печорский угольный бассейн отмечает двадцатипятилетний юбилей: в сентябре 1934 года первая воркутинская эксплуатационная шахта номер восемь, в поселке Рудничный, выдала на-гора свой первый уголь.

Начало разработкам угля положил охотник-коми Виктор Яковлевич Попов. Это было осенью 1919 года. Вместе с сыном Мишуткой Виктор Яковлевич охотился на гусей. На привале у обрывистого берега поднял он блестящий черный камень, загоревшийся на костре ярким синим пламенем. Находку свою Попов сохранил, а позднее отослал ее Владимиру Ильичу Ленину.

Долгие годы шла разведка подземных недр. Труден был путь к черным сокровищам Заполярья. На лодках, на плотах, по быстрым, порожистым рекам проникали советские геологи за полярный Урал.

В 1930 году геолог А. Чернов нашел и впервые описал пять рабочих пластов угля в долине реки. После этого началось промышленное освоение угля Воркуты.

Первый уголь, добытый зимой на шахте, санным путем доставляли до пристани, грузили на баржи и дальше морским путем транспортировали в Мурманск и Архангельск.

В годы Великой Отечественной войны стальные пути железнодорожной магистрали соединили «Северную кочегарку» с Москвой и Ленинградом. В декабре 1941 года горняки Заполярья отправили первый железнодорожный эшелон угля героическому Ленинграду.

На том самом месте, где охотник Попов обнаружил каменный уголь, построен обелиск, на котором начертаны слова Ломоносова: «...а металлы и минералы сами в двор не придут; требуют глаза и рук для своего прииску».

Каждую весну, по традиции, отряды геологов Комплексной геологической экспедиции выезжают в районы приполярного Урала — они ведут геолого-съемочные поисковые работы на уголь, нефтяные газы, нефть.

Среди сотрудников Комплексной геологической экспедиции мы повстречались и познакомились с ленинградцем-геологом, знатоком приполярного Урала, Артемием Дмитриевичем Миклухо-Маклаем, внучатым племянником знаменитого русского путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая.

Вл. МИНКЕВИЧ
Фото автора.

АНГЛИЙСКИЕ РАБОЧИЕ И ВОДОРОДНАЯ БОМБА

Кони ЗИЛЛИАКУС,
член английского парламента

Однажды — это было еще четвертого июня — мне позвонили по телефону. Я узнал голос моего молодого друга Билла. Он звонил издалека и от возбуждения путался в словах:

— Эй, Зилли, тут целая революция началась!

— Какая революция? И где ты сейчас?

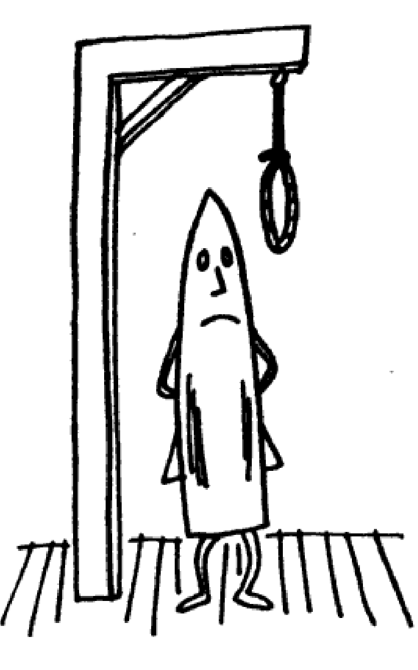
— Я на конференции национального профсоюза чернорабочих и коммунальников,— ответил Билл.— Они только что приняли резолюцию. Требуют, чтобы английское правительство немедленно и односторонне прекратило производство атомного оружия, запретило применение его с территории Великобритании, а запасы этого оружия использовало как сырье для атомных электростанций.

Я подумал: вот путь к выполнению в XX веке библейского предначертания о перековке мечей на орала!

Резолюция прошла 150 голосами против 125 при 75 воздержавшихся. Она застала лидеров профсоюза врасплох. Резолюцию внес Май Нэйми, секретарь крупнейшего местного отделения профсоюза, получив единодушную поддержку рабочих. Этот седовласый человек, страдающий от ревматизма, передвигающийся с помощью палки, говорил спокойно, просто, не повышая голоса, без красивых слов. Но речь его шла от сердца, от сердца рабочего, отца семейства, просто человека. «Так думают все рабочие»,— сказал он, и это было сутью всей его речи. Она вызвала глубокий отклик у аудитории.

События на конференции профсоюза чернорабочих и коммунальников положили начало новому этапу в той борьбе, которая развивается внутри лейбористского движения по вопросу о ядерном оружии. Профсоюз этот третий в Англии по количеству членов. В нем насчитывается до шестисот тысяч человек, входящих в лейбористскую партию,— это число голосов он и представляет на ежегодных лейбористских конференциях.

Рисунки английского художника АБУ.

Как известно советским читателям, лейбористская партия состоит из пяти с лишним миллионов членов, коллективно входящих в нее через соответствующие тред-юнионы. Кроме того, в партии имеется также восемьсот — девятьсот тысяч индивидуальных членов, состоящих в местных лейбористских организациях, созданных по избирательным округам. Индивидуальные члены — наиболее активная часть лейбористской партии.

Большинство этих местных организаций уже голосовало за односторонний отказ Англии от ядерного оружия два года назад, на лейбористской конференции в Брайтоне, несмотря на то, что Эньюрин Бивен вдруг в этом вопросе отошел от левого крыла и поддержал официальное руководство партии. На конференции в Скарборо в прошлом году почти все местные организации избирательных округов и некоторые из небольших профсоюзов голосовали за запрещение ядерной бомбы, невзирая на совместные усилия Бивена и Гэйтскелла.

Сейчас не за горами очередная ежегодная конференция лейбористской партии — она состоится в Блэкпуле в начале октября. А тут вдруг гром с ясного неба: один из крупнейших тред-юнионов, кстати сказать, самых правых и слепо преданных лейбористскому руководству, высказался за односторонний отказ от ядерного оружия! Мало того, стало известно, что самый большой из всех тред-юнионов Англии — транспортников и неквалифицированных рабочих — на предстоящей конференции на Айл-оф-Мэн готовится вступить на тот же путь, а за ним собираются последовать такие крупные профсоюзы, как горняков, железнодорожников, машинистов. Если так пойдет дело, то вместе с окружными лейбористскими организациями идея одностороннего отказа от ядерного оружия может получить большинство. Это поставило бы руководителей партии в крайне трудное положение, тем более, что приближаются парламентские выборы, которые, по общему мнению, состоятся в конце октября либо в начале ноября.

Перед лицом этих тревожных для них обстоятельств лидеры партии ринулись в бой. В лихорадочной спешке Национальный исполнительный комитет партии и Генеральный совет тред-юнионов выпустили совместную декларацию по вопросу о разоружении и ядерной войне. Во главу угла декларация выдвигает идею так называемого «безатомного клуба», то есть соглашения, по которому Англия отказывается от своего ядерного оружия и уничтожает его запасы, если все другие страны, за исключением Советского Союза и США, будут согласны не изготовлять или не располагать ядерным оружием и вместе с Англией установят международный контроль за выполнением такого соглашения. И в то же время декларация решительно отвергает какую бы то ни было форму односторонних действий со стороны Англии и настаивает, чтобы Англия осталась в НАТО и продолжала быть базой американских бомбардировщиков и ракетного оружия.

Левые в Национальном совете лейбористской партии и в Генеральном совете тред-юнионов, в том числе и Фрэнс Казенс, генеральный секретарь союза транспортников и неквалифицированных рабочих, голосовали против этой декларации. Потом произошло то, что ожидалось. Профсоюз транспортников и неквалифицированных рабочих на своей конференции 6—11 июля почти единодушно принял и включил в повестку дня предстоящих лейбористской конференции и конгресса тред-юнионов резолюцию, отвергающую декларацию Национального комитета и Генерального совета как неприемлемую и нереалистичную. Взамен этот тред-юнион, насчитывающий 1,3 миллиона членов, выдвинул программу из семи пунктов, среди которых запрещение использования ядерного оружия с британской территории и одностороннее прекращение его испытаний и производства. Эта резолюция будет фигурировать среди ста сорока других на Блэкпульской конференции лейбористской партии в октябре. Из всей этой массы резолюций только две поддерживают декларацию Национального исполнительного комитета. Остальные сто тридцать восемь — это резолюции местных организаций партии и мелких тред-юнионов, и все они высказываются за односторонний отказ от ядерного оружия.

Лейбористская партия в некотором отношении является зеркалом, отражающим мысли и чувства широких масс англичан по этому жгучему вопросу современности. Борьба вокруг ядерной проблемы внутри лейбористского движения неразрывно связана с неуклонным ростом антиядерных настроений по всей стране. Вот почему выявившиеся открытые разногласия в партии не сулят какого-либо ущерба лейбористской партии на выборах. Мне хотелось бы привести слова одного члена парламента — консерватора, разумного и искреннего человека.

— Я думаю,— сказал он мне недавно,— что вы, лейбористы, можете во время выборов выиграть именно на водородной бомбе.

— Почему вы так думаете? — спросил я.— Ведь в вашем лагере нет разногласий по этому вопросу, а в нашем есть.

— Вот именно поэтому! — ответил он.— Широкая публика считает, что мы, консерваторы, стоим горой за водородную бомбу. На деле это не так — нас этот вопрос тоже сильно беспокоит. Но внешне мы выглядим сторонниками ядерного оружия. Вы же, очевидно, не являетесь таковыми. Вот почему я и опасаюсь, что лейбористы выиграют именно на водородной бомбе!

Видимо, он прав. Но если дело обстоит так, то тем более лейбористская партия обязана показать себя перед английскими рабочими твердой сторонницей политики смягчения международной напряженности, политики соглашения и сотрудничества с Советским Союзом и Китаем в рамках Организации Объединенных Наций и на базе ее устава. Это путь к окончанию холодной войны и к устранению угрозы ядерной войны, тяготеющей над человечеством.

С азартом «болели» туристы — любители спорта из ФРГ — за своих соотечественников на трибунах стадиона в Лужниках.

„АУГСБУРГСКОЕ ЧУДО" НЕ ПОВТОРИЛОСЬ

Юр. ВАНЬЯТ

Что ни говорите, а в этом году у советских любителей спорта буквально нет ни дня передышки. Только-только поезда, теплоходы и самолеты развезли из столицы участников II спартакиады народов СССР, как спортсмены Москвы встречали на аэродроме гостей из ФРГ — сборную легкоатлетическую команду. Только что окончился международный турнир теннисистов шести стран, а не сегодня-завтра в Советский Союз прибудут легкоатлеты Великобритании для традиционной встречи с нашей сборной командой.

И все же можно не сомневаться, что москвичи и гости столицы, побывавшие в течение двух дней на матче легкоатлетов ФРГ и СССР в Лужниках, надолго запомнят эту «дуэль» двух команд европейского континента.

В числе многих побед наших атлетов, достигнутых в матчевых встречах последних лет, был зафиксирован и счет 186 : 155 в прошлогоднем матче с ФРГ. Но вот беда, в раздельном подсчете очков по мужскому и женскому коллективам оказалось, что наша мужская команда на баварском стадионе «Розенау» в Аугсбурге неожиданно проиграла германской 10 очков. И лишь стопроцентный успех советского женского коллектива на мюнхенском стадионе «Данте» позволил команде СССР в итоге выиграть матч. Не случайно спортивные обозреватели многих стран назвали тогдашнюю встречу «аугсбургским чудом». Скажем сразу, нынче «лужниковского чуда» для гостей не получилось. У мужчин счет очков 129:91 (из двадцати номеров выиграно 13). У женщин 82:39 (победа во всех одиннадцати номерах). А всего — 211:130 в пользу СССР. Убедительно, что и говорить.

А вот разные мелкие чудеса случались. И не удивительно, что не один раз трибуны так взволнованно гудели, ожидая, когда на черных табло вспыхнет россыпь электрических букв и цифр с безапелляционными данными «фотофиниша». Да, порой силы были настолько равны, что лишь сотые доли секунды смогли бы помочь определить лучшего.

Наша команда выступала на сей раз в несколько новом качестве. И «виной» тому спартакиада. Не прошло и недели, как эта «генеральная репетиция» перед Римом выдвинула новых талантливых солистов, достойно вошедших в отлично сыгранный ансамбль советских мастеров бега, прыжков и метаний. Двадцать два новых участника вошли в сборную команду Советского Союза. Многие из них явились дебютантами на международной спортивной арене. Вот он, первый урожай II спартакиады...

Команда гостей прибыла в Москву после серии серьезных побед над национальными сборными Франции, Италии, Бельгии, Швейцарии, Голландии. Главным достижением гостей был, конечно, недавний выигрыш матча у англичан (168 : 159). Немцы привезли всех своих «звезд». У женщин это были чемпионки Европы М. Вернер (ядро) и Л. Якоби (прыжки в длину), мировая рекордсменка в барьерном беге К. Копп-Гастль.

Но особенно сильна была мужская команда ФРГ.

Действительно, зрители увидели 22-летнего рекордсмена мира в барьерном беге на 110 метров М. Лауэра, рекордсмена и чемпиона Европы в спринте М. Гермара, талантливых «четырехсотметровиков» К. Кауфмана (гладкий бег) и Х. Янца (барьеры), наконец, «героя Аугсбурга» стайера Л. Мюллера, которого к московским стартам усиленно готовил многоопытный Х. Шаде. Были в команде и другие отличные мастера. Словом, соперники подобрались достойные.

Но если в первый день большая группа туристов из ФРГ радостно размахивала на трибунах черно-желто-красными флагами в честь пяти побед своих соотечественников, то в воскресенье наши гости явно приуныли: лишь дважды им пришлось вкусить радость спортивной победы. Остальные памятные медали остались у советских участников встречи. При этом большинство наград транспортировано в Ленинград.

В самом деле, сменив голубые майки ленинградской сборной на алую форму команды СССР, отличные атлеты «Северной Пальмиры» получили на этом матче восемь медалей. У москвичей их оказалось семь, у минчан — три. Увезли почетные награды также спортсмены Киева, Тбилиси, Еревана, Риги, Кишинева, Вильнюса, Львова, Челябинска. Это очень приятная и поучительная «география наград».

Что касается капитана нашей женской команды Таисии Ченчик, то челябинский инженер привезет на Урал еще одну медаль — за новый рекорд СССР. Со второй попытки Ченчик преодолела полосатую рейку, уложенную на отметке 178 сантиметров. Как говорится, прыжки прошли «на должной высоте». Молодец, Тася!

Радостную телеграмму отправил в родной Тбилиси и Роберт Шавлакадзе. Дело в том, что его жена Ламара на днях родила дочку, которую молодые супруги, сократив свои имена, назвали Ролой. Счастливый папа в честь такого семейного события обещал добиться победы. И добился. При этом Роберт прыжком на 208 сантиметров опередил нового чемпиона страны — своего московского друга Игоря Кашкарова. Итак, Шавлакадзе был первым в Филадельфии на матче с США и первым в Москве на встрече с ФРГ. Легко выиграли советские атлеты и все остальные прыжки.

...В момент, когда метатель молота москвич Василий Руденков последним мощным рывком послал золотистый металлический шар в воздух, наш сосед по ложе прессы — Жан Но из агентства «Франс пресс» — передавал репортаж парижской стенографистке. Завидев, как далеко взлетел тяжелый снаряд, экспансивный француз сдвинул берет, воскликнув в трубку:

— О-ля-ля! Руденкофф тре бьен! Очень хорошо!

И не успели судьи объявить результат — 67 метров 26 сантиметров,— в Париж полетела фраза об отличном броске советского метателя. Так же успешно выступали и остальные метатели команды СССР.

Но, конечно, наибольшие эмоции, как всегда, вызывал бег. Здесь команда ФРГ выступила наиболее удачно, получив семь побед. Разочаровал лишь Мюллер, не сумевший оказать никакой конкуренции нашим стайерам.

У мужчин яркое впечатление оставили два бегуна: ленинградец Анатолий Михайлов и Манфред Гермар из команды ФРГ. Четыре финиша этих мастеров навсегда запомнятся зрителям и участникам встречи.

Гермар — 24-летний, хорошо сложенный атлет с кудрявыми, каштанового цвета волосами — трижды: в беге на 100, 200 метров и на последнем этапе эстафеты — незадолго до финиша мчался вторым. И все три раза его великолепный «набег» на финишную нитку приносил Гермару успех.

...С нетерпением стадион ожидал старта барьерного бега на 110 метров. Кто победит? Кёльнский студент, рекордсмен мира Мартин Лауэр, или 23-летний ленинградец Анатолий Михайлов?

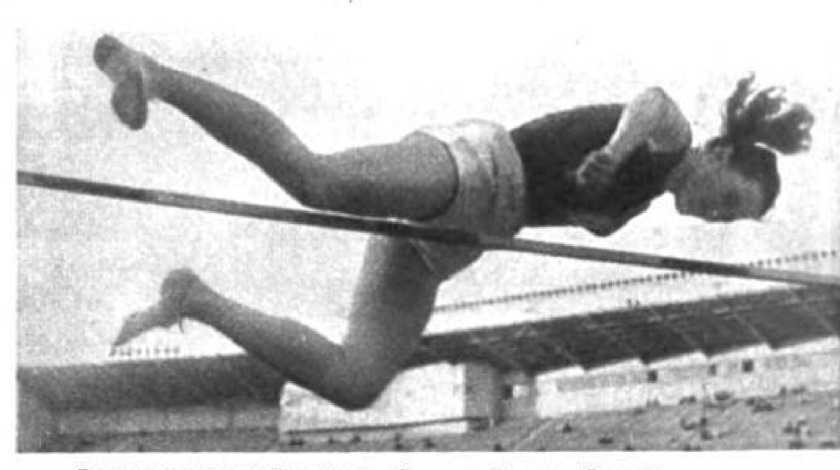
Участники нервничают. Стадион затих. Выстрел. Фальстарт! Снова фальстарт! И вот пошли!

Оба мастера «пожирают» барьеры, мчась к заветному финишу. Никто на стадионе не мог в эти секунды усидеть на месте. На трибунах сплошной стон. Многие участники выскочили даже на дорожку за финишем.

И вот последние метры. В каком-то невероятном прыжке вниз головой «нырнет» на белую нить Михайлов. Рядом с ним — рекордсмен мира. Проходит несколько волнующих минут, пока судьи не объявляют:

— Победил Михайлов!

Долгая овация потрясает стадион. Да, это был бег!..

Вот он, рекордный прыжок Таисии Ченчик. Высота 178 сантиметров взята!

Старт дан. Барьеристы начали борьбу. Слева направо: В. Чистяков, Б. Штейнес, А. Михайлов и М. Лауэр.

Фото А. Бочинина.

Бои у подножия Везувия

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

«Стреляйте, стреляйте же! Стреляйте!..» Я стою в телефонной будке, и до моих ушей доносится исступленный крик полицейского офицера Мальоцци: «Стреляйте по окнам, балконам!» Полицейские и карабинеры пускают в ход автоматы и винтовки.

Мои карманы полны стреляных гильз, которые я подобрал на улице. Стены домов изрыты выбоинами тысяч пуль. На мостовой кровь. В белых кроватках больницы «Мареска» лежат два ребенка. Одному из них шесть, другому восемь лет. Они были подобраны в тяжелом состоянии. Около восьмидесяти человек ранено и контужено. Среди полицейских тоже три десятка контуженых.

Это происходило в нескольких шагах отсюда, на площади Санта Кроче. Стреляли в каждого, кто пытался открыть окна или двери. Я это видел и слышал. До той самой минуты, когда я отправился в больницу, где мне из ноги извлекали осколок от гранаты со слезоточивым газом, все площади и улицы вокруг продолжали являть собой поле сражения. Со всех концов города доносилось эхо взрывов и треск выстрелов.

Пикеты бастующих моряков на улицах Генуи.

В горле першило от едкого, густого дыма, поднимавшегося из горевших автомашин полиции. На баррикадах защищался весь Торре дель Греко. Летели булыжники, камни, консервные банки...»

Кажется, будто эта хроника относится к началу века. Нет, это репортаж, появившийся в одной из итальянских газет совсем недавно. Репортаж из Торре дель Греко, где произошли столкновения между населением и отрядами полиции в дни национальной забастовки моряков.

Торре дель Греко — небольшой

Полицейским дан приказ приготовиться к стрельбе слезоточивыми гранатами.

живописный приморский городок на берегу Неаполитанского залива, у подножия Везувия. Большая часть жителей этого городка кормится морем. Многие, идя по стопам отцов, в десять, двенадцать, пятнадцать лет становятся моряками торговых судов. Всю жизнь они бороздят океаны, чтобы иметь возможность послать семьям денег, которых хватает лишь на самое скудное существование.

Моряки торгового флота Италии начали забастовку, требуя заключения нового трудового договора. Забастовке предшествовали долгие переговоры между профсоюзами и судовладельцами. Несговорчивость хозяев привела к срыву переговоров. И тогда моряки показали такую боевую сплоченность, какой еще никогда не видели в торговом флоте Италии. Вместе со своими братьями из Неаполя, Генуи, Триеста и других портов покинули суда и моряки Торре дель Греко. В портах Франции, Англии, Америки моряки и докеры стали собирать деньги в пользу бастующих.

Шла третья неделя забастовки, когда пронесся слух, что мэр города, он же судовладелец, набрал в окрестных деревнях команду штрейкбрехеров и собирается вывести в море свое судно. Нависла угроза срыва забастовки. В короткий срок улицы городка заполнились демонстрантами. К колонне моряков присоединились сотни других рабочих. Торговцы в знак солидарности с бастующими закрыли свои магазины. Подойдя к муниципалитету, демонстранты потребовали приема у мэра. Тот отказался принять представителей моряков. И тут же явились крупные отряды полиции.

Народный гнев вырвался наружу. Началось сражение, описанное хроникером в приведенном отчете. Долгие часы безоружные жители Торре дель Греко сопротивлялись хорошо вооруженным отрядам полиции. Во многих местах выросли баррикады, было подожжено несколько полицейских автомашин. К вечеру Торре дель Греко напоминал осажденный город. Десятки раненых и контуженых, десятки арестованных. И все же сопротивление моряков не было сломлено. Судно со штрейкбрехерами не покинуло порт.

Итальянские моряки боролись сорок дней. Их мужественная борьба окончилась победой. Они добились от судовладельцев нового коллективного договора. Они завоевали прибавку в девять процентов к заработной плате. Все усилия хозяев сорвать стачку кончились провалом. Победили солидарность и боевой дух моряков Италии.

Горящие полицейские автомобили на одной из улиц Торре дель Греко во время боев между полицией и населением городка.

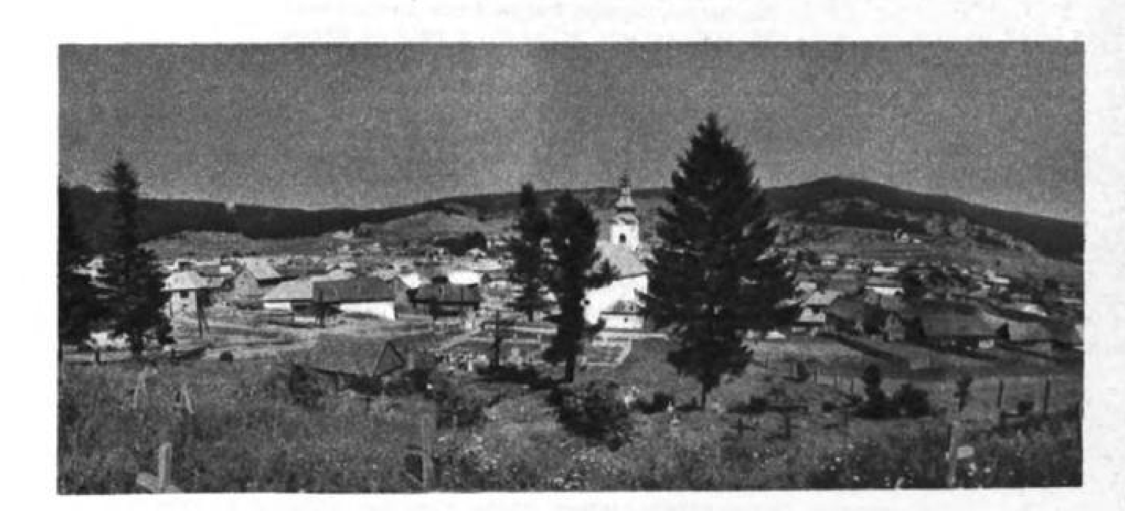

НА МЕСТЕ ГЕРОИЧЕСКИХ СРАЖЕНИЙ

Посмотрите на этот небольшой населенный пункт.

Пятнадцать лет назад (29 августа 1944 года), когда в Словакии вспыхнуло народное восстание против гитлеровской оккупации, село Телгарт назвали героическим. Жители села несколько недель героически сковывали крупные силы немецко-фашистских войск. Фашисты предпринимали отчаянные попытки смять, сбить с позиций повстанцев, но все эти попытки кончались неудачей. Тогда гитлеровцы дотла сожгли село. На месте пепелища, когда-то называвшегося селом Телгарт, выросло новое село. Теперь оно носит имя героя восстания — Яна Швермы и называется Швермово.

Швермовцы свято чтят память героев, погибших в неравных боях с гитлеровцами. Дети внимательно следят, чтобы у монумента, воздвигнутого в зеленом уголке села в честь героев Словацкого восстания 1944 года, всегда были живые цветы.

ЕДИНОГЛАСИЕ СЕРДЕЦ

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

2 сентября 1945 года на площади у парка Ба Динь в Ханое собралось более миллиона человек; большинство из них было в военной форме. Это были жители старого города, изрешеченного французскими и японскими пулями, и бойцы Народной армии, пропыленные, загорелые, обугленные порохом недавних суровых битв. На трибуну, наспех сколоченную в центре площади, вышел человек небольшого роста, худощавый, седой, в обычной тужурке цвета хаки, в сандалиях на босу ногу. На первый взгляд нельзя было угадать его возраст: ему можно было дать и двадцать лет и сорок. Он был похож на всех собравшихся на площади, и эти исстрадавшиеся люди сразу почувствовали в нем своего представителя и своего настоящего друга.

Это был глава правительства новорожденной республики товарищ Хо Ши Мин.

Звонким, юношеским голосом начал он читать составленную только что Декларацию Независимости, и люди на площади, затаив дыхание, слушали страстные и гневные слова документа, посвященного преступлениям французов-колонизаторов:

— Они построили больше тюрем, чем школ. Они жестоко расправлялись с нашими патриотами. Они топили наши восстания в море крови. Они душили общественное мнение и проводили политику невежества и темноты. Они использовали алкоголь и опиум, чтобы уничтожить наш народ... — Хо Ши Мин прервал чтение и спросил:— Слышите ли вы меня? Ясно ли я говорю?

В ответ прозвучало тысячеголосое «да» и громовая овация.

Но в тот день, четырнадцать лет назад, народная борьба во Вьетнаме была еще далеко не кончена. Этому чудесному народу предстояли и страдания, и утраты, и гибель лучших сыновей, и слезы вдов и сирот. Через несколько дней после провозглашения республики французы снова развязали войну в Индокитае, и она продолжалась еще целых девять лет — бесславная для колонизаторов и покрывшая вечной славой молодой народ Вьетнама и его героическую армию.

Одну за другой теряли французы в этой войне свои позиции. Напрасно буржуазная пресса трубила в свои золотые фанфары. Напрасно помогали колонизаторам их заокеанские друзья. Напрасно цвет французской молодежи и рядом с нею вчерашние ее враги, немецкие эсэсовцы — те и другие оснащенные превосходной современной техникой, вооруженные до зубов,— строили полевые укрепления, доты и застенки, прочесывали джунгли в поисках партизан, вешали, расстреливали, пытали, загоняли население деревень в концлагеря, гнались на бреющем полете за каждым буйволом, ибо знали, что буйвол — лучший помощник крестьянина и бойца Вьетнама. Напрасны были всяческие ухищрения, стратегические планы, составленные французским командованием совместно с Пентагоном, строительство мощных аэродромов и налеты парашютистов. Все это было заранее обречено на полный провал, ибо колонизаторы не могли понять и оценить самого главного в этой войне: перед ними стоял молодой народ, решившийся во что бы то ни стало скинуть ярмо колониального рабства, народ мужественный, смелый, хорошо организованный, нашедший в своей среде и военачальников и опытных руководителей.

Скоро сказка сказывается, а жизнь, как известно, совсем не быстра

1958 год. Праздничная демонстрация в Ханое.

и не проста. Девять лет народной эпопеи Вьетнама не поддаются беглому описанию в коротком очерке на столбцах журнала.

Пять лет назад, летом 1954 года, война во Вьетнаме была закончена. Злополучные защитники колониального рабства слагали свое оружие к ногам бойцов Народной армии. В Женеве открылось совещание о мире в Индокитае.

Осенью в столице ДРВ Ханое была окончательно установлена народная власть. Знамя колониального рабства навсегда исчезло в этом районе земного шара, еще в одной части Азии.

О подъеме, царившем тогда в стране, лучше всего расскажет стихотворение одного из молодых и талантливейших поэтов Вьетнама, То Хыу. Я услышал его в один из первых дней моего пребывания в стране в прошлом году и сразу захотел перевести. Вот оно:

МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД

Мы идем вперед средь бела дня.
Нас ничто не остановит. Мы вольны.
Дальше стелется дорога в восемь метров ширины
В глубь страны.
На пути — Бак Сон и Тай Нгуен,
Впереди — северо-запад и Дьен Бьен.
Это марш революционный, это путь Сопротивленья.
Блещет синь морская в отдаленье.
Рыже-красная от крови обновляется земля.
Ты прекрасна, родина моя!
Рощи пальм, плантаций чайных торжество,
Там, над Красною рекою, песня — ого-го!
Ждут паромы на причале у Бинь Ка —
Здравствуй, Красная река!
Раздут наш парус, ветер гонит волну вслед за волной;
Друзья, садитесь в нашу лодку, чей путь лежит в Ханой!
Несется дальше вихрь свободы, во все концы страны.
Пусты французские блокпосты. Французы сметены.
Все правда. Девять лет прошли сполна —
Три тысячи дней и ночей без сна:
В подполье и в войсках Сопротивленья
Никто не знал ни отдыха, ни лени.
Но мускулы у нас тверды, как сталь.
Поднимем голову. Какая даль!
Наш август. Наша осень. И все краше
Восходит утром солнце. Солнце наше!
Враги в земле. Все их оружье нам.
Кто мы? Демократический Вьетнам!
А там, над сединами дяди Хо,
Леса знамен алеют высоко.
Встань, матушка! Смахни слезу с ресниц.
Враг убежал или повержен ниц.
Расти, бамбук, охрана деревень.
Банановые рощи, дайте тень!
Вы, буйволы, работайте на пашнях;
Ты, песня, краше песен будь вчерашних!
Эй, мальчуганы, в школу, в первый класс,
Отцы построят сотни школ для вас!
Мы не позволим школы жечь дотла.
Все школы настежь! Жизнь детей светла.
Вот ноги, что прошли в походах Ба То и Ка Хон Мон,
Что растоптали у Дьен Бьена дохмотья вражеских знамен,
Что в землю намертво втоптали всех коммерсантов, всех господ,
Которые наш уголь крали и пили нашу кровь, наш пот.
Мы выше гор, сильны, как реки, и наша воля, как гроза!
И все моря Востока с нами и смотрят прямо нам в глаза.
Проложен от границ Китая вплоть до Морских ворот наш путь.
Идем вперед, нас не заставят с пути открытого свернуть.
И так же, как едино небо и как един для нас рассвет,
Объединятся Юг и Север. Демаркационных линий нет.
Так все сердца единогласно признали президента Хо.
Один Вьетнам. Одна отчизна. Взлетает знамя высоко.

За пять лет мирного существования и труда вьетнамский народ совершил чудеса. Они бросаются в глаза каждому побывавшему в стране. Реконструированные после военной разрухи дороги и мосты, ослепительно зеленые поля зреющего риса, кофейные плантации, рощи банановых пальм, текстильная фабрика в Нам Дине, обеспечивающая народ одеждой, открытая разработка каменного угля превосходного качества на берегу Тонкинского залива в Кам Фа, китайские, польские и индийские пароходы на причале в порту Хайфон — все это явные свидетельства добросовестного и вдохновенного народного труда и рвения, показатели растущего народного благосостояния.

Решительно и широко проведенная земельная реформа отдала в руки народа поля и пастбища, испокон веков служившие для эксплуатации рабов-батраков и принадлежавшие кулакам и помещикам, отечественным и пришлым. Широко разветвленная сеть санитарной и медицинской службы ничем не напоминает недавнюю картину, когда по всему Вьетнаму было всего сто сорок семь врачей, а колдунам и знахарям была предоставлена самая полная свобода отправлять людей на тот свет, когда в стране была ужасающая детская смертность (тридцать — сорок процентов!), когда туберкулез, малярия, глазные болезни свирепствовали по всей стране.

В городе Тай Нгуене, на севере страны, мне довелось встретиться с работниками народного образования, среди них — со старым учителем Дан Хык Таем, ныне начальником отдела культуры провинции Бак Сон. Привожу его рассказ дословно.

С начала нашего века до 1945 года в Тай Нгуене существовала только одна четырехклассная французская школа. По всей провинции Бак Он — еще пять таких школ. Не удивительно, что среди населения провинции было всего пять процентов грамотных. Сейчас (то есть осенью прошлого года) количество грамотных возросло с пяти процентов до пятидесяти, и это число непрерывно возрастает. В провинции открыто сто сорок девять четырехклассных школ. В них обучается четырнадцать тысяч детей (в провинции Бак Сон — двести тридцать тысяч населения). Кроме того, существуют семь школ-семилеток и одна десятилетка. С восьмого класса обязательны китайский и русский языки. Во всей провинции триста сорок семь учителей, из них сто — местные кадры. В библиотеке Тай Нгуена — восемь тысяч книг, изданных уже при народной власти. Книги читают жадно, едва приобщившись к грамоте, люди всех возрастов, мужчины и женщины.

Недавно москвичи могли любоваться на выставке искусства социалистических стран великолепной вьетнамской живописью на лаке. Это заново возрожденное национальное искусство является поистине народным сокровищем, искусство очень большой выразительности и силы, по-своему смелое, реалистическое. Вьетнамские художники отлично умеют видеть и рисовать натуру в окружающей атмосфере; они ставят перед собой задачи не простые и не легкие и решают их с завидным мастерством.

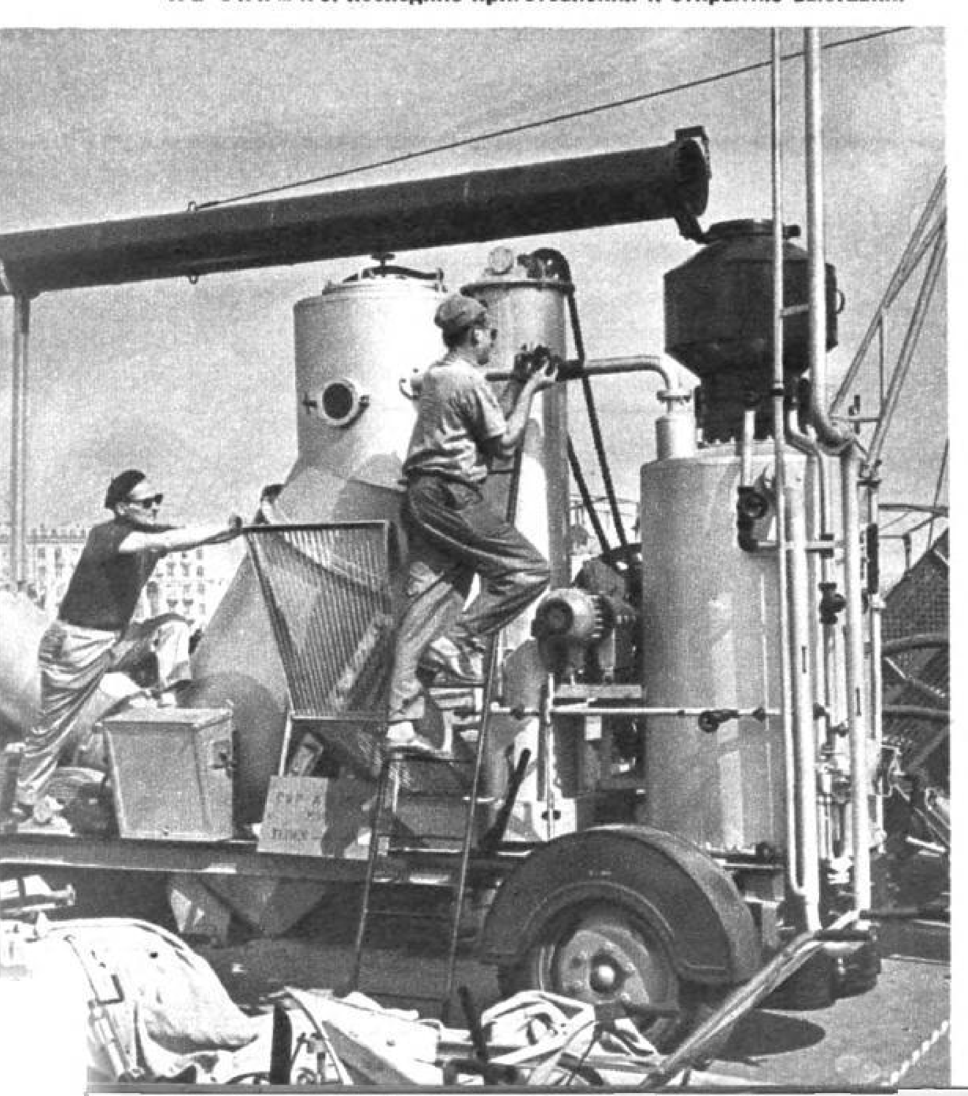
Итак, удивительно одаренный народ, до конца поверивший в светлую правду социализма и строящий новый общественный строй на благодатной тропической земле, еще так недавно, пять лет назад, бывшей ареной кровавых битв. Народ, отлично знающий цену своей победы, готовый грудью отстаивать не только ее, но и основной результат победы — мир.

БОЛЕЕ ТРИДЦАТИ ОТРАСЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ готовили экспонаты для выставки, которая откроется 4 сентября в Москве, в Парке культуры и отдыха имени Горького, на площади в 18 тысяч квадратных метров. Народная Польша покажет успехи промышленности, рост своих международных экономических связей. Здесь будет выставлено 500 машин и станков, 1 500 различных аппаратов. Посетители увидят сельскохозяйственные машины, высокопроизводительные станки новейших конструкций, автомобили, мотороллеры, медицинское и электротехническое оборудование.

Наши автомобильные болельщики отдадут должное популярной в Польше малолитражной машине «Сирена» и микролитражному «Микрусу», отличающимся большой проходимостью и малым расходом горючего.

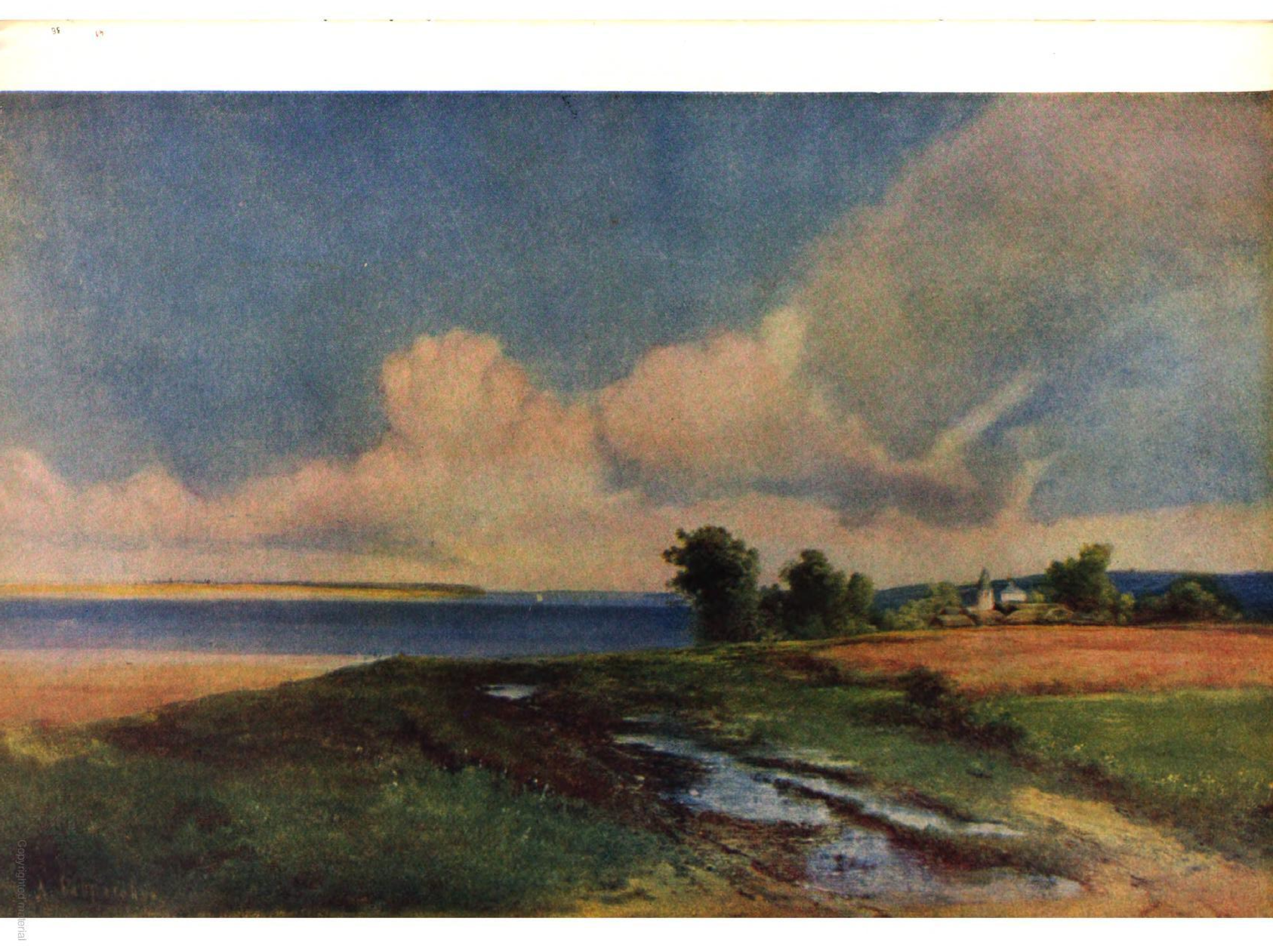
В кинозале за три недели будет показано 50 польских кинофильмов: художественных, научно-популярных, видовых.

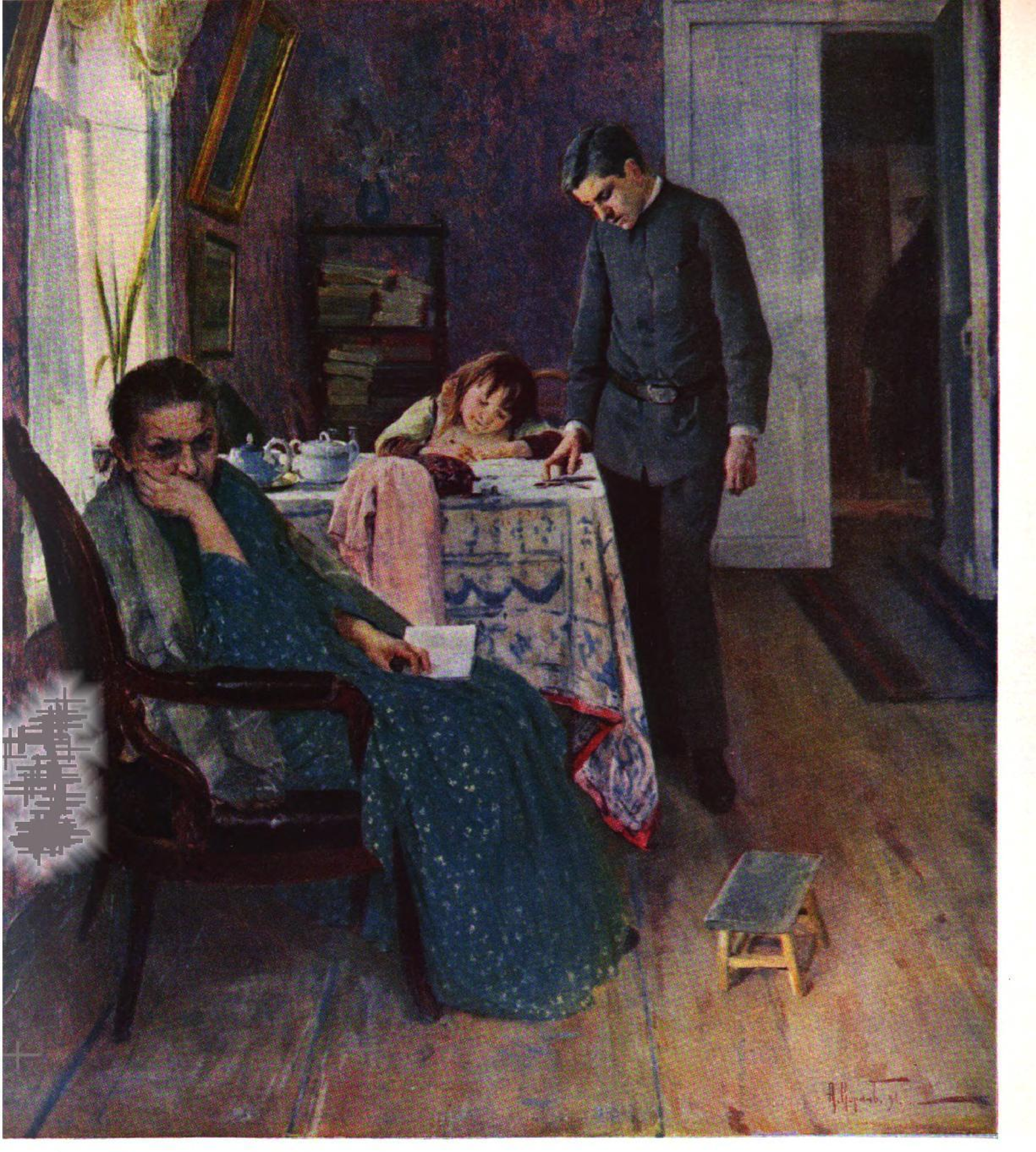
Н а с н и м к е: последние приготовления к открытию выставки.

Калужский областной художественный музей был открыт в первые годы революции. Его собрание показывает развитие русской живописи с конца XVIII века и до наших дней. В залах музея можно увидеть картины Шишкина, Айвазовского, Саврасова, Ярошенко, жившего и работавшего в чудесных калужских местах.

На наших вкладках мы воспроизводим несколько работ, хранящихся в Калужском музее.

А. М. Корин (1865—1923). ОПЯТЬ ПРОВАЛИЛСЯ. 1891 год.

Дед мой Мефодий

Микола НАГНИБЕДА

Дед мой Мефодий
Из Солоницы
Сколько, батрача, насеял пшеницы,
Сколько убрал ее, да золотая
Вся не его,
а чужая, чужая.
Море пшеница бы та завалила,
Горы насыпать пшеницы б хватило —
До́ неба горы,
без края вóды
За трудовые дедовы годы.

Дед мой Мефодий
Напился горя
Из речек,
бегущих в южное море.
Все ж никогда он
в тоске и печали
Думой не рвался зá море, в дали:
Землю свою он любил,
ждал свободы,
Ждал, чтоб земля отдала народу,
Цепи порвавшему, все колосья...
Ждал, а дождаться не довелося.

Дед мой Мефодий
Не знал покоя,
Ходил за плугом,
за бороною.
Когда бы в одну сшить дорогу эту,
Легла бы она
вокруг всего света,
Легла-пролегла и ввысь протянулась,
Солнца достигнув,
на землю вернулась
По́д ноги деду,
стала знакомой
Стежкой-дорожкой
от поля к дому.

Дед мой Мефодий
Пал в чистом поле,
Плакал журавлик над ним на раздолье,
Но загремели
пушки громами —
Двигались красные части степями,
Гнали богатых,
шли в Крым с победой.
Руки крест-накрест сложили деду.
Пусть отдыхают,
ему говорили,
Еще и дубок в головах посадили...

Дед мой Мефодий
Любил петь песни.
Все б эти песни
собрать в поднебесье —
Сотню бы лет
слушали нивы
Грустной мелодии переливы,
Знали б, как ныли не руки богатых,
Руки батрацкие — нашего брата,
Как малым детям
жилось на свете,
Как тяжело приходилось детям.

Вот — великан — он стоит и ныне;
Корни его
по всей равнине,
Ветви его,
как руки живые,
Сильные, крепкие — трудовые.
Будто до солнца достать он желает,
Будто простор полевой обнимает.
О дубе могучем
молва в народе —
На́ поле это старый Мефодий.

Перевел с украинского
Ник. УШАКОВ.

Карло КАЛАДЗЕ

Над нею тучи стер весенний ветер,
Волна Энгури бесится под ней,
Стоит сосна, задев плечом Сванети,
Вцепившись в камень крючьями корней.

О чем-то неугаданном мечтая,
Дыша зеленой юностью, она
Спокойно смотрит, как бурлит седая,
Ревнивая энгурская волна.

...Я с крутизны глядел и брови хмурил,
Раздумывая, словно с полусна.
Негаданно низринулась в Энгури
Она, одна из тысячи сосна.

И подхватила, сделала живою
Ее, одну из тысячи, река.
Вот так забьется, загудит порою
В стихах одна из тысячи строка.

Сосна сумела победить Энгури,
Кудрявой кроной выплыть из беды,
Но нарастает гром железной бури
Куда страшней, чем бурный рев воды.

Ты слышишь, рукоплещут пилорамы?
Борцы на ринге — жить или не жить?
Ты не даешь им долго и упрямо
Себя на две лопатки положить.

Стояла ты, шумела звонкой хвоей,
Мир ничего не ведал о тебе,
Но, встретившись с энгурскою волною,
Вторую жизнь добыла ты в борьбе.

Теперь твоя ладонь белее мела,
Теперь она бумаги чистый лист,
И ты уже забыла, как шумела,
Каков был день, и лес, и птичий свист.

Не бойся, я верну тебе сторицей
И полдень и энгурскую волну,
И ты услышишь, как щебечут птицы,
Хваля тебя, из тысячи одну.

Я дам тебе невиданную крону,
Волшебный лес и сказочный рассвет,
И зашумишь ты вновь костром зеленым,
Ты только мне доверься! Я поэт.

Я дам тебе глаза свои и сердце,
Я имя подарю свое и дом,
Ты станешь мной, ты только мне
доверься!
Ты будешь книги трепетным листом.

Перевел с грузинского
М. МАКСИМОВ.

КОНЕЦ НОВОГО ДОМА

Рассказ

Леонид ВОРОБЬЕВ

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

Уже подходила пора сплошного листопада и туманной сеяни грибных дождичков. Днем было еще жарковато, зато к вечеру в лощинах у дороги закурился над болотцами, поросшими осокой, туман и холодом потянуло из низин. Солнце упало за частокол дальних ельников и подсвечивало оттуда края западных облаков. Предстояло провести холодную ночь на открытом воздухе, и поневоле приходилось убыстрять шаг.

От маленького поселка лесорубов Прятки, получившего название свое от извилистой речки, прячущейся в густых зарослях ивняка, ольхи и болотных дудок, до городка Снегова, куда я направлялся, было чуть более семидесяти километров. Сначала я намеревался идти большой дорогой и заночевать на середине пути в какой-нибудь деревушке, которые отстоят тут друг от друга на пять — шесть километров, но потом передумал и, свернув на проселок, стал через перелески выбираться на Ло́менгу.

Ло́менга в этих местах не так широка. Это уже в низах разливается она в полноводную реку, чтобы вплеснуть ледяные струи лесных речек и рек, впадающих в нее, в необъятную ширь Волги. А здесь Ло́менга тиха, спокойна, но довольно глубока. Стальная лента ее широкой просекой прошла сквозь частые перелески, пролагая прямой путь с северных водораздельных увалов к югу.

К Ло́менге я шел без всякой определенной уверенности в дальнейших своих действиях, надеясь только на «авось». Катер, моторная лодка, даже простая рыбачья лодчонка в это время в этих местах были редкостью. И все же я надеялся на счастливую случайность. Действительно, было гораздо лучше дремать на корме лодки, зная, что каждую минуту ты

на несколько десятков метров приближаешься к дому, чем ворочаться на чьем-нибудь сеновале и думать, что впереди около сорока километров дороги, которая в нескольких местах была далеко не «сахар».

«В крайнем случае разожгу костер и переночую на берегу,— раздумывал я.— Три лишних километра — куда ни шло. Зато вдруг удача!..»

В перелесках еще сохранилось дневное тепло. Под ногами похрустывала подсыхавшая трава, иногда шуршали и первые опавшие листья. Растертые в ладонях, они пахли почему-то свежими щами из крапивы и щавеля. Какой-то шальной тетерев, не сообразуясь со временем, вдруг начал бормотать совсем неподалеку. От этого в лесу стало словно еще тише. Тетерев побормотал и замолк, и уже думалось, что это бормотал не он, а где-то прокатилась по крупному камешнику струйка родниковой воды.

Наконец деревья разбежались по сторонам, началась болотистая низинка, ноги в которой увязали чуть не по колено, и в лицо ударила волна речной свежести. Открылась Ло́менга, гладь которой поблизости еще играла теплыми красками, а дальше, к северу, казалась темной и неподвижной. Я сбросил с плеч на землю надоевший рюкзак, снял ружье, спугнув шумом и резкими движениями кулика, который сорвался с закрайки маленького заливчика и пронесся над водой, исчезнув на противоположном берегу. Пора было разводить костер и попробовать приготовить себе что-либо вроде ужина. В рюкзаке у меня, помимо прочих предметов, лежало несколько крупных сорьезов, тщательно переложенных травой. Сорьез — рыба капризная и в ловле и в переноске. Я не надеялся донести свой улов до дому и решил вознаградить себя за предстоявшую неуютную ночевку превосходной ухой.

И вдруг вдали над темной поверхностью Ло́менги, как раз посреди нее, замерцал огонек. Неяркий вначале, он, по мере того как темнело, становился все светлей и светлей. «Катер!» — мелькнула у меня радостная мысль, и я побежал вниз по течению реки, к тому месту, где, как мне казалось, удобней всего было окликнуть плывущих на катере и где катеру можно было подойти к берегу. Я спешил, учитывая скорость катера и скорость течения, боясь, что не успею добежать и останусь незамеченным. Однако, обернувшись, я увидел, что огонек только чуть-чуть изменил свое положение относительно берегов реки. Кроме того, не слышно было шума мотора.

«Лодка с фонарем,— догадался я,— а может быть, со смольем: рыбу колют».

Немало пришлось постоять мне, прежде чем огонек приблизился настолько, что стало ясно: это костер на плоту. В наступивших сумерках еще довольно хорошо различалась черная масса плота, о которую ударялись струи воды. Двое людей сидели у костра, одна темная фигура возилась на конце плота, очевидно, у рулевого весла. Плот не был похож на обычные, гоняемые по Ло́менге одним или двумя плотогонами: будучи гораздо меньше их размерами, он в то же время значительно выдавался над водой. «Вероятно, не в один ряд связан»,— подумал я и загорланил:

— Эгей! На плоту!

Эхо от окрика метнулось вверх по реке и заглохло в перелесках. В ответ с плота раздался сипловатый стариковский голос, негромкий, но отчетливо услышанный мною:

— Ну... чего вопишь?

Я начал длинно объяснять, куда я иду и что мне нужно. Плот поравнялся с тем выступом берега, на котором я стоял, и прошел мимо. Не дожидаясь конца моих объяснений, тот же голос откликнулся вторично:

— Иди ниже. Там схватимся.

Метров через пятьдесят плот нехотя приблизился к берегу. Старик, высоченный, худой, стоящий на краю плота на прямых, словно палкообразных ногах, ловко задел багром за травниковый выступ берега и крикнул мне:

— Прыгай!

Я тяжело прыгнул на плот, заколыхав его. Заплюхалась о бревна вода. Старик выдернул багор и отдал приказание через плечо:

— Юрей! Отваливай на середку.

И вот я лежу на плоту, рядом с костром. Костер разложен на булыжниках, насыпанных поверх бревен. На плоту довольно сухо и даже, можно сказать, уютно. Под головой у меня рюкзак, ложем служат еловые «лапаки», прикрытые драным плащом. Старик сидит рядом с моим изголовьем на таком же ложе. Вода цвета вороненой стали побулькивает с боков плота. На дальнем его конце две фигуры распрямляются и вновь нагибаются над рулевым веслом — чуть обтесанным бревном с доской на конце. На середине плота, сбоку от костра,— наспех сделанный из палок и веток шалаш. Теплота костра, легкое покачивание, ощущение усталости в ногах — все располагает ко сну. Но я перебарываю себя и для соблюдения правил вежливости веду разговор с дедом.

Старик помешивает палкой в костре, щурит бесцветные глаза, прикрытые красноватыми тяжелыми веками, и отвечает кратко, сухо, без лишних рассуждений. Лицо у него узкое, заросшее серебряной щетиной. Черная когда-то борода тоже почти вся поседела. Седые волосы космами выбиваются из-под шапки-ушанки, свисают на лоб, прорезанный редкими, но глубокими морщинами. Он мотает головой в сторону двух фигур у рулевого весла и поясняет:

— Юрей — зять. Тонька — дочка. Из Баронских кривулей мы. Знаешь, повыше Паломы? Дом переломывать будем, подрубать по самые окна. Отпросились у начальства, билет выправили на порубку. Вот и решили водой пригнать. Зараз дровишек прихватили.

— Давно женаты? — указываю я на зятя и дочку, которые едва различимы во тьме.

— Второй месяц пошел,— сообщает старик.— Как обженились, малость прожили и решили переломываться. Вот и поехали. Заготовили. Оно бы и в старом еще можно позимовать, да уж, видно, надо.

На дальнейшие расспросы старик отвечает все короче и неохотнее. Чувствуется, он не любитель много говорить. Долг вежливости отдан, я желаю старику спокойной ночи и начинаю дремать. Сквозь сон я некоторое время еще слышу, как старик обращается к своей дочке и зятю:

— Ладно выправили! Здесь место ходкое, малость попоедем. А у Филькина камня на ночь схватимся али луны дождемся. Пустошинским заворотом ночью опасно идти: можем сесть где ни то.

И уже самое последнее, что доносится до меня как бы издалека:

— Тут вот справа Малый Пыжмас впадает. Сойму мы в его устье годов двадцать назад связали. Да вывели из устья рановато: боялись, воду упустим. А наверху, на Ло́менге, лед в заторе стоял. Возьми и прорвись. Такой пошел ледолом — матку чуть не оторвало. Цинки, как бечевки, лопались, дерева, что спички, ломались. Накострило лесу — упаси бог. Тыщи полторы кубиков размолило!..

Начали мерзнуть спина и правый бок, и, вероятно, от этого я пробудился. По-прежнему слева от меня горел костер, хотя и не таким ярким пламенем, как раньше. Плот, видимо, стоял у берега, но ни берега, ни воды нельзя было различить в густой черноте ночи. Луна пока не взошла, только несколько звезд мерцало в просветах между ночными облаками.

Старик похрапывал и что-то бормотал во сне. Но Юрий и Тоня не спали. Юрий лежал напротив меня, по другую сторону костра, подперев поставленной на локоть рукой голову и глядя на огонь. Тоня сидела у полусогнутых колен мужа, сцепив пальцы рук на своих согнутых ногах, и тоже смотрела на костер. Я, не открывая полностью глаз, потихоньку рассматривал их. Оба были красивы, каждый по-своему. На правильно очерченном лице Тони особенно выделялись глаза. По всей вероятности, голубые днем, они при неверном свете костра казались почти черными. Ее густые рыжевато-золотистые, чуть вьющиеся волосы были заплетены в косы, но маленькая прядка свешивалась на лоб, подчеркивая его белизну. Юрий был блондином с большой, крепко посаженной головой и с неожиданными на его белобровом лице светло-карими глазами. Рабочая одежда — ватники, кирзовые сапоги на каждом из них — не могла скрыть мужественную красоту их сильных, хорошо сложенных фигур. Похожи они были только румянцем на щеках, обветренными, загорелыми руками да еще одной, пожалуй, самой важной, чертой — здоровьем, которым веяло от них, молодостью.

— Нет, ты, Юрка, все же скажи,— продолжала Тоня разговор, очевидно, начатый задолго до моего пробуждения.— Все до точки. Что у тебя с Валькой было?

— Опять за старое,— недовольно поморщился Юрий.— Далась тебе Валька!.. Сто раз говорил: бродили, провожал, ну, поцеловались два — три раза...

— А дальше?

— Все. Я ж говорю, все! — почти раздраженно ответил Юрий.

— Ну ладно, не сердись,— примирительно отозвалась Тоня.

Наступило молчание. Потрескивали головешки в костре, где-то рядом чмокнула берег мелкая, неизвестно кем в такой тиши поднятая волна. По небу одна за другой прокатились две звезды.

— И все-таки скрываешь ты от меня, Юрка,— снова начала Тоня.— Обижайся, не обижайся, а чувствую я.

— Что ты чувствуешь? — усмехнулся Юрий, покусывая обломок тонкого прутышка.

— Обманываешь ты меня. Было у вас с Валькой... Ну, в общем.. так же она тебе близка была, как я. Догадываюсь я, и люди говорили.

— Сплетни,— бормотнул Юрий.

— Сам знаешь, сколько я сплетням верю... А тут не могу. Ну скажи, Юрка. Как же так, ведь между нами никакой тайны стоять не должно! Очень тебя прошу, правду скажи! Да ведь ты должен сказать. Кому же еще, как не мне? Понимаешь, должен!

— Ну, а если бы и было, так что?

— Как «что»? Да я сейчас не об этом. Юр, ну расскажи же. Не лги только.

— А чего лгать! — потянулся Юрий, укладываясь на спину и подсовывая руки под голову.— Ты ведь привяжешься, как смола. Ну, скажем, было. Так ведь я еще только подходил к тебе, а с ней давно знаком был.

Снова наступило короткое молчание. Затем заговорила Тоня, и в голосе ее чувствовались горечь и укоризна:

— Эх, Юрка, Юрка! Вот уж третий раз ты меня обманываешь. А живем-то... Про историю с бензовозом сколько ни говорил, выкручивался, про то, что с Колькой друзьями расстались, доказывал, а сами рассорились. Теперь, видишь, Валька...

— Так что ж, по-твоему, преступление я, что ли, сделал? — недовольно проговорил Юрий.— Все эти дела до того, как я с тобой дружить начал, прикончились. Вообще бы не стоило копаться, а ты выпытываешь, будто черт знает что произошло.

— Не о том я. Врал-то зачем?

— Опять врал! Ну, не сказал тогда, зато после сказал. Убыло, что ли, от этого? Что же ты думаешь, мне почти до тридцати лет монахом жить было нужно? Живой ведь человек. Может, и не только Валька была. Другие ребята вон...

— Плохо это, Юрий! Все ведь живые... И снова не про то я. Простить бы можно, да скрывал-то почему? Врешь-то для какой цели?

— Скрывал! Врешь! Простить! И словечками же ты побрасываешься! А уж если на полную откровенность идти, так ведь не мог же я в парнях обо всем тебе доложиться.

— Это почему?

— У характера своего спроси: «Почему?» Знаю я тебя: поговори бы о таком до свадьбы, так с тебя сталось бы, сдурела бы, ломаться начала: не пойду, мол, я у него не первая. Скажи, не прав?

— А после свадьбы? А теперь почему сказал?

— Ну, теперь дело другое,— засмеялся Юрий, протянув руку к жене и погладив ее по плечу.— Уж девичья-то придурь должна выскочить из головы. Теперь дурака валять да кокетство разыгрывать ни к чему. Нечего людей смешить, надо жить. Да ты, я вижу, опять спорить собираешься,— полушепотом прибавил он.— Спать надо, с луной дальше двинемся. Папашу, кажись, разбудили. Кричишь тут. Да и посторонний, может, не спит. Такие разговоры... Ложись давай.

Я спохватился и с непростительным опозданием завозился, делая вид, что просыпаюсь. Однако Тоня не обратила на это никакого

внимания. Ее губы машинально повторили: «Надо жить...»,— и она сказала Юрию:

— Спи. Посижу я.

— Как хочешь,— зевнул Юрий и повернулся спиной к костру.

Перевернулся на другой бок и я. Через несколько минут сон снова овладел мной.

На этот раз я спал очень недолго, причем во сне опять повернулся лицом к огню. Чуть приоткрыв глаза, я увидел Тоню, сидящую в прежнем положении. Ноги она подобрала еще ближе к себе, а подбородком уперлась в колени. Она плакала, но беззвучно. Слезы катились из ее широко открытых глаз, и она не вытирала их. Может быть, потрескивание головешек в костре заглушало всхлипывания, только казалось, что Тоня не плачет, а просто думает о чем-то, и слезы эти не настоящие, а всего лишь дождевые капли, упавшие на лицо. Боясь показать Тоне, что я видел ее плачущей, я плотно прикрыл глаза и начал притворно похрапывать. Она встала и пошла к концу плота. Я приподнялся и посмотрел ей вслед. Старик тоже приподнялся и тоже глядел в ее сторону. «Проснулся,— догадался я,— и увидел, как она плакала».

По плеску воды стало ясно: Тоня умывается. Затем она вернулась к костру и снова села. Немного погодя раздался ее шепот:

— Юрий, а Юрий! Проснись-ка. Поговорить надо.

— Поехали, что ли? — сонным голосом пробормотал Юрий.

— Нет. Сказать я тебе должна...

«Буду спать,— решил я.— Нечего подслушивать семейные разговоры, но и мешать им говорить нельзя: пусть разбираются между собой. Сплю».

Однако благое решение оказалось трудновыполнимым. Сон, как нарочно, не приходил, и приглушенный разговор молодоженов настойчиво лез в уши:

— Я у тебя откровенности требовала насчет Вальки и всего прочего,— каким-то хрипловато-напряженным шепотом говорила Тоня.— Так знаешь почему?

— Ну, почему, почему? — нетерпеливо спросил Юрий, стремясь, видимо, быстрее прекратить надоевший ему разговор.— Снова здоро́во. Когда и кончишь ты!

— Так вот,— словно бы не слушая его, продолжала Тоня,— ты мне все, наверно, до капельки рассказал. Значит, не первая я у тебя, да и не вторая. Да дело не в этом. Должна и я с тобой до точки откровенной быть. Ведь ничего из нашей жизни между нами скрытым остаться не может. Не должно. Верно?

— Верно,— зевнул Юрий.— Ты и так, я думаю, врать не умеешь. Верю. Кончай.

— Должна сказать я,— с трудом проговорила Тоня.— Признаться должна. Тяжело мне. Скрывать не могу... Ведь и ты у меня второй...

От неожиданности этого признания я открыл глаза и сейчас же снова прикрыл их. Старик не храпел и, по всей вероятности, не спал. Тоня сидела невдалеке от Юрия. Даже в слабом отсвете потухавшего костра было видно, как побледнела она, как побелели ее губы. И, несмотря на то, что я наблюдал эту сцену всего несколько мгновений, я успел заметить, как полусонное лицо Юрия моментально посерьезнело.

— Не придуривай! — строго сказал он.

— Правду говорю,— горько вздохнула Тоня.

— Кто? — отрывисто спросил Юрий.

— Он-то? — чуть слышно проговорила Тоня.— Борька Нелидов.

Последовала продолжительная пауза. И когда Юрий заговорил, в его громком шепоте слышались раздражение, подозрительность и угроза:

— Так ты что? В самом... деле?..

— Я ж сказала: откровенность на откровенность.

— Брось ты об откровенности,— повысил голос Юрий и поднялся на ноги. Он глядел на Тоню в упор, а она не отводила взгляда от красных головешек, которые кое-где уже подергивались пеплом, а кое-где еще давали пищу языкам пламени.— Дуришь, Тонька? — зло спросил он.— Ну скажи, что врешь. А может быть... Тогда докажи, что правду сказала. Дай, Тонька, честное слово! Слышишь?! Сейчас же дай! Я знаю, что́ твое честное слово стоит, знаю — не прокинешься им. Ну!

— Правду сказала,— монотонно ответила Тоня.— Честное слово.

— Ты дала честное слово! — почти выкрикнул Юрий.— Что же это?!

— Тише,— так же размеренно, монотонно сказала Тоня.— Перебудишь всех. Слышал ведь, что дала слово, так зачем переспрашиваешь? От правды не скроешься...

Лицо Юрия исказилось. Он дернулся, словно хотел прыгнуть в сторону, но неожиданно присел на корточки и схватил Тоню за плечи. Ища глазами взгляд жены, который она упорно отводила, он лихорадочно зашептал, по-волчьи оскаливая крупные белые зубы:

— Получилось? Как мальчишку, обвели. До свадьбы, небось, святой прикидывалась. Притронуться не давалась. Знала, что если раскушу тебя, так на черта ты мне нужна будешь. Такую недотрогу из себя выставляла, а сама...

До него словно только дошел полный смысл признания жены. Он выпрямился во весь свой высокий рост, как-то неестественно всхлипнул и выкрикнул грязное ругательство.

— Эх, ты!..

Вслед за этим раздалась звонкая пощечина. Тоня чуть не упала на бок и схватилась рукой за лицо, упираясь другой рукой в бревна плота. А фигура Юрия уже металась с одного конца плота к другому, немилосердно раскачивая его. Юрий схватил вещевой мешок, бросал в него какие-то предметы и говорил-говорил свистящим, злым шепотом:

— Одурачили. Сучка! Ну ладно. К черту вас. Дом перестраивать будем... Нашли дурака. Заманили. Ихнюю старую рухлядь перестраивать понадобилось, так зятя стали искать. И нашли дурачка. Ну посмотрите, какой я дурачок! Сволочи. Посчитаемся еще. Пошли вы...

Он еще раз пробежал по плоту, вскидывая мешок на себя, хватая в руки плащ, какой-то узелок, топор. Затем послышался глухой стук, и плот стал качаться все тише и тише. Это Юрий соскочил на неразличимый в темноте берег и растворился во мраке.

Я взглянул на Тоню. Она переменила положение, села, подогнув ноги под себя, упираясь в плот одной рукой. И странно, она улыбалась! Улыбка была совсем натуральной, однако после всей этой сцены она казалась более страшной, чем недавние ее слезы.

Поднялся со своего ложа старик. Кряхтя и вздыхая, он подобрался к дочери. Присел возле нее, с трудом сгибая хрустящие колени, и расстроенно, с хрипотцой в голосе пробормотал:

— Что же это ты, доченька? Как же? Пошто такую напраслину на себя возвела? Зачем такое наговорила? Ведь сболтнула же?

— Слышал, папа? — спокойно спросила Тоня и, не дожидаясь ответа, добавила: — Еще бы не напраслина! Самую что ни на есть ерунду сказала. Ты-то вот не поверил. А мне проверить его надо было. Видел, как он меня уда-

рил? И этого я ждала, и это для проверки снесла. Ты-то знаешь: стерпела ли бы я, чтобы меня били? Я бы такую сдачу дала, а не смогла бы руками защититься, так на плоту приколков немало. Ничего, вытерпела.

— Ой-ей-ей, Тонюшка! — почти по-бабьи причитал старик.— Честным-то словом пробросилась. Нехорошо получилось.

— Нехорошо,— вздохнула Тоня.— Да что ж поделаешь? И честное слово продать пришлось, чтобы человека испытать, с которым сквозь всю жизнь идти собиралась.

— Собиралась, говоришь! — приподнялся старик.— Ты чего, Тонька, надумала?

Тоня поднялась вслед за отцом. Теперь отец и дочь стояли. Она была чуть меньше его ростом, но, пожалуй, не уже в плечах. Обняв старика за плечи, прижимаясь к его боку, она горячо заговорила:

— Папа! Не спорь ты со мной. И так тяжело мне. Да и меня знаешь: не отступлюсь от своего, лучше утоплюсь. Пойми, не случайная это у нас ссора! Я уж сразу после свадьбы стала примечать: не тот он, о котором я мечтала,—а сегодня он передо мной как на ладони. Он до свадьбы тенью за мной ходил, клялся во всем, о верности говорил. Да ладно... Ведь не из-за Вальки какой-нибудь я, а неправды не терплю. Как же я жить с ним стану, когда он вроде ради хитрости какой-то до свадьбы о том, о другом умалчивал? Я просила: «Скажи!» Так нет! А после свадьбы то одно, то другое открывать начал. Не уйдет, мол, теперь никуда. Жить надо. Ведь он и дальше обмануть не задумается, когда ему выгодным покажется. Пап, ведь себя он только любит. Попробовала я сегодня его на свое место поставить, показать, каково с человеком жить, когда он тебя обманул. Встал он на мое место, так видел, как завертелся?

— Ой, доченька! — бормотал старик.— Как же теперь? Что ж это, господи, делается?

— Себя он одного любит,— повторила Тоня.— А я ждала такого, чтобы одинаково, сколь меня, столь и себя любил. Я бы его больше себя в тыщу раз любила. Не тот. Как быть, спрашиваешь? — уже спокойней прибавила она.— Сейчас кое-что из вещей возьму и в Сохру берегом пойду. Оттуда на катере до дому уеду. Не удерживай, пап! — просительно заглянула она старику в лицо.— Здесь ведь недалеко, догонишь плотишко, не торопясь. Сколько ты их перегонял, угони уж и этот. А? Да и он вернется. Побегает, побегает и придет. Знаю я: пылить он любит, да твердости в нем нету. Угоните. А дома разделим напополам. Сами подрубим. Пусть увидит, нужен ли нам он, чтобы новый дом поставить. Пойду я, папа. Пройдусь хоть, одна побуду.

Из-за леса, сбегавшего к воде по противоположному берегу Ло́менги, выставилась красная горбушка всходящей луны. Стали различимы берега, темная лента воды, очертились края плота. Костер почти погас, от ночной свежести у меня сводило все тело, но я боялся пошевельнуться и тем самым выказать себя невольным свидетелем семейной драмы.

— Люди-то, люди! — чуть не плача, охал старик, наблюдая за дочкой, которая собирала разные вещи в рюкзак.— Коли разводиться будете, он такого про тебя наскажет! И Борьку приплетет. Стыда-то, позора-то не обраться!

— Кто меня знает, не поверит,— бросила Тоня, надевая рюкзак.— А на сплетников наплевать! Прости, пап!

Она подошла к старику, быстро прижалась к нему и через несколько секунд спрыгнула на мысок берега, у которого остановился плот. Уже с берега донеслось:

— Подкинь в костер — прохожий заспался, простынет. А когда тот... придет да если про меня спросит, пошли его куда-нибудь недалеко в другую сторону. А то догонит еще. Не могу я видеть его сейчас. Счастливо тебе добраться, папа! Дома к Ло́менге ходить буду. Встречу.

Чуть повернув голову, я следил за освещенной луной фигуркой, которая с мыска вскарабкалась на крутик берега, мелькнула несколько раз в кустарнике и скрылась из виду. Затем я поглядел на старика.

Луна взошла совсем, и стало светло, почти как на рассвете. Старик опустился на чурбашок, лежавший на конце плота неподалеку от рулевого весла, и в бледном лунном свете казался изваянием. На воду поперек Ло́менги в некоторых местах легли матовые лунные дорожки. Одна из них прошла совсем рядом с плотом, по течению чуть ниже его. Около леса на обоих берегах слоилась низкая пелена холодного тумана. Не было слышно ни единого звука, кроме далекого журчания струй на перекате.

Я встал, поковырял палкой в костре, присел несколько раз, разминая озябшие ноги, и по качающейся поверхности плота направился к старику. Он не обратил внимания на мое приближение и не переменил позы. По его морщинистым щекам стекали слезы, путаясь редкими бисеринами в седой бороде. Он глухо бормотал:

— Сраму-то! Вот тебе и первая красавица! Теперь ни жена, ни вдова, ни девка на выданье. Горе-то! Дом подновить ладились. Мы со старухой двадцать лет до своего дому по закуткам маялись. А этим в первый же год. В доме всего полно. Так не живется! Господи боже мой, до чего самостоятельные пошли! Требуют всего. Как людям-то на глаза показаться?

— Что это вы, папаша? — подал я голос.— Что с вами?

Старик поднял на меня глаза, вытер ладонью лицо и тихо ответил:

— Слыхал, поди? Неужива у дочки с зятем. Материнский характер у нее. Вся в мать.

Отвернулся в сторону и громче прибавил:

— Мать ее, старуха-то моя покойная, характерная была. Гордая! Неправды не переносила. Вот и дочка такая же. Да ведь жили мы со старухой не год, не два... Э-эх!

Несколько минут мы молчали. Вдруг на берегу раздались гулкие в тишине ночи шаги, и на крутике, словно в подтверждение Тониного предположения, выросла отчетливо видимая при серебристом свете луны фигура Юрия. Он некоторое время глядел на нас, затем крикнул:

— Где жена?

Старик ничего не ответил, даже не повернулся на окрик. Тогда Юрий еще повысил голос:

— Тонька где, спрашиваю?!

— Ушла,— безучастно отозвался старик.

— Куда?

— Почем знаю! — не меняя тона, ответил старик.— Кажись, в Пимачата.

Юрий резко повернулся и снова исчез, направляясь в сторону, противоположную той, в которую ушла Тоня. Он явно намеревался догнать ее. Кто знает, зачем? Может быть, извиняться, просить примирения. Может быть, к старым оскорблениям прибавить новые... Неизвестно.

Старик молчал. Приходилось молчать и мне. Затем он поднялся, и по его движению я понял, что он принял какое-то решение.

— И-эх! — махнул он рукой и даже, мне по-

ВЕТЕРАНЫ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Первый номер «Сигнала».

— Вот он, журнал, который я редактировал в 1905 году...

Корней Иванович Чуковский показывает несколько сохранившихся у него номеров «Сигнала», и мы узнаем, как возникло это издание.

Побывав на борту восставшего броненосца «Потемкин» и оказавшись под влиянием революционных событий, молодой литератор Чуковский вскоре затем переехал из Одессы в Петербург. По его признанию, была у него мечта: найти в столице миллион рублей и начать издание сатирического журнала.

Миллион ему, конечно, не подвернулся, но в воскресенье, 13 ноября 1905 года, в Петербурге вышел первый номер «Сигнала», отпечатанный в две краски. На последней странице значилось: «Редактор-издатель К. Чуковский». Первые пятьсот рублей на издание «Сигнала» внес знаменитый певец Леонид Собинов. И появился в свет «Выпуск первый» с «кусачей» обложкой.

В ту пору премьер-министр Витте обратился к бастовавшим рабочим с воззванием: «Братцы, рабочие, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей». И вот рисунок на обложке «Сигнала»: граф Витте с... красным знаменем в руках. Перед ним его подлинные «братцы»: жандармы, казаки, полицейские. К ним-то и обращены слова царского премьера в подписи под рисунком: «Братцы, становитесь на работу».

Спрос на журнал превзошел все ожидания. Но после выхода четвертого номера К. Чуковского привлекли к ответственности «за оскорбление величества» и членов царской семьи. Еще обвинили его в «несовершеннолетии»: по закону того времени лицо, не достигшее двадцати пяти лет, не имело права быть редактором-издателем. И двадцатитрехлетний Корней Чуковский оказался под арестом.

Спустя несколько дней Чуковского выпустили из тюрьмы. Его взяла «на поруки» под залог до дня суда издательница ежемесячного прогрессивного журнала «Мир божий» Мария Карловна Куприна — жена А. И. Куприна.

Судили Корнея Ивановича при закрытых дверях. Защищал его известный адвокат О. Грузенберг, впоследствии защитник Бейлиса. Воспользовавшись тем, что в «Сигнале» под карикатурами на царя и царицу не были указаны их имена (читатели догадывались об этом благодаря полному сходству), защитник заявил:

— Неужели прокурор позволит себе утверждать, что нарисованные ублюдки есть высочайшие особы?

И стал показывать суду вырезанные из журнала карикатуры. Утверждать, что там изображены именно эти «высочайшие» особы, никто не посмел, и редактор «Сигнала» был судом оправдан. После этого Мария Карловна получила обратно свой залог, который вносила за Чуковского,— десять тысяч рублей.

В те же дни в Севастопольской тюрьме сидел по обвинению в революционной деятельности Николай Никандрович Никандров (Шевцов). Ему шел двадцать седьмой год; прожито было немного, пережито немало. Учился в Севастополе, познакомился с вернувшимся из ссылки народовольцем, стал революционером. В 1898 году московский студент Никандров написал о своих переживаниях Льву Толстому. Встретился с ним в Москве, в Хамовниках, и на всю жизнь запомнил совет великого писателя: «Верьте себе».

Став учителем в селе Грязнуха, Никандров посылал оттуда корреспонденции в «Саратовский листок». Подписывался он «Иммигрант», но псевдоним был раскрыт, и учителя уволили со службы. Никандров подался на Урал, учительствовал в сельской школе, неподалеку от Бисертского завода, писал разоблачительные статьи в газету «Пермский край». И снова потерял место.

Обладая большой физической силой, Никандров был то грузчиком, то рыбаком. Продолжая участвовать в революционном движении, сидел в тюрьмах, побывал в ссылках.

1905 год застал его в Севастопольской тюрьме, где отбывал тогда заключение студент Гриневский, впоследствии писатель Александр Грин. По его совету Никандров через тюремных надзирателей пересылал свои рассказы и фельетоны в местную газету «Крымский вестник».

Выйдя из тюрьмы, Никандров пришел в редакцию за гонораром.

Корней Иванович Чуковский, редактор-издатель «Сигнала».

казалось, выругался сквозь зубы.— Слушай, милый,— обратился он ко мне.— Ты меня прости, но поди-ка ты в Сохру. Семь верст здесь. Сейчас луна, тропка тут хорошая. Видел, куда дочка пошла? Не бойсь, не заплутаешься. Берега придерживайся. В Сохре лесопункт: оттуда и катеры через Снегов ходят и машина подпасть может. Уедешь. Извини уж, такая напасть приключилась! Поди! Один остаться я должен.

Повинуясь просьбе старика, я быстро собрался и спрыгнул на берег, провожаемый его напутствиями и разъяснениями, как добраться до Сохры. Войдя в густой береговой кустарник, я свернул с тропки, сделал дальний обход по берегу и, пригибаясь, стараясь ступать бесшумно, приблизился к краю возвышенной части берега, откуда было можно спуститься к плоту. Там я прилег за корягой, вынесенной на сушу весенними водами, и стал глядеть на плот. «Нельзя оставлять старика,— подумалось мне,— натворит еще чего-нибудь с горя».

Старик стоял на середине плота, вытянувшись во весь высокий рост. Он смотрел в том направлении, куда должен был уйти я. Убедившись, вероятно, что я отошел на порядочное расстояние, он перебросил на мысок берега вещевой мешок и багор, а потом заглянул в шалаш и обошел весь плот, наклоняясь и словно проверяя, не забыта ли какая-нибудь вещь.

После этого он взял в руки топор, подошел к краю плота и с размаху рубанул по вицам, связывавшим бревна. И вот раздались один за другим частые удары, отдаваясь раскатистым эхом в крутоярах берегов, вверх и вниз по реке. Сначала одно бревно, затем второе, затем третье отвалились от плота и, срябив лунную дорожку на воде, поплыли вниз по течению.

«Что он, с ума сошел с горя?— недоумевал я.— Так он весь плот по бревну распустит!..»

А старик рубил и рубил без устали. Бревна отходили от плота, выплывая на быстрину. Повалились в воду булыжники, на которых был разведен костер. Зашипели, плюхаясь в реку, головешки. Разрубая связки плота, старик бормотал что-то нечленораздельное. Однако постепенно он распалялся, и вскоре я услышал произносимые им слова:

— Зятя, говоришь, себе искали, чтобы дом перестраивать? Приемка? Эх, ты! Да мне от тебя ни одного полена не нужно. Спать спокойно не буду, коли этими бревнами дом подрублю. Может, при дележке мне как раз те дерева попадутся, что ты рубил. Не-ет! Все размолю, пускай плывет! Вдвоем со старухой дом ставили, вдвоем с дочкой перестроим. Сами поставим, сами жить будем. Провались ты!

Последнее восклицание относилось, видимо, и к зятю и к остаткам плота. Как раз в эту минуту старик соскочил на берег, выдернул из земли кол, к которому был привязан плот, и багром оттолкнул остаток плота подальше от берега. Вскоре и этот остаток пересек лунную дорожку, выходя на быстрое течение.

Старик вскинул мешок на спину, положил багор на плечо, взял в свободную руку топор и стал подниматься на крутик. Он прошел неподалеку от меня, вышел на тропку и направился в сторону Сохры.

Я смотрел ему вслед, следил, как он уходит в густые кустарники и как пика-багор с поблескивающим острием плывет поверх верхушек ивняка, и думал, что старик сказал неправду, когда говорил о характере своей дочери. В ее характере было, без сомнения, немало и отцовского.

д. Ушаково, Костромской области.

М. К. Куприна-Иорданская в начале века, в период издания журнала «Мир божий».

Вместе с деньгами ему передали письмо, которое начиналось словами: «Прелестно пишете!» Внизу стояла подпись: «А. Куприн».

Осенью пятого года Куприн жил в Балаклаве, вблизи Севастополя. Ему понравились рассказы Никандрова. Александр Иванович увез его к себе, читал ему наизусть стихи и прозу многих авторов, подарил две сорочки и наказал писать.

— Какой из меня писатель, Александр Иванович? — упрямо говорил Никандров.— Не мое это дело.

Так же отвечал Никандров двумя годами раньше и Максиму Горькому, который слушал в Нижнем Новгороде его устные рассказы и советовал молодому ссыльному взяться за перо. Убеждала Никандрова стать писателем и Мария Карловна Куприна. Вместе с мужем она привлекала к участию в журнале способных молодых авторов. Никандров написал и передал Марии Карловне рассказ «Бунт», который был опубликован в первом номере журнала «Мир божий» за 1906 год вместе с рассказом Куприна «Штабс-капитан Рыбников».

Затем под влиянием Куприных Николай Никандров написал для журнала, переименованного впоследствии в «Современный мир», рассказы «Бывший студент», «Береговой ветер», «Горячая». Так постепенно был «втянут» в литературу писатель из народа, чье творчество получило высокую оценку Горького, Бунина, Куприна.

Никандрову приходилось жить нелегально, по чужим паспортам, скитаться по ночлежкам; спасаясь от преследования полиции, он эмигрировал за границу; с 1910 по 1914 год жил во Франции, Италии, Швейцарии. Когда в 1913 году Никандров бедствовал за рубежом, Горький писал о нем редактору «Современника» Амфитеатрову: «Никандров,— это — да! Талант».

Алексей Максимович сам отредактировал и напечатал в журнале «Летопись» рассказ Никандрова «На Часовенной улице».

Необычна история появления первой книги молодого писателя. Вернувшись из эмиграции, он жил в одной из московских ночлежек, в знаменитой «Ермаковке» на Каланчевской улице. Там нашел его большевик Н. С. Ангарский, ведавший «Книгоиздательством писателей в Москве». По инициативе Ангарского вышел сборник рассказов Никандрова «Береговой ветер», выдержавший затем несколько изданий. Это было за два года до Октябрьской революции.

В 1925 году, когда вышел первый номер журнала «Новый мир», он открывался рассказом Никандрова «Гурты». И тут не обошлось без «нажима» Марии Карловны Куприной-Иорданской, работавшей в «Новом мире» с момента его возникновения. Это она разыскала Никандрова, гнавшего осенью 1924 года партию скота из Саратовской губернии в город Козлов (ныне Мичуринск), Тамбовской губернии.

Рассказ, которым открылся тогда «Новый мир», вошел и в однотомник Никандрова «Повести и рассказы», изданный в прошлом году. В книге портрет восьмидесятилетнего автора в кителе и морской фуражке. Это любимая одежда писателя, которому и поныне не сидится в Москве. Его тянет к морю, в Крым, где прошли детские и юношеские годы. Еще четыре года назад он выходил на промысел с черноморскими рыбаками.

Мария Карловна Куприна-Иорданская живет в одном из тихих переулков Москвы. Она встречается и беседует по телефону со старыми друзьями, работает над книгой воспоминаний. Не один десяток лет общалась она с русскими писателями. С некоторыми дружит, переписывается и поныне.

Мария Карловна сообщила нам, что она пишет о том, как создавались Куприным «Поединок» и «Штабс-капитан Рыбников».

Бывший редактор «Сигнала» К. И. Чуковский, как известно, продолжает работать над книгами для больших и маленьких. Он с горячей признательностью вспоминает помощь, которую «в минуту жизни трудную» великодушно оказала ему Мария Карловна.

Ветераны нашей литературы, начавшие творческую деятельность в самом начале века, продолжают ее и сегодня.

М. К. Куприна-Иорданская и Н. Н. Никандров в 1959 году.
Фото автора.

Миха Мамулашвили.

СТАРИК И ЦВЕТЫ

Ия МЕСХИ

Фото Е. Халдея.

Праздник в Тбилиси

В Тбилиси в канун нынешнего лета состоялся не совсем обычный праздник — «Праздник цветов». И проявлено было при этом много вкуса и выдумки. Чего только не привезли в этот день на выставку горные и приморские ботанические сады, научно-исследовательские институты, питомники и цветоводы-любители! Кстати, стало известно, что в Грузии произрастает до пяти тысяч шестисот разновидностей всевозможных цветов.

В уличных киосках места цветочниц заняли актрисы театров и кино. По проспектам двигались нарядно украшенные старинные фаэтоны и тележки. Цветы украсили фасады домов, балконы, которых здесь великое множество. Кажется, не было в этот день человека, который не нес бы в руках букет или саженец.

Словом, состоялся хороший, красивый праздник. Но мало вырастить миллионы нежных, благоухающих растений. Надо суметь все это расположить так, чтоб осталась память о большой радости и отдыхе.

В этом деле мастером показал себя цветовод-декоратор из Мцхеты Миха Мамулашвили. Его работы на выставке были признаны лучшими.

Разглядывая на перекрестках улиц композиции из камней, цветов и моха, люди говорили:

— Это—дело рук Мамулашвили.

На самом же деле цветовод из Мцхеты непосредственного участия в оформлении города не принимал. Украшали город художники, декораторы, архитекторы. Но каждому было ясно, что все это, в общем, шло от Михи, из его маленького цветника в Мцхете, который превратился за последнее время в своеобразную творческую лабораторию декоративного цветоводства.

Говорят, что прежде на такого рода празднествах выбирали королев. Старый Миха никак, конечно, не подходил для этой роли. Но диплом первой степени «Праздника цветов» был присужден ему. И не только за те работы, которые он привез на выставку. Заслужил он его всей своей восьмидесятишестилетней жизнью, из которой более семидесяти лет посвящены цветам.

Камень с Машука

Представьте себе старый сельский дом с балконом. Перед домом небольшой цветник. Калитка поет без умолку, впуская и выпуская все новых людей.

Старый Миха выходит в цветник, маленький, согбенный, над высоким лбом белое облачко, некогда бывшее гордым смоляным чубом. Глаза смотрят испытующе, снизу вверх: кто пришел?

Почтальон принес фанерный ящик. Семена из Останкина посылает Главный ботанический сад Академии наук СССР.

Входит пара, совсем еще юные, он и она.

— Вы Мамулашвили? Разрешите посмотреть?

Они медленно идут по тропинкам и подолгу останавливаются около цветов.

На скамью, затейливо сложенную из старого инжирового дерева, подсаживается к Михе полковник в отставке. Затевается длинный, профессиональный разговор о медведках, которые уже начали «работать».

У калитки фырчит грузовик. Шофер вылезает из кабины.

— А-а... Это друг, Захарий. Камни, наверно, привез. Мне теперь трудно их искать, а он ездит по дорогам и тоже научился примечать...

Камни... Пожалуй, они и отличают цветник Михи от всех других цветников. А сколько их, камней, в этом краю?! Драгоценные и простые, вулканического происхождения, мраморы всяких оттенков, камни гладкие, как кожа ребенка, пористые, с «веснушками», круглые и плоские. Одни живут в шумных ручьях и на берегу синего моря, другие — в молчаливых горах. Между ними каким-то чудом укореняются растения, они обрастают лишайниками, укрываются мохом.

Все это есть в цветнике Михи.

С камня, как это ни странно, началась биография цветовода. Он учился в Кисловодской гимназии, получал сплошные «колы» и целыми днями пропадал в окрестных горах. Наконец его просто выставили за дверь. Обратно в Мцхету он ехал, держа на коленях завернутый в тряпку камень с Машука. Дома, во дворе, примостил его рядом с цветами. Родители поняли: не выйдет из Михи гимназиста — и отдали мальчика в школу садоводства. С тех пор руки его в земле.

Все, что есть в Мцхете зеленого: улицы, парки, сквер у памятника народному герою Арсену,— сделано его руками. Он украшал цветами парк Тбилисского Дворца пионеров, аллеи Тбилисского ботанического сада, Дом-музей Ильи Чавчавадзе в селе Сагурамо, парки винодельческих совхозов в Кахетии и Карталинии, дома отдыха в Гагре и на Рице. Его особые, «мамулашвилевские» корзины-подарки, составленные из прутьев, цветов, моха и травы, постоянно можно видеть на чествованиях и юбилеях, на премьерах в театрах и у самолетов в руках зарубежных гостей.

Разговаривая, он и сейчас не сидит без дела: плетет тонкий ивняк или ходит по цветнику, пригибая ветви роз. Утром прошел дождь, и лишняя влага тревожит цветок...

— А камень с Машука — вот он...— говорит Миха.

Он стоит торчком на вершине горки — альпинария, сложенного из разноцветных пород. Из-под камней выбиваются на свет травы и цветы. У подножия — высушенные, прокаленные горячим солнцем речные причудливые коряги, куски коры, покрытые узором голубого лишайника, зеленые и рыжие мхи.

Здесь много таких альпинариев.

Мы намеренно не говорим о цветах. Их тут так много — пышные нарциссы, гордые тюльпаны, яркие розы,— как и в любом другом цветнике. Но здесь рядом с красоткой «Золотым солнышком», розой Солей д'Ор процветают всяческие дички, плодятся семейства забавных колючек, живут растения, мимо которых проходят, обычно не взглянув. Но всмотритесь в них: они, оказывается, прекрасны!

Камни молодеют рядом с цветами. Цветам тесно, мыслям просторно. Мысли уносят к окружающим горам, долинам, ущельям.

Из «Книги гостей»

Нельзя быть равнодушным в этом волшебном саду. И в «Книге гостей» Михи Мамулашвили, заведенной год назад, мы читаем такие слова.

«Он не только трудился. Он совершал изо дня в день, десятилетия, подвиг. И совершил его. Кажется, что собранный здесь земной мир говорит: «Люди! Посмотрите, как я удивителен и прекрасен...» — записал Игорь Поспелов. Москва. Тимирязевка.

«Я понял от пожилого человека, что значит любить природу»,— пишет Зеле Ференц, журналист из Будапешта.

«Мы приветствуем его талант и его влюбленность в свое дело, и мы просим аллаха продлить его жизнь...» — пишут Ахмед Фахри, профессор Каирского университета, и Закинур, инспектор, хранитель пирамид.

«Уезжая на границу, мы от всей души говорим Михаилу Александровичу: «Живите долгие, долгие годы, трудитесь спокойно. Мы не позволим никому помешать вашему полезному труду». Группа пограничников».

Старого цветовода по праву называют «волшебником», «мастером природы». Пишут об этом и тут же предлагают: нужен специальный труд о цветнике в Мцхете — документальный фильм, который явится «ценным пособием для всех ландшафтных архитекторов». И, наконец, то, что пишут почти все: в Мцхете должна быть создана школа декоративного цветоводства.

«Король» без наследников

Итак, на «Празднике цветов» в Тбилиси искусство Мамулашвили вышло за мцхетский плетень. Был «коронован» и сам Миха.

Надо сказать, что пробивалось это искусство на улицы города и до праздника. Один из районных агрономов применил в постоянном оформлении улицы элемент стиля Мамулашвили. Попросту вместо обычного бордюра сделал плетеную из прутьев изгородь ростом не более чем в два вершка.

Спрос на людей, украшающих город, становится все больше, и это понятно: жизнь становится краше!

«Зеленый архитектор» Тбилиси Нелли Александровна Цицишвили закончила два факультета: архитектурный и агрономический. В городе она своего рода уникум, единственный специалист в этой области. А сколько стало работы! Открываются новые парки, прокладываются новые улицы, разбиваются скверы. На части рвут Нелли Александровну. Буквально «на ходу» переподготавливает она молодых архитекторов в своих зеленых помощников. Но пока все это делается очень уж кустарно. А нужны, очень нужны люди со вкусом, обладающие художественным чутьем, чтобы в наше высокотребовательное время создавать красоту! Ведь городу уже недостаточно асфальта и деревьев. Город хочет больше цветов!

И тут мы снова возвращаемся в Мцхету.

Старик и цветы...

А еще бы лучше — старик, дети и цветы.

Мы привыкли видеть наших детей с букетами цветов на праздниках. Это хорошо. Но очень хотелось бы видеть их и в учебных цветниках перепачканными в земле, там, где готовят резервы украшателей жизни наших городов.

Путешествие по украинской земле

СЛОВО О КИЕВЕ

Натан РЫБАК | **Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.**

Специальные корреспонденты «Огонька».

Слово о Киеве!.. Можно ли его сказать так, чтобы читатель увидел всю красу и величие столицы нашей республики, чтобы перед взором встали днепровские кручи и в золотом мареве тающей дымки рассвета поднялся весь он — прекрасный, древний и всегда вешенний Киев? А ведь главное и не это, не внешняя краса площадей и улиц, парков и садов, Днепра, катящего к морю свои волны.

Зодчие Киева, кузнецы его счастья и славы, воли и величия, возродившие его из пепла,— вот это и есть самое главное, и хотелось бы, чтобы они, эти люди, стали ощутимо близкими читателю.

...Перед взором моим памятный ноябрьский день 1943 года. Дымящиеся руины на Крещатике. На уцелевшей стене Дома обороны надпись, напоминающая клятву: «Мы сделаем тебя еще краше, Киев. Сержант Головня».

Не могу не вспомнить сегодня это обещание сержанта Головни. Мне неизвестна его дальнейшая судьба. Возможно, он невредимым вышел из горнила войны и

Бригада коммунистического труда швейно-закройного цеха фабрики имени Р. Люксембург. Стоит слева бригадир Светлана Чабан.

пришел в Киев уже тружеником, а не солдатом. Но сила и смысл нашего несгибаемого и всепобеждающего братства народов таковы, что клятву Головни выполнило нерушимо все товарищество, к которому он принадлежал.

Об освобождении Киева от гитлеровцев, о его страданиях под пятой оккупантов думали и помнили все патриоты советской земли. Не забуду тревоги в голосе прославленного аса Александра Покрышкина, когда он скупо объяснял мне, военному корреспонденту газеты, боевые дела своей части. Узнав, что я киевлянин, он сказал: «Не долго еще фашистам измываться над Киевом; повремени, товарищ, дай срок, выйдем на Днепр...»

Танкист Бабаев из Алма-Аты накануне штурма Киева написал: «В битву за родной Киев хочу идти коммунистом, прошу принять меня в ряды партии...»

Боец чехословацкого корпуса Яромир Кратохвил, раненный в боях за освобождение Киева, сообщал в Прагу: «Я удостоился высокой чести сражаться за свободу Киева. Он так напоминает мне Прагу...»

Надо ли говорить об этом сегодня, когда минуло 14 лет после Дня Победы? Надо!

...Командир танка Никифор Шалуденко вырвался на пылающую площадь Калинина. Он никогда не видел Киева, и ему не сиделось в бронированном укрытии, надежно непроницаемом благодаря знаменитому «шву» Патона — академика Украинской Академии наук.

Шалуденко нетерпеливо отбросил крышку люка и очутился на площади с автоматом в руках. Он смотрел на дымящиеся развалины и в эти минуты, вероятно, больше думал о мире, чем о войне. Враг воспользовался добрым раздумьем солдата и убил его из-за угла.

Шалуденко спит вечным сном в киевской круче, но память о нем жива в сердцах его земляков. Да, именно земляков. Он навсегда стал киевлянином, танкист Никифор Шалуденко, похороненный там, где высится обелиск воинской славы, где, не угасая, пылает огонь.

...Более восьмисот промышленных предприятий Киева разрушили гитлеровцы, шесть тысяч жилых домов уничтожили оккупанты, двести тысяч киевлян замучили они, десятки тысяч угнали в рабство. Осенью 1943 года в нашей столице жило всего лишь сто восемьдесят тысяч человек.

Теперь, спустя четырнадцать лет после окончания войны, когда поднимаешься на возвышение, сооруженное в селе Новые Петровцы, где в канун освобождения Киева размещался командный пункт войск 1-го Украинского фронта, откуда товарищи Н. С. Хрущев и генерал армии Н. Ф. Ватутин руководили боевыми операциями, когда смотришь на бережно сохраняемые траншеи и ходы сообщений, когда читаешь пожелтевшие листовки воззваний командования к бойцам и командирам, то понимаешь сердцем и душой: нет, это не только великое прошлое, героическое и незабываемое. Это мост в сегодняшнее, в завтрашнее, в будущее! Это залог наших побед, свидетельство нерушимого и несгибаемого братства советских народов. И так же как в дни горьких испытаний на помощь украинской столице пришли народы-братья, так и в дни мира Киев восстанавливали рабочие и инженеры многих городов Страны Советов. И как тут снова не вспомнить величественный монумент Владимиру Ильичу, что на бульваре Шевченко, и ленинские слова, начертанные на постаменте: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина **возможна,** без такого единства о ней не может быть и речи»!

В глубину веков уходит прошлое Киева. Многие памятники старины остались свидетелями его славы и стойкости. Тут родилась государственность земли нашей, и отсюда на защиту ее независимости уходили отважные рати народа. Мы отдаем должное прошлому и помним его. Однако никогда за всю историю свою не был Киев так величав, красив, наряден, так счастлив, как в нашу советскую эпоху.

С кручи, где плечом к плечу покоятся герои битвы за Киев, хорошо видны необозримые просторы нашей столицы. И, собственно говоря, именно с этой кручи видишь уже не только правобережный, а и новый, строящийся левобережный Киев. Да, именно так. Я не оговорился. На левом берегу Днепра растет и ширится новый Киев. Это и многочисленные корпуса заводов, фабрик; это и новые кварталы домов, широкие улицы, дворцы культуры, сады и парки.

Люди, возродившие столицу из руин, создавшие новый облик города, расширившие его границы, не остановились на этом. Вы выходите на любую киевскую улицу, знакомитесь с жизнью любого рабочего или творческого коллектива и убеждаетесь: дерзаниям и движению вперед нет границ.

Заводы Киева «Большевик», «Точэлектроприбор», Станкостроительный имени Горького, «Укркабель», шелкокомбинат — все они славятся своей продукцией далеко за пределами Родины. В Китае и Чехословакии, в Польше и Албании, в ОАР и Ираке известна киевская марка.

Известны за рубежом и люди Киева, те, что составляют его гордость и славу. Рабочий Праги, узнав, что вы из Киева, обязательно пошлет привет токарю завода «Красный экскаватор» Виталию Семинскому. В стране, где приветствуют друг друга возгласом «Чест праце!» — «Честь труду!»,— не могут не знать такого человека труда, как Семинский. Недавно он взял обязательство дать в семилетку сто рационализаторских предложений с экономическим эффектом в пятьсот тысяч рублей. И киевляне не сомневаются: будет сделано! Виталий Семинский очень дорожит своим словом и не станет зря обещать.

У рационализатора Семинского много последователей. Кузнецы Киевского вагоноремонтного завода В. Педченко, В. Кухар и И. Грищенко обязуются в течение семилетки дать каждый по семьдесят рационализаторских предложений с экономическим эффектом в восемьсот тысяч рублей. Токарь завода «Большевик» Панас Халабула лично обязался внести тридцать рационализаторских усовершенствований и сэкономить сто тысяч рублей.

Вот такой необычный счет деньгам пошел в этом году на киевских предприятиях. Нельзя без такого счета. Идет первый год семилетки. Киев берет большой разбег. На его заводах осваивается производство токарно-револьверных станков, пассажирских теплоходов, траншейных экскаваторов, камнерезальных машин. И как тут обойдешься без своих изобретателей, рационализаторов, которыми издавна славилась столица Украины!

...Киев — гостеприимный город. В этом убедились многие. К нам приезжают друзья и товарищи из братских республик, из стран народной демократии, из капиталистических государств.

— Город, где царит радостная атмосфера мира,— сказал о Киеве наш французский друг Андре Вюрмсер.

Но в беседах с иностранцами о Киеве случаются и курьезы. Мне довелось недавно беседовать с заграничным туристом. Он деловой человек. Подчеркивая этот факт, турист, очевидно, имел в виду прежде всего свою чековую книжку. Что же его смутило в Киеве? В руках у него путеводитель, изданный в царские времена. Там точно и совершенно правдиво указывается: «В Киеве тридцать восемь тысяч купцов, тридцать семь тысяч чиновников, пять тысяч монахов, сто сорок церквей и монастырей и пятнадцать тысяч промышленных рабочих». По данным путеводителя, в городе много пустырей, незастроенных улиц, один синематограф, несколько художественных фотографий, существуют даже увеселительные бары.

Мой собеседник недовольно откладывает в сторону путеводитель. Видите ли, он ведь знает, что еще была война, что в Киеве хозяйничали фашисты. И там, у себя дома, он видел в газетах снимки гигантских руин Киева. Как же все это понимать? Ведь все по-другому. Все не так...

Конечно, так называемому деловому человеку с Запада все это понять невозможно, трудно. Миллионер-сахарозаводчик Терещенко или миллионер Бродский тоже считали себя киевлянами. И с ними деловой человек столковался бы. А вот с каким-нибудь нашим киевским рабочим, «миллионером» — изобретателем, найти общий язык трудновато. Дело в том, что это миллионер особого склада: он создает машину, которая дает государству экономию в миллионы рублей. И бесконечно рад этому, так как знает: государство — это я!

Тысяча триста фабрик и заводов в Киеве. Купцов, конечно, нет. Что поделаешь, возможно, это обидно деловому человеку, однако чего нет, того нет. И не будет больше. Чиновников тоже не существует. Церкви? Имеются. Конечно, не сто сорок. Где наберешь посетителей для такого количества церквей? И те, что существуют, не пребывают под надзором милиции, как уверяли дома делового человека, и, чтобы в них попасть, совсем не нужен пропуск. Вход свободен. Деловой человек в этом убедился лично. Да, многое непонятно ему.

Внушителен и грандиозен вид

В парке имени Ватутина встретились Герой Социалистического Труда бригадир монтажников Василий Андреевич Ягола (слева) и лауреат Ленинской премии Борис Евгеньевич Патон.

На Крещатике.

Площадь Богдана Хмельницкого.

Площадь Сталина.

→ Кафе.

В детском саду завода «Арсенал».

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и Н. КОЗЛОВСКОГО.

украинской столицы, корпусов ее заводов и фабрик. А люди? Турист пытливо смотрит на них, слушает их, прощупывает. Они хозяева. Это бесспорно. С такими «миллионерами», как Карпенко, надо считаться. От этого не уйдешь. И деловой человек начинает понимать, что у этих людей желание мира идет от уверенности и силы, а не от слабости. Да, с ними надо жить в мире. В этих словах немного горечи и вынужденного признания...

В уютном, тихом переулке стоит домик. Тут жил весной и летом 1846 года Тарас Шевченко. Надо ли говорить о том, как дорог нам этот дом? В маленьких комнатушках под низким потолком в бессонные ночи и трудные дни его одолевали мука и тревога. Он верил, что родная земля и славный Киев, достойные иной жизни, узреют ее. И эта вера поэта, страстно и призывно выраженная его пламенными произведениями, служила источником вдохновения в борьбе и труде многим поколениям.

Киев хранит память о всем, что связано с именем великого поэта. Университет имени Шевченко, Академический театр оперы и балета имени Шевченко, пароход «Тарас Шевченко», и вот он сам, бронзовый Тарас, застыл на постаменте напротив университета, на том же месте, где некогда пугалом стоял самодержец всероссийский, сказавший о Шевченко: «Он враг мой и дома моего. И имя его должно забыться». Плохим пророком был русский самодержец.

В семье вольной, новой, в семье социалистической, советской Украины, в семье народов нашей Отчизны хранят память о поэте, знают наизусть его пламенные стихи, а имена императоров и самодержцев уже давно укрылись чертополохом забвения.

Самодержцы желали сделать Киев своим оплотом. По их повелению тут сооружалась цитадель мракобесия и реакции. Октябрь ураганом смел с киевской земли царскую нечисть со всеми ее прислужниками.

Стены завода «Арсенал» — живой памятник борьбы Киева за победу Октября, против петлюровской своры. Пощербленные пулями, они высятся на Печерске, напоминая о бесстрашии, отваге железной гвардии украинского рабочего класса, по призыву Ленина поднявшегося на защиту революции.

Я помню день, когда открывали памятник генералу Ватутину. В скорбном молчании упало полотнище. Мы видели, какая горечь неугасаемой печали застыла в глазах Никиты Сергеевича Хрущева. В те дни еще много руин было в Киеве. Но мы знали, что их не будет скоро: киевляне не пожалеют сил, чтобы город стал еще краше, чем был до войны. К этому нас призывали Центральный Комитет Компартии Украины, товарищ Н. С. Хрущев.

Часто, очень часто киевляне встречали Никиту Сергеевича в цехах своих заводов, на площадях, на стройках новых зданий, в мастерских архитекторов, на заседаниях Академии наук. В его кабинете частыми гостями были киевские ученые, архитекторы, инженеры, врачи, писатели, артисты.

Недавно орден Ленина — высокую награду — принимал Киев из рук своего большого вдохновителя и друга. Вдвойне поэтому радостен был этот день для киевлян.

В нашем городе долгие годы жил и трудился знаменитый ученый Евгений Оскарович Патон. Его дело — электросварку под флюсом — продолжает коллектив института имени Е. Патона, а во главе коллектива стоит сын Евгения Оскаровича — Борис Патон.

Полуторакилометровый мост, соединяющий правый и левый берега Днепра, известен во всем мире: это мост без единой заклепки. Он целиком сварен по методу Евгения Оскаровича. Имя академика присвоено знаменитому сооружению.

Институт электросварки имени Е. Патона ведет большую научно-производственную работу. Он несет свои изыскания в цеха заводов, на площадки строек. Дружба сотрудников института с металлургами всего Советского Союза крепка и плодотворна. Традиции Евгения Патона, человека, отдавшего всю свою долгую жизнь народу и науке, пришедшего в конце жизненного пути в партию коммунистов, живы и множатся в стенах института.

Если все еще существующие так называемые радетели чистой науки пытаются отстаивать какие-то сомнительные теории, построенные на отрыве от практики, то достаточно посетить в Киеве институт имени Е. Патона; побывать в Институте физики, руководимом талантливым молодым ученым Митрофаном Васильевичем Пасечником; послушать, о чем идет речь на заседании ученого совета Института металлофизики, во главе которого стоит В. Н. Гриднев; ознакомиться с научными исследованиями, которые ведут украинские ученые А. И. Бродский, А. И. Киприанов, А. В. Палладин, Н. П. Семененко, А. Н. Щербань, чтобы легко убедиться: только в крепкой связи с жизнью может преуспеть подлинный ученый.

Ежегодно Киев дает стране пятнадцать тысяч специалистов. В девятнадцати вузах и тридцати четырех техникумах учатся восемьдесят тысяч юношей и девушек. Большая исследовательская работа ведется в специальных институтах Академии наук, где восемь тысяч научных сотрудников.

В Киеве двадцать три тысячи инженеров, девять тысяч врачей.

Когда Париж аплодирует танцорам ансамбля танца Украины, когда книги киевских писателей расходятся многотысячными тиражами за пределами нашей Родины, а труды украинских ученых и медиков помогают людям всех континентов лучше жить и превозмогать болезни, сердца киевлян наполняются радостью и удовлетворением. Значит, хорошо живет и работает город труда, науки, культуры — столица Украинской республики.

На новом здании Киевского почтамта установлены часы. Перед ними часто задерживаются и молодые и старые. Часы показывают, сколько сейчас времени в главных городах земного шара. И каждый из нас невольно думает: хорошо было бы, чтоб, наблюдая время, жители Парижа и Лондона, Нью-Йорка и Амстердама, Берлина и Буэнос-Айреса были б так же, как и мы, советские люди, киевляне, уверены в своем будущем; чтобы обитатели всех этих и многих других городов были бы убеждены: наше время — время мира, счастья, справедливости.

...Прекрасен Киев, озаренный летним солнцем. И хоть нельзя утверждать, что редкая птица долетит до середины Днепра, но все же прав был бессмертный Гоголь, сказавший это, ибо не в буквальном значении воспринимаем мы глубокий смысл этих слов. Нам не чужды символы. И мы, вспоминая многие испытания, выпавшие на долю нашей столицы, повторяя вслед за Гоголем его слова о птице и Днепре, знаем, что те птицы, которые пробирались до середины Днепра, в свои гнезда больше не возвращались...

Когда полуденный зной откатывается горячими волнами к бронзовому закату и от Днепра на город налетают степные ветры, пахнущие полынью и мятой, легкий трепет пробегает по кронам тополей и каштанов, город наполняется песнями, неуемным говором, музыкой. Город отдыхает, веселится, радуется. Никнет гул машин. Улицы — во власти пешеходов.

В синеве зажигаются первые звезды, и им навстречу, словно парус, взмываемый ветром, рвется со шпиля Верховного Совета республики багряно-голубой Государственный флаг Украины.

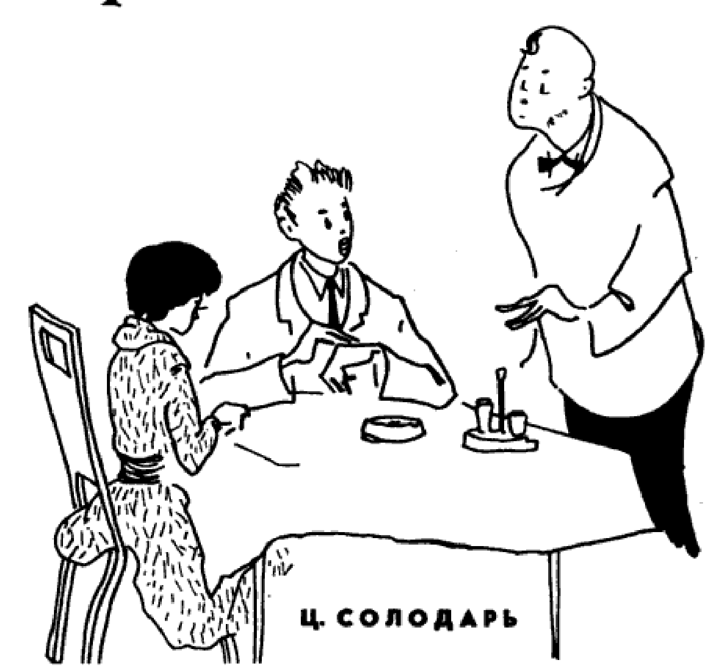
Мы поднимаемся по строгому бульвару Тараса Шевченко, идем вдоль Владимирской улицы, мимо музея Владимира Ильича Ленина, мимо Золотых Ворот, видавших на своем веку всю историю Киева, выходим на площадь Богдана Хмельницкого. Навстречу нам в голубом сиянии прожекторов вздыбил горячего казацкого коня Богдан Хмельницкий. Булавой бронзовый гетман указывает на север, в сторону Москвы, призывая к единству с русским народом.

Это единство, добытое народом в битвах, в труде и осуществляемое со всей справедливостью братского равноправия, скреплено вечной дружбой в нашу светлую ленинскую эпоху.

Рыболовные сейнеры — продукция судостроительного завода «Ленинская кузница».

«Проблемка» ли это?

Ц. СОЛОДАРЬ

Просмотрев меню, отпечатанное на папиросной бумаге и облаченное в монументальную папку с золотым тиснением, посетитель заказал обед. Официант, принимая заказ, испытующе спросил:

— А пить что будем?

— Пить будем яблочный сидр.

Официант понимающе улыбнулся, как человек, умеющий ценить хорошую шутку.

— Может, лучше сок? Какой-нибудь томатный,— сказал он.

— А что? Идея! Только не томатный, а яблочный или виноградный.

Лицо работника общественного питания сразу приняло картонное выражение. Убедившись, что клиент не шутит, он негромко, но весьма внушительно произнес:

— У нас ресторан, простите, первого разряда.

— А разве яблочный сидр или виноградный сок — это посягательство на первый разряд?.. Есть у вас прохладительные напитки?

— Фруктовая и минеральная,— холодно ответил официант.

— Дайте, пожалуйста, вишневую.

— У нас сейчас идет апельсиновая. Партия вишневой прошла на той неделе.

— Тогда попрошу боржому.

— Понятно, минеральную.

— Нет, именно боржом.

— Может, на ваше счастье и боржом попадется!

— Почему «попадется»?

— Наклейки отлетели. Может, ессентуки, а может, полюстрово, кто ее знает! Попадается и баталинская, знаете, которая слабительная... Но не волнуйтесь: цена одна!..

Где происходил этот стенографически записанный разговор?

Работники любого московского или ленинградского, ростовского или горьковского ресторана небезосновательно подумают: вероятно, у нас.

Если водку или коньяк подают в запотевшем графинчике «с морозца», то безалкогольная крем-сода чаще всего предлагается в полутеплом виде.

Если цимлянское ставят на стол в ведерце с похрустывающим льдом, то скромный нарзан вам предложат в грязной бутылке с отчетливыми следами длительного путешествия в товарном вагоне.

Если вина различных марок, заманчивых наименований подробно перечислены в ресторанных меню, то прохладительные напитки всех жанров объединены двумя всеобъемлющими рубриками: «Лимонад» и «Нарзан».

А попробуйте заикнуться в ресторане о таких демократических напитках, как квас или морс! Вас тотчас же смерят взглядом, полным презрения. Этим напиткам, душистым и вкусным, место только в арсенале домашнего питания. Так принято!

Почему же официанты, буфетчики да и сами руководители ресторанов и кафе так, мягко выражаясь, равнодушны к прохладительным напиткам? Ответ очень простой и по-своему логичный: дешевый товар, на нем кассовый план не выполнишь! А возни много: «бой» стеклянной тары, которую к тому же надо еще возвращать поставщикам; хранение хлопотливое, требующее много холодильников или большого ледника; официантам надо откупоривать бутылки и подавать бокалы...

Но главный аргумент — дешевый товар. То ли дело коньяк, водка, вино, ликер, настойка — сразу увеличивается сумма счета.

Вы, наверное, видели, как заказывает обед юноша, впервые пришедший в ресторан с девушкой. Величественный официант гипнотизирует его настойчивым вопросом: «А что будем пить?» И растерявшемуся юноше кажется, что если он не закажет чего-нибудь горячительного, то навсегда падет в глазах своей милой спутницы. В результате официант берет инициативу, как говорится, в свои руки и водружает на стол внушительную батарею бутылок.

Деланно улыбаясь, юноша и девушка осторожно пробуют их содержимое, стараясь отогнать аппетитные воспоминания о шипучем лимонаде или ароматном крюшоне. Но в пятый, или шестой, или седьмой раз вышеупомянутые молодые люди приходят в ресторан как клиенты, уже понаторевшие в ресторанной науке: они твердо убеждены, что без крепких питий обед — не обед и ужин — не ужин. О лимонаде или крюшоне они теперь не тоскуют.

Кстати, о крюшоне. Этот напиток, да и многие другие приятнее пить через соломинку. Но с какой безнадежностью разводят руками работники ресторанов, когда посетитель упоминает о соломке!

Однако не все упреки нужно адресовать мужчинам во фраках и женщинам с белыми передниками и кружевными наколками на волосах. Не только они, официанты и официантки, пренебрегают пропагандой (да, да, пропагандой!) безалкогольных прохладительных напитков. С ними заслуженно делят лавры и те, кто выпускает эти напитки.

Как уныло оформлены бутылки с фруктовыми водами наиболее распространенных сортов! Апельсиновый натуральный напиток можно спутать на первый взгляд со столярной политурой или жидкостью для чистки мебели. Стандартная наклейка на темной бутылке — и без того достаточно унылая — обезображена еще размазанным чернильным штампом даты выпуска.

Известно, как велик спрос на фруктовые соки. Очень удобно, когда эти соки продаются в посуде небольших размеров. Но консервные заводы страны, следуя установленному с незапамятных времен стандарту, выпускают фруктовые соки преимущественно в массивных, многолитровых банках, которые не умещаются даже в обычных домашних холодильниках.

Растет ли ассортимент фруктовых вод и соков? Соответствующие работники соответствующих организаций печально утверждают: весьма и весьма медленно. За последнее время появился, пожалуй, только один новый сорт фруктовой воды — напиток «Грушевый». Вкусный, ароматный, освежающий, в изящных бутылочках с красочными этикетками и фольговой оберткой, он пришелся по вкусу населению. Но выпускают его только в Москве и в ничтожно малых количествах.

Ассортимент прохладительных напитков по всем городам и весям страны удручающе однообразен. И в Москве, и в Свердловске, и в Сочи заводы выпускают фруктовые воды одних и тех же сортов и видов. Приятное исключение составляет только Тбилиси.

К сожалению, наиболее полюбившиеся напитки из старого ассортимента тоже поступают в продажу в очень ограниченном количестве. Редкостью на ресторанных и магазинных стойках стали приятные десертные напитки «Юбилейный» и «Любительский».

«Боюсь: брусничная вода мне не наделала б вреда»... В наши дни жители очень многих городов избавлены от подобных опасений. Дело в том, что выработка этой воды почти прекращена даже в Архангельске, где в окрестных лесах можно собрать более трехсот килограммов брусники с гектара. Увы, брусники (а заодно и клюквы) «не хватает» для фруктовых вод и соков не только Архангельску, но и его соседям — Вологде, Владимиру, Ярославлю.

А как обстоит дело в Рязани, где, как известно, за последнее время многое сделано для расширения пищевой промышленности? И у рязанцев до безалкогольных напитков еще руки не дошли. Может быть, забыли об этом в рязанском совнархозе? Как же забудешь, если работники совнархоза дружно штурмуют свой буфет в те редкие часы, когда в нем появляются фруктовые воды местного производства.

— И все-таки фруктовые воды не проблема, а проблемка,— сказал мне заместитель начальника Управления торговли продтоварами Министерства торговли РСФСР И. Е. Куделькин.

Что ж, можно было бы, пожалуй, согласиться с Иваном Ефимовичем, если бы достаточно было разбавить слово «проблема» буквой «к», чтобы полностью решить... (чуть не написал «эту проблему»!) этот вопрос. И вряд ли правы некоторые другие работники министерства, когда пытаются всю ответственность чохом переложить на плечи промышленности. По решению правительства Российской Федерации в ближайшее время должно улучшиться и расшириться производство фруктовых вод. Для этого создаются необходимые условия. А вот готова ли торговая сеть, что называется, продвинуть к населению безалкогольные напитки в большом количестве? Сегодня-то она явно не в ладах с этим «дешевым товаром».

Зайдите в самый образцовый гастрономический магазин столицы. Как ослепительно нарядна выставка вин! И где-то в закуточке теснятся запыленные бутылки прохладительных напитков, которые продавцы огулом окрестили лимонадом. Попробуйте сказать продавцу, что вам нужна именно яблочная, а не иная вода, — вас тотчас же окрестят капризным покупателем, который не желает быть «взаимно вежливым» с работником прилавка. Разве не показательно, что даже в Москве нет до сих пор специализированного магазина безалкогольных напитков?

А как пропагандирует среди населения эти напитки наша кулинарная литература? Скажем прямо: идет в ногу, не отстает!

Госторгиздат выпустил книгу «Кулинария» — пятидесятирублевую настольную мечту каждого повара, каждой домашней хозяйки. В этом многостраничном издании, покоящемся на авторитете многочисленных профессоров, приведено всего-навсего 8 рецептов приготовления безалкогольных напитков. Рецепты изготовления кваса совсем преданы забвению. Зато несколько страниц посвящено более чем семидесяти подробным рецептам высокоалкогольных «ершей», именуемых коктейлями и пуншами, крюшонами и грогами. Теоретическая база подведена даже под смесь виски с нарзаном, чтобы хозяйка, боже упаси, не забыла, что на сто единиц нарзана полагается не меньше и не больше ста единиц виски!

Неужели даже научные силы нашей кулинарии не понимают, как настоятельно важно воспитать в широких слоях населения привычку утолять жажду полезными и вкусными фруктовыми водами, как нужно всемерно увеличивать выпуск безалкогольных напитков и промышленностью и в домашних условиях!

Не хотелось бы кончать эти строки каламбуром, но как же в заключение не воскликнуть: за горячее отношение к прохладительным напиткам!

На острове ДЖЕРБА

Дьердь МАТЭ,
венгерский журналист

Фото автора.

Плоды кактуса обманчивы. Они красуются на растении, алые, такие аппетитные, что человек не может устоять и срывает плод. Но стоит лишь откусить кусочек — и во рту появляется вкус недозрелого помидора. Сок плода сладковатый, с неприятным привкусом. И, точно завершая разочарование, множество мелких иголок впивается в руки, подбородок...

Мне пришлось это испытать в Хумт-Суке, на тунисском острове Джерба. Потом в утешение за эти неприятности я лежал на берегу моря. Золотой песок покрывает здесь землю, золотым кажется и Средиземное море. Можно отойти на несколько километров от берега, и вода будет всего лишь до груди. Мелкие рачки в панике прячутся в песок, когда, нарушая священное спокойствие, вблизи них ступает нога человека. Здесь бесчисленное количество всевозможных раковин. Есть среди них величиной с булавочную головку, но встречаются и размером с голову ребенка. Цветы лотоса растут повсюду; они привычны, и даже дети не обращают на них внимания.

Джерба — большой остров. Весь сплошь порос он финиковыми пальмами и апельсиновыми рощами. Если подует ветер, повсюду разносится сладковатый аромат цветов апельсина.

Построенная в XVI веке, после завоевания этих мест, тогдашним инженером Педро Наварро, испанская крепость наполовину разрушена. В то время остров Джерба являлся важным стратегическим пунктом для испанцев, трамплином для прыжка сначала в Триполи, потом в Египет. Разве могли турки безучастно взирать на укрепление позиций христиан? И вот военные корабли Пиали-паши ударили по испанцам, потопили тридцать судов и взяли в плен пять тысяч человек. Из их костей паша сложил высокую башню — вечное предостережение для тех, кто захочет свергнуть турецкое иго.

Турецкое владычество давно рухнуло, но башня из костей еще стояла. Однако в XIX веке тунисский бей, желавший выслужиться перед французами, разрушил башню. Кости испанцев теперь покоятся на кладбище, и только как напоминание об ужасной башне возвышается маленькая колонна у крепости.

Во время второй мировой войны гитлеровцы оккупировали остров. Они распоряжались здесь, думая остаться навечно. Затем однажды тихонько убрались восвояси, не успев основать на Джербе лагерь смерти или построить на берегу новую колонну из костей жителей острова. Стрельбы не было. Армия Роммеля бежала.

Теперь здесь, кажется, опасно только для рыб, раков, ракушек да губок. Но это только кажется.

На плоскодонном паруснике Бимамуда Майа мы идем в море. Видны лишь кроны финиковых пальм на Джербе. Вода переливается множеством оттенков. Майа с детства ловит рыбу и губки. На дне моря он расставляет верши и легко находит добычу. Стоит лишь наклониться, погрузить руки по локоть в воду — и можно вынимать похожую на корзину вершу. Сейчас ему не посчастливилось. Поймал только осьминога величиной с яблоко. Животное изо всех сил шевелит щупальцами, глаза отчаянно выпучены. Майа вынимает его и бросает на дно лодки. Это на ужин. На рынке никто не купит осьминога. Здесь покупают лишь рыбу по триста франков за килограмм. Иногда проходит неделя, а Майа не набирает и килограмма. В такое время он питается орехами, апельсинами, финиками. Стоит протянуть руку — и срывай, что пожелаешь.

— Когда вы уезжаете? — неожиданно спрашивает Майа.

— А я и сам не знаю. Мне бы хотелось получше познакомиться с условиями жизни хумтсукских рыбаков,— ответил я. Вопрос моего спутника, признаться, озадачил меня. Еще более странными показались и его пожелания.

— Здесь, на Джербе, плохо,— говорит Майа.— Завтра идет самолет в Сфакс. Вы можете лететь на нем.

...Бедный, обреченный на смерть осьминог копошится у моих ног. Ветер морщит море, надувает белый парус. Мы пристаем к берегу.

Хара Шрира — маленькая деревушка. Тут живут только евреи. Слава об их красивой синагоге распространяется и за рубежами страны. Мне пришлось снять ботинки, как в магометанской мечети, когда я вошел туда. Во время больших еврейских праздников к берегу пристают сотни челнов; пешком, на ослах, лошадях со всех концов Туниса, из Ливии и даже из алжирской Сахары прибывают верующие. За деревней они разбивают шатры. Однако сейчас тихо.

— Вы можете уехать с острова и на пароме,— кротко говорит старый страж синагоги Шион Кохэн, словно сошедший со страниц Ветхого завета.— На материке больше интересного.

Почему меня изгоняют из этого рая?

На главной площади Хумт-Сука здоровенный негр бьет в там-там. Он не поет, не танцует, только ударяет. Шум слышен далеко, негр созывает черноножих погонщиков верблюдов.

По его мнению, они уже достаточно времени провели в главном городе острова и успели сделать все закупки. Караван может отправляться домой, в Геллала.

— Мы можем отвезти вас на верблюде,— предлагает он.— От нас вы легко доберетесь до материка.

Мистика какая-то! Словно все сговорились!

Даже горшечник, у которого я купил странной формы сахарницу, намекнул, чтобы я не очень долго задерживался на Джербе.

В самолете я узнал, почему жители острова так старательно изгоняли гостя. Здесь каждый ребенок знает, что Средиземное море часто, слишком часто бывало ареной ожесточенных битв. Газеты и радио то и дело сообщают о планах покровительства НАТО над Средиземным морем... Жители острова знают судьбу других островов: повсюду американские и французские крепости, стоянки для подводных лодок, ракетные базы. И они полагают, что, если чужеземец появляется на острове, он, несомненно, хочет здесь основать опорный пункт.

Узнав все это, и я с подозрением стал поглядывать на пассажиров самолета. И в самом деле, какого черта они ищут тут, на этом маленьком островке, за спиной у господа бога?..

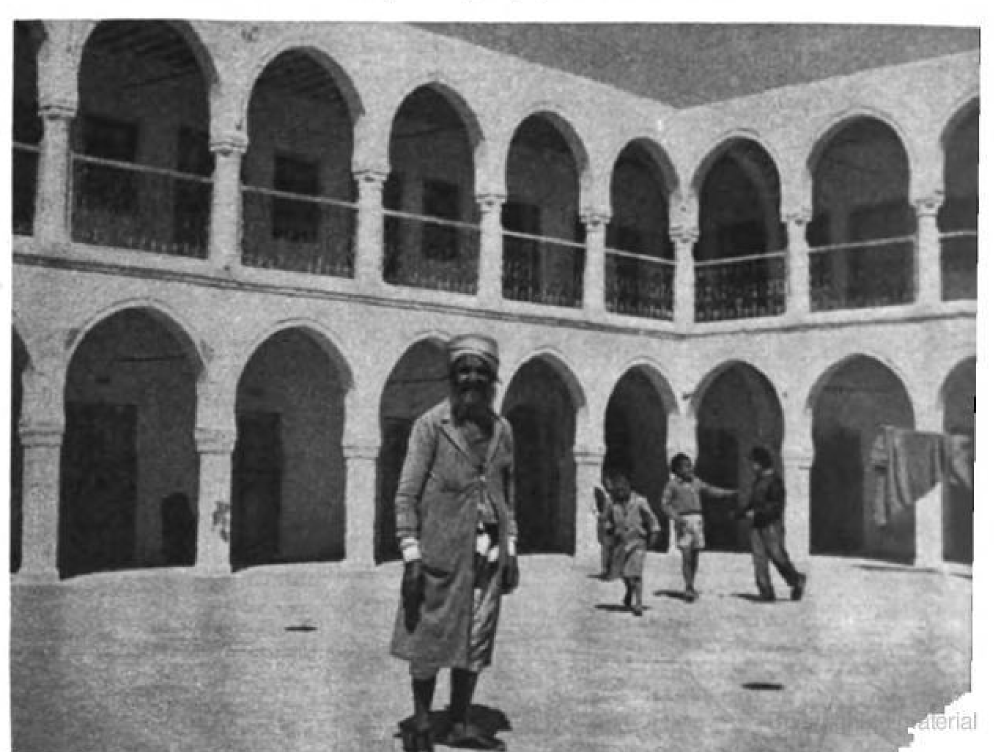

На главной площади Хумт-Сука негр созывает товарищей, ударяя в там-там.

Маленькое текстильное предприятие в Хумт-Суке.

Шион Кохэн — страж харашрирской синагоги.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

«ЦС»

Наша промышленность за последнее время выпустила ряд миниатюрных радиоприемников. Но владельцы их знают, как трудно подчас бывает раздобыть запасной источник электропитания.

«ЦС» — новый полупроводниковый приемник. Первые образцы его изготовлены фабрикой культтоваров Центросоюза. Он выгодно отличается от своих собратьев небольшими размерами, легким весом, меньшей стоимостью. Обыкновенная батарейка от карманного фонаря обеспечивает непрерывную работу «ЦС» в течение 30 часов.

К. ВЛАДИМИРОВ

Больным всего мира

На темно-синем бархате тускло мерцает нержавеющая сталь приборов. Многие из них могут уместиться на ладони. В умелых руках Святослава Бабкина, руководителя коллектива создателей сшивающих аппаратов Научно-исследовательского института экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов, сложные затворы легко раскрываются, почти невидимые глазу скрепки прячутся в обойму. Слабый щелчок — плотные листы бумаги намертво сшиты.

— Двенадцать таких же приборов,— говорит Бабкин,— демонстрировались на Советской выставке в Нью-Йорке. А всего их сконструировано двадцать два типа.

...Зимней ночью 1959 года в одну из больниц Иркутска привезли пострадавшего. Нога, искалеченная трамвайным колесом, висела на тонком лоскутке кожи. Медицинская сестра направила больного в операционную и срочно вызвала хирурга. Врач «пришил» ногу, и она «прижилась».

Вы спросите: это чудо? Нет. Просто удачная операция, оказавшаяся возможной благодаря сосудосшивающим аппаратам, которыми по праву восхищается весь мир.

Чтобы познакомиться с работой этих приборов, мы побывали в хирургической клинике имени Александра Вишневского.

— Очень любопытна статистика применения сшивающих аппаратов,— рассказывает врач Александр Харнас.— Приборы для ушивания желудка после операций рака или язвы уменьшили число смертельных исходов в пять раз. Даже обычный аппендицит, который мы привыкли считать чем-то вроде удаления зуба, из тысячи операций в шестнадцати случаях дает осложнения. Но при использовании сшивающего аппарата осложнений не бывает.

Двадцать два оригинальных прибора... Сегодня эти аппараты вы встретите в операционных многих клиник страны. С тех пор, как началось серийное производство сшивающих аппаратов, их выпущено около пяти тысяч. Эти чудо-аппараты, имеющие «Большую золотую медаль» и «Почетный диплом Всемирной выставки», можно увидеть не только в клиниках Советского Союза, но и многих стран мира.

Недаром президент Международного конгресса по сердечно-сосудистым заболеваниям Дольотти еще два года назад сказал: «Я думаю, что выражу общее мнение, назвав эти приборы «советскими спутниками в области хирургии».

Недавно в Москве побывали представители американской фирмы «Рэндделвлогмен корпорейшен». Вот письмо директора фирмы Джима Рэнда: «...Мы хотели бы закупить в СССР хирургическое и медицинское оборудование, которое нам демонстрировали в Москве и к которому в Соединенных Штатах проявляется большой интерес».

Нам показывают книгу отзывов института. Блэр Роджерс из медицинского колледжа Нью-Йоркского университета пишет: «Посещение вашего института убедило меня в том, что мы, американцы, можем многое узнать и многому научиться, посещая наших советских коллег. Я надеюсь, что в будущем единственная общая война, которую мы будем вести, будет войной против болезней. 21. 4. 59».

Мы видели в этой книге иероглифы, арабскую вязь, санскрит. И в каждой записи — восхищение и надежда, что в ближайшем времени даже скромная больница в самом глухом уголке земного шара будет иметь полный набор советских «медицинских спутников».

А. ДЕНИСОВ,
М. ПОПОВ

Директор Научно-исследовательского института экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов М. Г. Ананьев показывает американским хирургам сшивающие аппараты.
Фото Ю. Разумова.

Кокосы и нефть

В любом хозяйственном магазине Татарской автономной республики да и за ее пределами вы купите туалетное мыло с этикеткой Казанского жирового комбината имени Мулланур Вахитова. На упаковке цветут привычные маки, ландыши или земляника, и носит оно давно известные названия: «Красный мак», «Земляничное», «Семейное», «Детское»...

Даже самый придирчивый покупатель не заметит в нем никаких изменений. Мыло как мыло, такое же душистое, как и несколько лет назад, так же мылится, разве что в магазинах стало его больше.

На самом же деле мыло изменилось. Раньше кокосовое масло, входящее в его состав, получали из кокосовых орехов, а теперь из... нефти. И синтетический заменитель ничуть не хуже естественного кокосового масла.

Дело в том, что кокосовое масло уже само по себе заменитель животных жиров. Масло это — дешевый продукт, но в нашей стране кокосовые пальмы не растут, и нам приходилось покупать масло за границей. На помощь пришла химия. Сначала мыло на «кокосовом масле» из нефти появилось на выставках, а с этого года цех туалетного мыла Казанского жирового комбината полностью перешел на его производство.

— Все свойства мыла на синтетическом кокосовом масле,— говорит начальник цеха туалетного мыла Анюзя Нуритдиновна Мусина,— остались прежними, в употреблении замена совершенно не чувствуется, но процесс технологической обработки мыла упростился и ускорился.

— А сколько кусков туалетного мыла выпускает за день ваш цех?

— Достаточно, чтобы каждая семья в Казани за день тратила по целому куску мыла. Больше ста пятидесяти тысяч кусков.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Начальник цеха туалетного мыла А. Н. Мусина.
Фото Д. Ухтомского.

Полимеры приходят на сцену

— Сколько весят доспехи средневекового воина?

— От тридцати до сорока килограммов.

Разговор этот шел на спектакле «Жанна д'Арк» в Театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

На сцене то и дело появлялись французские и английские солдаты, с ног до головы закованные в латы. Но они легко передвигались, не чувствуя тяжести: металлические воинские доспехи были сделаны из легчайшей поливинилхлоридной пленки.

Еще совсем недавно декорационную листву делали из марли, хлопчатобумажных тканей, из бархата. Как неправдоподобны были эти листья! Они мялись, выцветали, быстро теряли вид. Художник экспериментальных мастерских МХАТа Л. Хомутова в содружестве с химиком А. Хомутовым разработала рецепт для изготовления бутафорской листвы из нового вида негорючего поливинилхлоридного пластиката. Такие листья не мнутся, не теряют ни цвета, ни блеска и пропускают свет прожектора, совсем как настоящие листья солнечные лучи.

Известно, что винипластовая пленка не намокает в воде, не горит, при температуре выше 100° делается мягкой, вязкой, а затем при охлаждении быстро затвердевает, сохраняя приданную ей форму. Сотрудники лаборатории кинодекорационной технологии студии «Мосфильм» задумались: а нельзя ли использовать винипласт для изготовления бутафории и деталей декораций? Изделия из винипласта в отличие от бутафории, сделанной из папье-маше, изящны, легки, имеют гладкую поверхность, в точности воспроизводят модель художника. К тому же на изготовление тысячи предметов из папье-маше требовалось от десяти до четырнадцати дней. Те же вещи из винипласта можно сделать за несколько часов.

Декорации для фильмов часто приходится строить на открытом воздухе, как говорят в кино, «на натуре». И тут уж режиссер, оператор, художник, артисты находятся в зависимости от капризов погоды. Пошел дождь — декорация размокла, полиняла.

Минувшим летом был проделан такой эксперимент: для советско-финского фильма «Сампо» в лесу из картона и бумаги была построена избушка. Ее покрыли кремнеорганическим лаком «К-1». Наступила осень, повалил снег, а картонный домик стоял как ни в чем не бывало.

...Сколько грусти и романтики в словах «запах кулис»! Именно о нем, о «запахе кулис», тоскуют те, кому по каким-то причинам пришлось расстаться с театром. Но мало кто знает, что своеобразный запах, который стоит за кулисами, образуется оттого, что с декораций в виде мелкой пыли слетает краска. Пыль оседает на голосовые связки, засоряет дыхательные пути.

Заместитель главного художника Большого театра М. А. Петровский предложил разводить краски для декораций латексом. Результаты превзошли все ожидания. Краски приобрели стойкость, перестали осыпаться. Декорации, покрытые такими красками, долгое время сохраняют яркость, свежесть, не требуют обновления, реставрации. Обнаружилось и еще одно свойство: краски, разведенные латексом, не боятся воды.

...Так химия больших молекул все увереннее завоевывает свои позиции в декорационном искусстве. Холст, дерево, гвозди уходят в прошлое, уступая дорогу полимерам, пластмассам, искусственным тканям, синтетическим клеям и смолам.

Л. КАФАНОВА

«Кирпичная кладка» из винипласта.
Фото Е. Умнова.

У ВОРОТ СТРАНЫ

В. ПОНОМАРЕВ, А. УЗЛЯН,
специальные корреспонденты «Огонька».

Целый день провели мы на границе советской земли, в городе, овеянном славой легендарных защитников Брестской крепости.

Брест — небольшой, чистенький, тихий городок, на первый взгляд ничем не примечательный. Но это только на первый взгляд. Здесь западные ворота страны. Здесь впервые ступают на нашу землю зарубежные гости, тут они прощаются с нами после туристских поездок, деловых совещаний, спортивных соревнований.

1 **Через реку перекинут широкий железобетонный мост. На нашей стороне моста арка с государственным гербом. Под ней — шлагбаум. Возле арки — часовой-пограничник.**

Здесь, на мосту, и произошла наша первая встреча. Парижане, инженеры-дорожники Жорж Пеберо и Жильбер Батч с супругами, покидали Советский Союз, пробыв у нас две недели. «Это, конечно, очень мало,— заметила мадам Бернадет Пеберо,— но вполне достаточно, чтобы оценить русское гостеприимство и полюбить московский Кремль, метро и новые жилые кварталы вашей столицы».

Большое впечатление произвела на французов беседа со строителями в Черемушках. «Нам бы хотелось,— заявил Жильбер Батч,— чтобы техническое сотрудничество между СССР и Францией развивалось и крепло, чтобы организовывались конгрессы по техническим проблемам».

2 **Вторая встреча была с американцами. Для соблюдения пограничных формальностей притормозил небольшой автомобиль. За рулем — американский журналист Томас Дамман. Вместе с женой Хэрл Гарт, тоже журналисткой, и дочками Тирел и Хэрл он побывал в ряде стран Европы и теперь направляется в СССР. Мистер Томас Дамман сказал, что в Стране Советов его главным образом интересуют простые люди, их образ жизни и мыслей и что он объективно напишет об этом в свой газетный синдикат. Вскоре беседа переключилась на чисто профессиональные темы, потом мы сфотографировались на память и дружески распрощались, пожелав американским коллегам успехов в выполнении тех благих намерений, о которых они рассказали нам.**

3 **Туристы из Голландии приехали на своем автобусе. На машине написано: «Амстердам — Москва». Но они побывают не только в Москве, поедут и на Черноморское побережье и в Киев...**

4 Уже здесь, на перроне, в первом советском городе туристы заинтересовались: чем торгуют?

6 Индонезиец Рахмат Зулфирман посылает домой весточку с советской земли.

7 На снимке — Сантиаго Аролас. Он архитектор. Когда-то нужда заставила его покинуть дом и отправиться в Швейцарию. Испанец не пожелал вернуться на родину: Аролас не хотел служить у Франко. К нам он приехал туристом: его интересует русское зодчество.

5 Французские студенты просматривают свежие газеты разных стран, купленные в брестском вокзальном киоске.

8 Только пересекли границу, а Хансен — музыкант из маленького голландского города — уже что-то записывает в свой дорожный дневник.

9 Первые кадры...

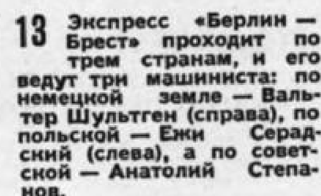

10 в ожидании поезда каждый проводит время по-своему.

13 Экспресс «Берлин — Брест» проходит по трем странам, и его ведут три машиниста: по немецкой земле — Вальтер Шультген (справа), по польской — Ежи Серадский (слева), а по советской — Анатолий Степанов.

11 Ворота нашей страны широко распахнуты перед теми, кто едет к нам с чистым сердцем и добрыми намерениями. Но, к сожалению, намерения у туристов бывают разные. Что можно сказать о хозяевах всех этих вещей? Турист, конечно, может везти купленные им в СССР часы, приемник, фотоаппарат. Но пять, десять пар часов...

14 Русские туристы — группа инженеров-горьковчан, возвращающихся из Польши.

ЭТА СВЯТАЯ КНИГА
БИБЛИЯ
ПОСЫЛАЕТСЯ ВАМ
ВО ИМЯ ХРИСТА
И ЛЮБВИ БОЖИЕЙ
ОТ ВАШЕГО ЛЮБЯЩЕГО И
МОЛЯЩЕГОСЯ ЗА ВАС
ХРИСТИАНСКОГО ДРУГА

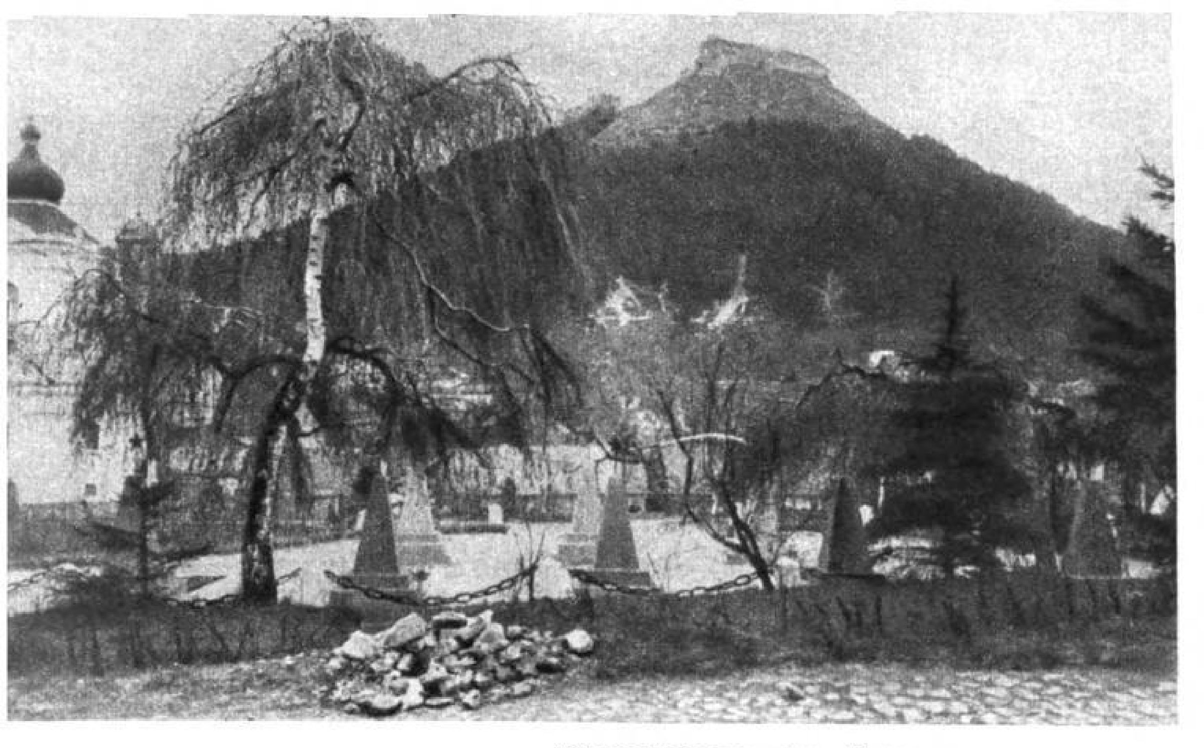
12 А это уже идеологическая контрабанда: крестики и католические медальоны, талмуды и катехизисы, порнографические издания и библии. Рыцари «духовной свободы» не бескорыстны — на первой странице библии обращение: «Эта святая книга, библия, посылается вам во имя Христа и любви божией от вашего любящего и молящегося за вас христианского друга (следует имя). Если вы были рады получить эту библию и приобрели духовную пользу от чтения ее, то можете прислать нам письмо об этом» (следует американский адрес).

На полях деловая приписка: «Укажите в письме номер этой книги».

Много добрых людей едут к нам, едут, как говорится, «людей посмотреть и себя показать». Это очень хорошо. Это способствует делу мира. Мы говорим им: добро пожаловать!

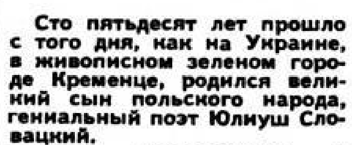

Вид на Замковую гору в Кременце.

Фото М. Скакальского.

Кременец. Памятник Ю. Словацкому.

На родине Юлиуша Словацкого

Сто пятьдесят лет прошло с того дня, как на Украине, в живописном зеленом городе Кременце, родился великий сын польского народа, гениальный поэт Юлиуш Словацкий.

Читая произведения и письма Словацкого, в которых он с любовью пишет о родном городе, кажется, что поэт совсем недавно бродил по берегам Иквы, сидел и писал стихи на скалах Осовицы, которые ныне носят его имя, а вечером, сидя у окна, наблюдал восход луны над Замковой горой, о которой сложено столько древних легенд и сказаний.

Кременец... Сколько героических страниц вписали в книгу истории жители этого города! Неприступной была Кременецкая крепость для любого противника. Только осенью 1648 года, когда восставший народ поднялся во главе с Богданом Хмельницким против польской знати, против своих угнетателей, крепость не устояла. Казаки Максима Кривоноса освободили Кременец от польской шляхты.

...На склоне Замковой горы сейчас зеленеет трава, красуются ели, цветут цветы. А у подножия горы веселые дома кременчан, зеленые сады. Похоже на тот Кременец, о котором писал Словацкий:

Во взоре памяти, меж гор, под их защитой,
Родимый город встал. Он брызжет блеском башен
Из·пади каменной, шатром небес прикрытой...
Чарует он, венцом ночных огней украшен,
И жемчугами стен на солнце утром блещет,
И искрятся садов смарагдовые своды...

Улица, где стоит дом деда поэта, Янушевского, носит имя Словацкого. Вместо бывшего лицея, в котором преподавал отец поэта, красуется педагогический институт. Во дворе до сих пор сохранился ботанический сад. Поэт писал матери из Женевы: «Я все утра посвящаю моей новой литературной работе, но несколько дней рисовал гуашью, и знаете что? Вид Кременца: скамьи под тополем в ботаническом саду, иезуитский костел, дом, где вы живете, а вдали — «замковая» гора и луна, восходящая из-за стен старого замка».

Правда, многих мест в Кременце современник Словацкого не узнал бы сейчас. На месте базарной площади вырос небольшой красивый парк с черемухой, ивами, яблонями.

Поэт всю жизнь помнил родной город, писал о нем, хотел выбрать себе место «на кременецком кладбище, под бабушкиной сливой...».

Но поэт умер далеко от родины: в Париже, в изгнании, как участник варшавского восстания 1830 года. Он был похоронен на Монмартрском кладбище, и только в 1927 году прах его перевезли в Польшу, в Вавельский замок, в усыпальницу великих сынов Польши, рядом с Адамом Мицкевичем.

В 1909 году украдкой от царских властей кременецкие патриоты привезли из Парижа памятник поэту и установили его в местном костеле. Там он находится по сей день.

В Кременце многое напоминает о поэте. В краеведческом музее, в отделе Словацкого, собраны многочисленные экспонаты, рассказывающие о жизни и творчестве поэта. Здесь хранятся книги из библиотеки отца поэта, здесь можно увидеть множество изданий произведений Словацкого на польском языке и многих языках мира.

Юлиуш Словацкий.

Словацкий написал много стихотворений и поэм об Украине. Поэт любил не только природу Украины, но и народ ее, обездоленных крестьян, о которых писал с глубоким волнением:

Нет! Не может запорожец
Жить в неволе!..

Советские люди чтут память великого польского революционера-романтика, который мечтал об освобождении народов России.

В Советском Союзе не раз издавались произведения Юлиуша Словацкого. В настоящее время Государственное издательство художественной литературы выпускает в связи со 150-летием со дня рождения великого польского поэта двухтомник его произведений, в который вошли стихотворения, поэмы, драмы, письма к матери.

Е. МАСИКЕВИЧ

После выступления «Огонька» о «пауках»

Почему молчат товарищи из Моссовета?

1

Мы, группа коммунистов — членов дачностроительного кооператива «Инженер»,— не можем оставаться в стороне от общественных событий, освещенных журналом «Огонек» в фельетоне «Пауки».

После появления полезного и нужного фельетона мы полагали, что правление и ревизионная комиссия «Инженера» немедленно соберут партийную группу и общее собрание и обсудят критику, которой подвергнут кооператив. Этого не произошло. Кстати говоря, ничего не было сделано и после появления статьи «Трясина», опубликованной в газете «Ленинское знамя» 17 апреля 1959 года.

Следовательно, правление и ревизионная комиссия «Инженера» оказались неспособными откликнуться на выступления печати, и их молчаливая политика является антипартийной.

Учитывая, что руководство кооператива встало на путь прикрытия своих незаконных действий, мы просим безотлагательно:

1) опубликовать наше письмо;

2) распустить настоящий состав правления и ревизионной комиссии «Инженера» и образовать оргбюро по созыву общего собрания для обсуждения упомянутых статей и справедливой критики нашего кооператива в печати и для выборов нового руководства кооператива;

3) мы выражаем недоверие незаконно принятому в члены кооператива «Инженер» начальнику Мосгоржилуправления Д. Н. Смирнову и просим не поручать ему никаких действий, связанных с нашим кооперативом, а тем более с реализацией этого нашего обращения в «Огонек».

ПОДГАЕЦ, член КПСС с 1921 года; ВЕРБИЦКИЯ, член КПСС с 1917 года; САБИЛЛО, член КПСС с 1938 года; КРЮКОВ, член КПСС с 1940 года.

2

Мы горячо одобряем опубликованный в № 32 журнала «Огонек» фельетон А. Спекторова и Е. Велтистова «Пауки», как выступление большого политического значения, направленное на борьбу против кулацкого типа хозяйчиков-дачевладельцев, использующих дачную усадьбу для личного обогащения, а также справедливо разоблачающее покрывателей беззаконий из руководства Мосгоржилуправления.

Действительно, во многих дачных кооперативах укоренились различного рода бесчестные дельцы, ловкачи, пролазы, безнаказанно проделывающие свои узкособственнические, корыстные махинации, незаконно присваивающие государственные материалы, торгующие дачами и земельными участками, уничтожающие защитную зеленую зону Москвы, использующие служебное положение для приобретения дач и участков. Подобными же «деятелями» зачастую, к сожалению, засоряется и состав членов кооперативов и их руководящий и технический аппарат.

Все это происходит не только из-за недостаточной общественной активности и самодеятельности кооперативных коллективов, но прежде всего в результате явного попустительства беззакониям со стороны Мосгоржилуправления.

В нашей периодической печати Мосгоржилуправление уже неоднократно подвергалось резкой критике и вскрывались гнойники злоупотреблений в ряде дачных кооперативов, например, в «Красном боре», «Инженере», в «17 лет Октября», «Ленинце» и других. К сожалению, факты нарушений законности и злоупотреблений также имеют место и в нашем кооперативе «Старый большевик». Но, как это ни странно, до сих пор не приняты необходимые меры, чтобы навести нужный порядок в системе дачной кооперации и в самом Мосгоржилуправлении. Еще ни разу не был собран актив дачных кооперативов Подмосковья, чтобы положить конец всякого рода беззакониям и злоупотреблениям. И это, видимо, не случайно. Стало широко известно, что руководство Мосгоржилуправления не только не опирается на общественность, а, наоборот, стремится замалчивать критику печати, смазать всякую борьбу с вопиющими безобразиями в дачной кооперации. Приходится отметить, что прежде всего из-за неправильного поведения руководителей Мосгоржилуправления и в нашем кооперативе наблюдаются явления замалчивания критики печати.

Общественность дачных кооперативов удивлена тем, что руководство исполкома Моссовета все еще не принимает необходимых мер для искоренения нарушений законности в дачных кооперативах.

ВИШНЯКОВ, член КПСС с 1915 года; БЕЗСОНОВ, член КПСС с февраля 1917 года; АНИКИН, член КПСС с 1905 года; ПОСТАЛОВСКАЯ, член КПСС с 1917 года; ШУМЯТСКАЯ, член КПСС с 1924 года; АРЗУМАНОВА, член КПСС с 1943 года; АНДРЕЕВ, член КПСС с 1905 года; КИРСАНОВ, член КПСС с 1912 года; ТЕР-АРУТЮНЯН, член КПСС с 1917 года; ЗАБАВНИКОВ, член КПСС с 1917 года; МИРИТЕЕВА, член КПСС с 1931 года; БАШМАКОВ, член КПСС с 1908 года; ТЕЛЕЧКИНА, член КПСС с 1914 года; АФОНИЧЕВ, член КПСС с 1906 года; МОРОЗОВА, член КПСС с 1905 года.

К. В. Лемох (1841—1910). РОДИТЕЛЬСКАЯ РАДОСТЬ.

В. Д. Поленов (1844—1927). ПЕРЕЛЕСОК. 1904 год.

В. А. Тропинин (1776—1857). ПОРТРЕТ Е. В. МЕШКОВОЙ. 1832 год.

В. М. Максимов (1844—1911). ПОРТРЕТ СТАРИКА. 1874 год.

В песках Каракумов

Академик А. Е. ФЕРСМАН

Рисунок П. Пинкисевича.

Вы хотите, чтобы я вам рассказал что-либо из жизни наших Каракумских экспедиций?

Хорошо, расскажу. Только, вы знаете, рассказчик я плохой: на словах все выходит так бледно, плоско, малоинтересно, а в действительности что может быть ярче, прекраснее, разнообразнее пустыни! Вы не знаете ее очарования, когда вечером, после тяжелого дневного зноя, начинают оживать, говорить тысячами различных звуков мертвые пески, когда весной на две — три недели пустыня превращается в цветущий сад, когда тихим утром, среди длинных теней красной утренней зари, сверкают листочки слюды и гипса под гребнями барханов, искрятся, сверкают, как блестки тихой волны у берега моря!

Нет, вы не знаете грозных картин пустыни, когда ветер поднимает всю ее к небу; кажется, что все унесется с ним: и барханы, и такыры, и ваша палатка, и вы сами; вы ложитесь ничком в песок, зарываетесь в него головой и ждете, чтобы красное облачко подняло и вас к солнцу.

Нет, вы не знаете... Впрочем, видите, о пустыне можно говорить без конца...

А хотел я совсем другое — рассказать об одном маленьком случае, который произошел в 1930 году, когда мы впервые на машинах типа «Сахара» решили пересечь Каракумскую пустыню и поискать более легкие пути вывоза серы с серного завода на север, в Хиву.

Это было довольно беспокойное время, хотя Джунаид-хан уже скрылся в Афганистан, но его приверженцы — номуды — продолжали держаться в песках у Сарыкамышской впадины; начиналось хозяйственное освоение пустыни; шли споры о том, что может сделать автомобиль в песках; одни предсказывали ему огромное будущее, другие восхваляли выносливость верблюда и ишака и считали, что век четвероногих для Средней Азии пока не отжил.

Еще в начале нашего пути через пески, о котором я как-то уже рассказывал, не доезжая до серного завода, мы неожиданно наскочили на трагическую картину.

Это было за Дербентом, после первой тяжелой поломки заднего моста машины, после первых ошибок и уроков песчаной стихии. Шоферы уже поняли все козни барханов; мы научились соскакивать с машин, как лягушки, на подъемах, чтобы на ходу подкладывать доски, веревочные лестницы, ветки саксаула; уже без страха неслись наши «Сахары» через красные такыры и сыпучие шоры. Мы проносились мимо верблюжьих караванов, наводили страх на разбегавшиеся стада баранов, за Дербентом обогнали наших гидрологов, ехавших на серный завод на конях, весело и не без гордости помахали им рукой и спокойно поехали дальше.

Но вот в узком месте тропы, зажатой двумя барханами, мы на быстром ходу чуть-чуть не налетели на старика с верблюдом. Быстро затормозили машину, круто врезавшись в песок передними колесами. На самой дороге лежал умирающий верблюд. Его глаза с грустью, свойственной только этому умному животному, не дрогнули, когда машина почти задела его распластанное, изморенное тело, и лишь ноги сжались судорожно перед неожиданной опасностью.

Около него на краю тропы сидел старик, рядом — пустой куржум и красивый медный старинный кунган, в котором он пытался согреть воду, подкладывая под него зажженные веточки саксаула. Испуганные глаза старика-аксакала смотрели то на нас, принесенных шайтаном урусов, то на умирающего верблюда, и читали мы в них то боль и горечь потери старого друга, то какой-то скрытый огонь против урусов с их шайтан-арбой.

Молча смотрели мы на эту картину: почти запрокинутый передними колесами автомобиль, пышущий еще мощью и силой, с кипящей водой в радиаторе, и бедный, иссохший старик в лохмотьях, с умирающим верблюдом — другом и кормильцем. Тихо шептали что-то сухие, бледные губы аксакала, никто не мог разобрать слов, но мы все понимали их смысл! Старик просил не губить верблюда.

— Нет, не трогайте его, не надо стаскивать с тропы, надо проложить лопатами дорогу вокруг, объехать, не надо мешать наступающей смерти.

Мы все принялись энергично за прокладку обходного пути, срывали кусты саксаула, врывались в сыпучий бархан, зарывали стоймя в песок доски, чтобы на тросах вытянуть запрокинувшуюся машину.

Вот все готово. Несколько рывков нашего мощного зверя в 120 лошадиных сил, и нагруженная «Сахара», тяжко дыша и шипя, начала врезаться колесами в подготовленный обходный путь.

Так вот они, два мира — прошлого и будущего!

Слева — умирающий мир прошлого со старинными кунганами, бесконечными караванами верблюдов, мир тяжелого рабского труда, дикой мести, горячих страстей, мир многовековой кабалы, мир тропинок и троп, набегов и грабежей, мир уходящего в прошлое Востока с его курганчами и крепостными дувалами.

А справа — мощная, пышущая паром и огнем машина; с ней не сравнимы по силе сто текинских коней, с ней новая техника и культура, с ней автострады, ровные, как лента ковра, с ней и в ней будущее!

— Скорее, Степан, закрути свой аппарат, сними нам кадры встречи этих двух миров — умирающего прошлого и побеждающего будущего, скорей сними всю эту картину, она войдет красивым эпизодом в твой фильм «На путях к сере»!

Так говорил я молодому кинооператору, который быстро стал наводить на аксакала с его верблюдом свой небольшой, но трескучий киноаппарат.

Старик вдруг вскочил, он весь преобразился, гневом пылали его уста, потухшие глаза зажглись какой-то вековой ненавистью. Он бросился к нам и умолял не убивать этой страшной машиной его последнего верблюда! Фигура аксакала как-то выпрямилась и выросла на фоне залитого солнцем песчаного моря. Почти задыхаясь, вперемежку с туркменскими словами, он старался на ломаном русском языке убедить нас:

— Ты пришел, урус, зачем? Зачем разрушил ты нашу старую жизнь Хивы? Я старый хивинец, много денег и счастья, много ковров и шелка, много турецкого шербета и иранской бирюзы я видел у себя на своем веку в свежих покоях хивинского хана, в крытых базарах Хивы и Ташауза, в байских чайханах, над журчащими арыками и тихим небом. Зачем ты, урус, пришел со своими шайтан-арбами и железными птицами, зачем? Зачем сейчас ты хочешь погубить последнего кормильца аксакала Мирзабая, которому осталось жить не больше семи лун, у которого остались лишь лохмотья и воспоминания прошлого?

— Успокойся, Мирзабай! — сказал я ему через переводчика. — Этой маленькой трескучей машиной он хочет вылечить твоего верблюда, нам незачем его убивать, ты видишь, наша арба уже объехала его.

— Крути же, Степан, поскорее, снимай кадры и излечи старого верблюда!

Мои слова успокоили взволнованного Мирзабая, он нагнулся над умирающим животным, посмотрел ему в глаза и замолчал.

Мы дружественно попрощались с Мирзабаем, сели в наши машины и помчались вперед.

...Вы же знаете, что за 25 километров до серного завода начинается громадный Кызыл-такыр. Оказывается, мы были уже недалеко от него, и через каких-нибудь полчаса колеса наших машин почувствовали твердую почву, завертелись скорей и скорей. Вот завод, землянки и, наконец, торжественная встреча со знаменами и флагами! Мы достигли серного завода, впервые на машине прорезав южную половину Каракумов!

Так кончился первый этап нашего пути. Наша задача была закончена. Но подождите, этим не окончился мой рассказ.

К вечеру на конях приехали наши гидрологи, которых мы обогнали за Дербентом. Они немного сбились с пути, остались без воды, но им помог какой-то оборванный старик. Он их напоил чаем из пиалы, показал тропу к Кызыл-такыру и много и долго говорил. Он хвалил урусов и с гордостью показывал на своего верблюда, который стоял около него и весело обкусывал тонкие веточки саксаула.

— А что, у него не было старинного медного кунгана? — прервал я гидролога.

— Да, прекрасный кунган, старой иранской работы, — ответил тот. — А что вас удивляет? Хороший старик, хвалил он урусов.

Вот, друзья, и конец моего рассказа.

Может быть, он вам не показался занимательным, но сам я его вспоминаю очень часто, и предо мной встает тогда гневная фигура Мирзабая, вся в рубищах, с огненными глазами и хриплым голосом, а иногда я вижу его, поверившего в силу урусов и мощь их машин, со спасенным от смерти верблюдом.

Не спрашивайте меня, почему этот верблюд старика выздоровел, что было дальше с самим Мирзабаем, — на это я ответить не могу, так как просто не знаю, да и позднее никто не мог мне что-либо сказать.

Да это и неважно. В жизни события кончаются совсем не так, как в иных рассказах. Они и начинаются и кончаются нежданно-негаданно: и начала часто не видно, и не может быть в них конца.

Этот неопубликованный рассказ А. Е. Ферсман написал в 1931 году для второго тома книги «Воспоминания о камне».

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

ВТОРАЯ ТЫСЯЧА

Мастер спорта Алла Скопинова готова к прыжку. Она стоит перед открытой дверью кабины самолета. С высоты двух тысяч метров летное поле Тушинского аэродрома кажется сделанным из зеленого бархата. На его фоне четко выделяется мишень — белый крест и рядом такого же цвета стрела.

Пора! Спортсменка покидает самолет. Она падает плашмя, лицом вниз, раскинув в стороны руки. Возле мишени появляется белое полотнище — это сигнал для начала упражнения. Как бы упираясь во встречный упругий поток воздуха, Алла разворачивается на триста шестьдесят градусов, затем разворачивается в обратную сторону, заканчивая фигуру, которая называется восьмеркой. После этого следует выполнить спираль и два сальто через голову.

Выполнение упражнения требует от парашютистки, камнем летящей к земле, большого самообладания и мастерства. Тренеры через оптические приборы внимательно наблюдают за ней. Нарушится горизонтальное положение тела или будет не полностью выполнен разворот в ту или другую сторону — спортсменка потеряет баллы.

Но все движения Аллы размеренны и точны. Отлично выполнив упражнения, она открывает парашют и, управляя куполом, приземляется на белое полотно мишени. Так Алла Скопинова выполнила свой тысячный прыжок с парашютом.

— ...В этом году, — говорит заслуженный мастер спорта Галина Пясецкая,— Алла сделала сто девяносто девять прыжков.

Имя Пясецкой известно не одному поколению воздушных спортсменов. Первый раз она открыла в воздухе парашют двадцать шесть лет назад. И до сих пор парашютизм — ее любимый спорт.

Мы сидим с Пясецкой на уложенных парашютах в скудной тени от крыла самолета. Перед очередным прыжком она рассказывает мне о своей воспитаннице.

— Да и дело не только в количестве,— говорит она.— Прыжки должны быть творческими, совершенствующими спортивное мастерство. Из года в год Алла улучшает свои достижения. Например, недавно, участвуя в соревнованиях на Кубок Адриатики, которые происходили в Югославии, Алла завоевала сразу три медали: золотую, серебряную и бронзовую.

Над нами гудит самолет, и в небе открывается разноцветный купол. Спортсмен приземляется невдалеке, собирает парашют и подходит к нам. Это Алла Скопинова выполнила тысяча первый прыжок.

— Поздравляю с началом второй тысячи! — говорит своей воспитаннице Галина Пясецкая.

А. ГОЛИКОВ

Алла Скопинова (справа) и Галина Пясецкая.
Фото А. Гостева.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Попав в Клин, я заглянул, естественно, в хорошо знакомый Дом-музей П. И. Чайковского. Директор музея Василий Константинович Журавлев рассказал мне об интересном событии:

— Наши фонды пополнились материалами, которые связаны с именем ученика и друга Чайковского — выдающегося русского скрипача Котека...

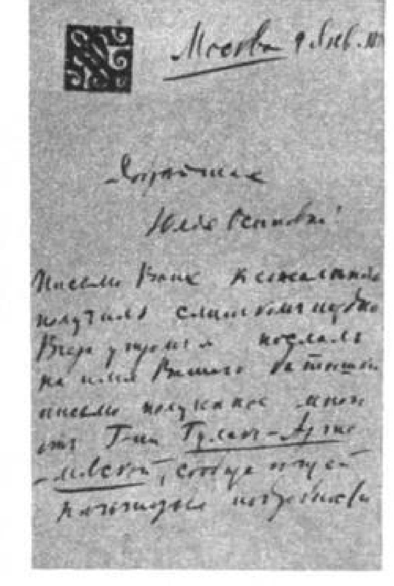
Тридцати лет от роду Иосиф Иосифович Котек заболел туберкулезом и уехал лечиться в швейцарский курорт Давос. Узнав об этом, Петр Ильич отправился туда, чтобы навестить больного, оказать ему помощь. Но лечение ничего не дало Котеку. В начале 1885 года, вскоре после возвращения из Швейцарии в Россию, Чайковский получил телеграмму о смерти талантливого скрипача.

На Петра Ильича, по его собственному выражению, легла тягостная обязанность уведомить родных Котека о случившемся несчастье. К этим дням и относятся три письма, неизвестных ранее, которыми теперь располагает музей. Они адресованы Петром Ильичом сестрам Котека — Евгении и Юлии. Чайковский писал:

«Я принимаю живейшее участие в Вашей горести, и для меня смерть Вашего брата есть такая незаменимая утрата, что я никогда не примирюсь с ней».

Кроме писем, в музей поступил портрет Чайковского с его неизвестным автографом, а также диплом Котека об окончании Московской консерватории, подписанный Н. Г. Рубинштейном и П. И. Чайковским.

С. СИНЕЛЬНИКОВ

Письмо П. И. Чайковского сестрам И. И. Котека.

ВИДЕТЬ ПРИРОДУ

Четверть века назад попала мне в руки книга ученого-лесовода Г. Ф. Морозова «Учение о лесе». Замечательная книга! Прочитав ее, совсем иными глазами взглянул я на лес, крепко полюбил «зеленого друга».

Вот тогда-то появилось у меня желание наблюдать природу, отмечать ее изменения, вести фенологические дневники. Это помогло и в выборе профессии: я стал метеорологом. И теперь все свободное время я отдаю любимому занятию.

Работаю я по сменам и всегда выкраиваю время, чтоб выбраться за город. Где бы я ни был: на рыбалке ли, на охоте ли, собираю грибы или ягоды,— всегда отмечаю изменения, происходящие в природе, заношу наблюдения в дневник.

Мне сорок шесть лет, и не было еще случая, чтоб я провел свой отпуск не на охоте. Сколько я подсмотрел лесных тайн! Видел смертельные бои сохатых — лосей, трогательную самоотверженность пернатой матери, храбро защищавшей птенцов от коршуна. Долгие ночи просиживал в лесу, когда темнота казалась плотной, осязаемой, только для того, чтобы услышать глухариную песню.

Л. А. Федоров на прогулке.
Фото И. Тюфякова.

А встречи у костров с лесниками, рассказы бывалых охотников, рассказы, иногда, правда, сочиненные тут же, но всегда напоенные романтикой исхоженных троп, всегда полные любви к родной природе!..

Какое испытываешь волнение, когда в сумерках над лесными полянами мелькает косоглазый кулик-вальдшнеп! Какое счастье встречать в лесу восход солнца!

Всегда после походов по уральским лесам, лугам и озерам возвращаешься домой полным сил и здоровья.

Л. ФЕДОРОВ
Свердловск.

Их познакомил «Огонек»

В журнале «Огонек» № 52 за 1956 год была напечатана заметка о Людмиле Козельской. Это был год, когда началась ее трудовая жизнь. С тех пор Людмила работает на московском часовом заводе контролером ОТК, она стала студенткой вечернего машиностроительного института.

После выхода «Огонька» Люся стала получать письма, всего их пришло около двух тысяч. Но было среди них одно письмо, письмо от Станислава Свободы, секретаря Чехословацкого союза молодежи Жатецкого райкома, которое очень понравилось девушке. В 1957 году Станислав как турист приехал в Москву. Затем Люся и Станислав увиделись в Москве в 1958 году.

По-прежнему почтальон приносил пачки писем в квартиру Козельских от незнакомых друзей, но Люся первым вскрывала самое заветное — из чехословацкого города Жатец. Отца, мать, брата — всю семью Станислава Люся знала так хорошо, как будто давно была с ними знакома.

И вот 15 августа раздался звонок в редакцию «Огонька».

— Говорят из семьи Козельских. У нас сегодня свадьба. Мы просим быть вас как виновников торжества.

Молодых мы встретили дома, когда они вернулись из загса. И пожелали им, чтоб вся их жизнь шла дружно и счастливо.

Р. ЛИХАЧ

Люся и Станислав Свобода.

ДАЛЕКО ОТ СОЧИ

Поезда, следующие на Кавказ и в Крым, все еще переполнены. Страдная пора отпусков продолжается. Но с недавних пор многие уральцы отказались от южных маршрутов, они предпочитают отдыхать дома, в родных местах озерного края: Кисегач, что под Челябинском, Руш и Курьи под Свердловском, Усть-Качка на Каме... Более 150 здравниц насчитывается сейчас на Урале. Десятки тысяч людей приезжают сюда лечиться и отдыхать.

...Белоснежный теплоход озерного типа идет по широкой реке. Вытянувшись в ряд на левом крутом берегу, проплыли полузакрытые высоченными соснами санаторные корпуса. Это Усть-Качка, молодой курорт на Каме.

Однажды геологи, искавшие нефть, обнаружили в этих местах огромные залегания сероводородных вод. Проверка показала их исключительные бальнеологические свойства, ничем не уступающие мацестинским. Вскоре здесь нашли и большие запасы бром-йодной воды, весьма ценной для лечения многих болезней. В Усть-Качке началось большое курортное строительство.

Теперь мы гуляем по тенистым аллеям парка, идем мимо двухэтажных спальных корпусов, спортивных площадок, выходим на крутой берег реки — любимое место прогулок отдыхающих. Жарко, солнце припекает почти как на юге.

Юный курорт растет и хорошеет с каждым годом. Почти на четверть километра вдоль реки вытянулось новое трехэтажное здание главного корпуса санатория. А рядом недавно закончено строительство бальнеологической лечебницы.

Главный врач курорта Василий Николаевич Щукин показывает громадный бассейн в центре лечебницы. Из источника сюда подается бром-йодная вода, сходная по своему составу с морской. А в Усть-Качке многим больным врачи прописывают морские купания, которыми в отличие от Сочи можно пользоваться в любую погоду и в любое время года.

Уральцы охотно едут на этот курорт. Машинист горного комбайна из Копейска Герой Социалистического Труда Петр Андреевич Томилов чаще всего отдыхал и лечился в сочинском санатории имени Орджоникидзе.

— А вот уже четвертый год подряд езжу на свою уральскую Мацесту. Чувствую себя здесь лучше, чем на юге.

Шестой год подряд отдыхает и лечится тут пермский писатель Александр Прокопьевич Макаров.

Встретили мы здесь и учительницу из Ленинграда Анну Николаевну Крутик. В этом году она решила принимать «мацестинские» ванны на Урале.

— Запасы сероводородных и бром-йодных вод здесь безграничны,— рассказывает В. Н. Щукин.— И, естественно, курорт будет непрерывно расширяться. В будущем году здесь намечается открыть детский санаторий. К концу семилетки мы сможем принимать ежемесячно более полутора тысяч человек.

А. ГРИГОРЬЕВ

Курорт на Каме. Здание главного корпуса.

Фото Д. Ухтомского.

Создатель новой машины директор института У. Арифов и начальник экспериментальных мастерских Д. Хармац.

Физики—хлопководам

Эту машину создали сотрудники Института ядерной физики Академии наук Узбекистана. Однако реакция распада ядра тут явно ни при чем.

Речь идет о новой машине для оголения хлопковых семян.

Семена хлопчатника покрыты пухом. Во время высева хлопка квадратно-гнездовым способом семена сцепляются, и сеялка выбрасывает их в лунку чаще всего в несколько раз больше, чем положено. Поэтому, когда семена всходят, колхозники вынуждены вручную прореживать хлопок, вырывать лишние растения.

Так ежегодно пропадают многие тысячи тонн посевных семян и хлопкового пуха — ценного сырья для текстильной и химической промышленности.

Семена пытались оголять и химическим и механическим способом. Но в одном случае пропадал пух, кожура семени делалась шершавой, семена цеплялись друг за друга и терялась точность посева. В другом случае семена приходилось подвергать вредной для них высокой температуре.

Теперь эти недостатки могут быть устранены. Академик Узбекской ССР Убай Арифович Арифов показал нам промышленный образец машины. Выглядит она очень скромно, но работает чисто и быстро. Вот в воронку вверху машины засыпали мохнатые от пуха семена, включен ток — и через несколько минут они высыпались обратно, но уже без единой пушинки, гладкие, как морские камешки. И одновременно через другое отверстие в подставленный мешок полетел пух...

Убай Арифович взял на руку горсть очищенных семян.

— Свойства их проверены и на всхожесть и на масличность,— сказал он.— На Среднеазиатской машиноиспытательной станции уже засеяно такими семенами около десяти гектаров.— И пошутил:— Кое-кто удивляется, зачем это нам, сотрудникам Института ядерной физики, понадобилось вечерами работать, казалось бы, совсем не по специальности, создавать нашу машину. Так я им отвечаю: а как называется середка семени хлопка? Ядром. Вот вам и «ядерная» физика.

В. ВАСИЛЬЕВА

Тундра дает топливо

Население Крайнего Севера испытывает острую нужду в топливе. Доставка сюда угля и древесины из-за отсутствия железных дорог и короткого периода навигации сильно затруднена.

Между тем тундры Заполярья богаты собственным топливом — торфом. Площади некоторых месторождений исчисляются сотнями и тысячами гектаров, и торф залегает в глубину на несколько метров. До сих пор считалось, что короткое и холодное полярное лето, частые дожди и вечная мерзлота не дают возможности добывать торф в этих широтах.

Но вот несколько лет назад Нарьян-Марская опытная сельскохозяйственная станция начала работать над использованием торфа на топливо. Исследования возглавил старший научный сотрудник Н. М. Бокитько. Затем в работу включились Московский и Калининский торфяные институты. Советские люди впервые в мировой практике доказали возможность добывать и сушить торф в естественных условиях Заполярья. Спроектирована и изготовлена торфодобывающая машина производительностью 300 тонн в год. Она может быть установлена в любом оленеводческом и рыболовецком колхозе.

Сейчас в Нарьян-Маре работает экспедиция института «Гипроторфразведка», проектируется первое торфопредприятие в Ненецком национальном округе.

— Подобные работы,— рассказывает ведущий инженер Калининского торфяного института В. Н. Евсеев,— начались также на Кольском полуострове и на Камчатке. В семилетке многие населенные пункты Крайнего Севера будут обеспечены собственным топливом.

А. КОКШАРОВ

Торфодобывающая машина работает на опытной станции близ Нарьян-Мара.

Фото И. Леоненко.

Где ты, Гаврош? Откликнись!

Мне очень хочется узнать о судьбе одного мальчика. Я расскажу все, что знаю о нем.

В 1947 году вместе с другими демобилизованными воинами я возвращался домой. На одной из станций близ Владивостока в вагон вошел мальчик. Ему было лет семь. Он пел песни, собирая на пропитание.

В вагоне забросали его вопросами: откуда, как очутился здесь? Пассажиры накормили и переодели его. Мы — двадцать солдат — ухаживали за ним, как за сыном. Я не помню настоящего имени мальчика. Помню, что прозвали его Гаврошем. Он оказался на редкость послушным и смышленым. Мы узнали, что мать «Гавроша» живет под Читой, на станции Петровский завод. Солдаты собрали деньги, купили мальчику одежду, продукты, с тем чтобы он отнес их матери.

«Гаврош» обещал, что не будет больше ходить по вагонам, что будет учиться и станет настоящим советским человеком.

Но вот и станция Петровский завод. Мы проводили «Гавроша» на вокзал. Ну, а как он дальше доберется с вещами? Кто-то из солдат узнал, что здесь меняется паровозная бригада. До села, где живет мать Гавроша, полтора километра. И тогда было решено: успеем! Должны успеть. Самый крепкий из нас взял мальчика на руки, другой подхватил его вещички, и мы побежали...

Мне никогда не забыть, как двадцать солдат шли ночью по незнакомой дороге, как не вошли, а вбежали в маленький дом на краю села. Радостно вскрикнула мать, узнав сына, а две сестренки «Гавроша», лежа в постели, таращили на нас изумленные глазенки.

Мы торопились и почти ничего не успели сказать матери. Мы только напомнили «Гаврошу», что он обещал нам стать настоящим человеком.

С тех пор прошло немало лет. Я окончил Киевский государственный университет. Сейчас работаю преподавателем русской литературы в Волчковской средней школе Розважевского района, Киевской области. Но я всегда вспоминаю тех солдат, которые вместе со мной волновались за судьбу незнакомого мальчика. И я всегда вспоминаю «Гавроша». Где он теперь? Что стало с ним?

В. ПЛАТОНОВ

ЧТО ЗАДУМАЛ МОЙ БРАТ

Рассказ

Уильям САРОЯН

Рисунки Б. ШЕЙНЕСА.

Каждое утро, еще в постели, я сквозь сон слышал, как брат возился с машиной. Услышав шум в первый раз, я вылез из кровати, чтобы узнать, в чем дело. Он чинил наш семейный «фордик». Я увидел, что старина Генри ковырялся в моторе. Он вывинтил болт и смотрел на него с таким удивлением, словно ожидал увидеть что-то совсем иное. Потом положил болт на полоску газона между тротуаром и мостовой, где стояла машина. Вытащив еще один болт, он принялся его рассматривать так, будто тот не был, как две капли воды, похож на первый. И я сказал себе: «Раз старина Генри решил отремонтировать автомобиль, значит, он что-то задумал».

Генри было шестнадцать. Я называл его «старина Генри» не потому, что мне всего тринадцать, а потому, что мы были приятелями.

В то первое утро он работал так тихо, что я почти ничего не слышал и словно бы и не просыпался. Весь день мне не терпелось узнать, что́ задумал старина Генри. Днем, придя в телеграфную контору, я спросил:

— Что ты делаешь с «фордиком», Генри?

— Свечи проверяю.

— А что с ними случилось?

— Да вот машина не сразу заводится.

Каждое утро в течение целого месяца я слышал, как он возился с машиной на улице перед нашим новым домом на Эль-Монте-Уэй, напротив усадьбы мультимиллионера — замка с парком и настоящим павлином.

Три или четыре дня спустя после того, как брат стал чуть свет приниматься за работу, я заметил, что до меня доносится крик павлина,— до тех пор я слышал его голос только на закате, если бывал дома, или по воскресеньям.

Однажды утром, когда я встал, чтобы еще раз взглянуть на старину Генри и работу, которой он занят, я увидел павлина в парке мультимиллионера, по ту сторону изгороди, между кустом олеандра и кустом розы, осыпанными цветами. Генри стоял перед автомобилем, глядя на поршень так, будто это — одно из величайших произведений современного искусства. Насмотревшись, он положил его рядом с другими частями, лежавшими на полоске газона между тротуаром и мостовой. Газон почернел от смазочного масла, но это не имело значения: все равно там росла почти одна бермудская трава да повсюду торчали корни платана. Собственно, трава никогда не была по-настоящему зеленой: какая уж там трава — сорняк, хоть он изо всех сил старался прикрыть бугристую землю, сплетая свои стебли толстым ковром.

Если уж старина Генри за что-нибудь брался, так с головой уходил в работу. В то утро он был настолько сосредоточен, что даже не заметил, как павлин мультимиллионера подошел к краю парка и остановился прямо против нас. Павлин закричал, но старина Генри даже головы не повернул. Павлин прокричал еще три раза, потом распустил свой хвост и начал важно прогуливаться. Я был уверен, что старина Генри вскинет голову и посмотрит, но он этого не сделал. Я хотел было окликнуть его и сказать, чтобы он взглянул на павлина мультимиллионера, но решил, что не стоит, потому что это не мое дело, и я боялся, что старина Генри скажет: «Подумаешь, невидаль!»

А все-таки можно было заглядеться на красные цветы олеандра и белые розы, между которыми стоял павлин, распустив хвост веером. Мне казалось, что все эти краски и крик птицы в такой ранний час, когда во всем мире царит тишина, имеют какое-то отношение ко мне, к моему желанию поскорее увидеть свет и сделать что-нибудь замечательное. Я забрался обратно в постель, и на душе у меня было хорошо и радостно. А днем в телеграфной конторе я спросил у брата:

— Что ты делаешь с «фордиком» каждое утро, Генри?

— Чиню его.

— Для чего?

Старина Генри не ответил. Я не хотел, чтобы он думал, будто я против его затей. Поэтому я сказал:

— Я бы встал и помог тебе, но я ложусь спать после часа и на рассвете никак глаз не продеру.

— Пока сам обойдусь,— ответил он.— Потом, когда буду снимать мотор с рамы, я тебе разрешу помочь мне.

— Только не забудь.

Настало воскресенье, и кто-то из нашего семейства предложил устроить пикник на Кингс-ривер, еще кто-то поддержал, потому что денек выдался подходящий для пикника на берегу реки, но мы с Генри только переглянулись и ничего не сказали. Остальные члены семьи — три женщины — принялись собирать разную снедь для пикника, а мы с Генри вышли на задний двор, и я спросил:

— Можешь ты отвезти их на Кингс-ривер?

— Нет,— сказал он.— Я чиню машину. Скажи им, а?

— Что сказать?

— Скажи, что машина сломалась, и я чиню ее, чтобы сэкономить деньги, которые пришлось бы уплатить механику.

Я вернулся в дом, прошел на кухню и объявил новость остальным членам семейства. Но бо́льшая часть провизии для пикника уже была заготовлена. Так что пришлось устроить пикник на заднем дворе вместо того, чтобы поехать для этого на реку.

В следующее воскресенье повторилось то же самое, и мы всем семейством снова устроили пикник на заднем дворе. Старина Генри попросил меня пособить ему, и мы вдвоем принялись снимать мотор с рамы. Все семейство собралось вокруг поглядеть, что́ мы делаем. Женщины хотели помочь нам, но старина Генри сказал, что это работа не для них. Мы опять попытались снять мотор, но тут брат обнаружил, что не вывинтил одного болта. Ему не хотелось, чтобы женщины узнали об этом, и мы оба продолжали тащить мотор.

В поте лица трудились мы над этой непосильной задачей.

Одна из женщин спросила:

— Генри, а ты умеешь чинить автомобиль?

Генри сказал, что умеет. Его спросили, учился ли он этому. Он сказал, что не учился, но в процессе работы узнает, что и как. Я тоже считал, что только таким образом и можно научиться, и намеревался так поступать, когда мне удастся повидать белый свет. Немного времени спустя дядюшка Готто — он приходится дядей моей матери — со своими двумя дочками подкатил к дому на повозке. Наши женщины ушли, чтобы встретить их и угостить. Старина Генри быстро вывинтил последний болт, вынул его, и мы стали снимать мотор. Тут подошел дядюшка Готто.

— Ну-ка покажите, что там у вас,— сказал он.

Мы приподняли мотор, вынули его и положили на газон.

— Вот блок,— сказал старина Генри,— а это части от него.— Он ткнул пальцем в сторону аккуратно разложенных частей, которые ему удалось отделить от мотора.

— Кто это там кричит? — спросил дядюшка Готто.

— Павлин.

На этот раз старина Генри ткнул пальцем в сторону парка мультимиллионера через дорогу.

— Почему он кричит?

— А он не может не кричать.

Старик задумался, потом спросил:

— Генри, а знаешь ли ты, как чинить автомобильный мотор?

Я думал, старина Генри ответит, что знает, но он сказал:

— Я учусь в процессе работы.

— Молодец,— сказал старик.

Он медленно пошел к дому и остановился, когда павлин снова закричал.

В течение всего августа, одного из лучших месяцев в году, одного из буйных и удивительных месяцев жизни, особенно когда тебе тринадцать или шестнадцать лет, я слышал каждое утро, как старина Генри возился с «фордиком». Через месяц он сказал, что работа как будто закончена, и теперь остается только поставить на место весь блок и все вынутые части. В ближайшее воскресенье мы вместе поставили блок на место, и я подумал, что настало время прямо задать ему вопрос.

— Генри,— спросил я,— что ты забрал себе в голову?

— Сан-Франциско.

— Ну и что?

— Я собираюсь поехать туда.

— А я?

— Ты поедешь со мной.

— Когда?

— Выедем утром в следующую пятницу. Я уже просил Дж. Д. отпустить нас обоих на пятницу, субботу, воскресенье, понедельник и

вторник, и он сказал, что подумает, но я знаю, что он даст нам эти пять дней.

— А остальные из нашей семьи знают?

— Пока нет. Я решил сказать им в последнюю минуту. Я скопил около тридцати долларов, и, наверное, у тебя тоже кое-что отложено.

— Шесть долларов, но теперь я начну копить еще.

Из заднего кармана старина Генри вытащил потрепанную дорожную карту Калифорнии, развернул ее и ткнул в нее пальцем.

— Вот Фресно,— сказал он.— Мы встаем в три часа ночи, завтракаем, складываем пожитки в машину и выезжаем на север, в Мадеру, оттуда в Чоучиллу, потом поворачиваем на запад и едем в Лос-Банос. Все время держим путь на запад, но здесь начинается подъем, все выше и выше — до перевала Пачеко. Оттуда мы продолжаем ехать на запад, но уже под гору, прямо на Гилрой. Потом поворачиваем на север и берем курс на Сан-Хосе, а оттуда на Сан-Франциско.

— Блеск! — сказал я.

В те дни это было наше излюбленное словечко.

Проработав прилежно полдня в воскресенье, старина Генри все поставил на место, опустил капот автомобиля и спрятал заветную карту. Он отошел шагов на десять, повернулся к машине и добрых три минуты не отрывал от нее глаз. Потом уселся за руль и нажал кнопку стартера. Я услышал нормальный звук, но тут же все смолкло. Он снова включил мотор, снова раздался нормальный звук, и опять наступила тишина. В этот момент закричал павлин мультимиллионера.

— Павлин не может не кричать,— сказал Генри.

Он вылез из автомобиля, обошел его и вынул из багажника заводную ручку. Потом велел мне сесть за руль и приготовиться дать газ, как только появится искра. Я сел за руль, а старина Генри начал крутить ручку, но искра не появлялась. Когда он устал, крутить принялся я, но, кто бы из нас ни крутил, мотор не заводился.

— Я же его замечательно наладил,— сказал он.

— Проводка и контакты на месте?

— Все на месте.

— Почему же он не заводится?

— Заупрямился.

Он снова начал крутить ручку, потом настал мой черед, потом опять крутил он. Тут все женщины вышли из дому — три из нашего семейства и две гостьи — и старик Готто тоже, и все смотрели, а Генри обливался пóтом, и павлин снова закричал. Генри поднял капот и посмотрел на мотор. Он был в самом деле чистенький и красивый. Женщины тоже посмотрели, и старик посмотрел, но старина Генри ничего не тронул. Наконец зрители направились к дому, а Генри подошел к машине с той стороны, где сидел я, готовясь дать газ, и сказал:

— Пойдем сходим к Клуку.

Я знал, чтó это значило. Это значило, что Генри нужна помощь, и он готов в этом признаться, потому что Шэг Клукьян был самым знаменитым механиком в нашей округе. Мы припустили по Эль-Монте к Хэзелвуду, пересекли двор школы имени Лонгфелло, где в свое время мы оба отдали дань науке, миновали спортплощадку Санта-Фэ и склад фирмы Э. Й. Фоли, где упаковывали виноград, прошли по Сан-Бенито-авеню, а оттуда полтора квартала по Л-стрит до дома Клука.

Клук сидел на ступеньках крыльца и курил сигарету, потому что ему было уже девятнадцать лет; он окончил школу и зарабатывал на жизнь. Отец его сидел рядом с ним и тоже курил, и, когда мы неожиданно появились, они тихонько разговаривали. Старина Генри спросил Клука, не зайдет ли он к нам взглянуть на наш «фордик», который не хочет трогаться с места. Клук усадил нас возле себя на переднее сиденье своего «форда», отца посадил на заднее сиденье, и мы отправились прямо на Вентура-авеню, а оттуда к нам домой.

Клук поднял капот, попробовал стартер, попытался завести машину ручкой, прислушался, потом достал из своей машины целый ящик с инструментами и приступил к работе. Одна из наших женщин вышла и пригласила отца Клука в дом закусить, и скоро мы услышали стук фишек трик-трака, за который засели отец Клука и старик Готто. Работа у Клука спорилась, и видно было, что он знает свое дело. Старина Генри следил за каждым его движением, но не проронил ни слова. Молчал и Клук. Прошло часа три. Отец Клука вышел из дома вместе с дядюшкой Готто, который проиграл ему в трик-трак и хотел продолжить игру.

Клук сказал отцу, что работы осталось самое меньшее часа на два — три. Поэтому тот вернулся в дом, и мы снова услышали стук фишек. Уже на закате павлин мультимиллионера подошел к краю парка, остановился прямо против нашего дома, прокричал три раза, распустил хвост и начал прохаживаться. Клук прекратил работу, взглянул на важную птицу и сказал:

— Посмотрите-ка на ее величество.

— Его величество,— поправил старина Генри.— Они мужского рода.

— Ну да?— удивился Клук.— Я всегда думал, что те, которые разгуливают с важным видом, женского рода. Оказывается, ошибиться можно в любом деле!

Клук не критиковал старину Генри за его работу, но видно было, что он то и дело удивляется ошибкам, которые обнаруживались по мере того, как он разбирал весь мотор на части.

Было уже почти темно, когда Клук закончил сборку, и мотор заработал так, как полагается и как фактически он всегда работал. Мы вошли в дом. Стол был накрыт, и мы принялегли на ужин. После ужина старина Генри вышел, уселся за руль автомобиля, который теперь был в исправности, и я тоже вышел.

— Позови-ка Клука.

Мы втроем решили прокатиться в нашем автомобиле. Его вел Клук. Когда мы миновали площадь с аттракционами, старина Генри полез в задний карман и достал небольшую пачку денег. Он протянул их Клуку, который спросил:

— Что это, Генри?

— Это тебе за работу, Клук.

Клук взял деньги, не останавливая машины, а мне стало невтерпеж, ничего я не мог с собой поделать: ведь я знал, что это деньги, которые старина Генри накопил, чтобы выполнить то, что задумал. Клук, продолжая медленно вести машину, пересчитал деньги. В пачке было пять бумажек по пять долларов и пять по одному, и Клук сказал:

— Тридцать долларов, Генри. Большое спасибо.

Я готов был побиться об заклад, что это целая уйма денег за шесть часов работы в холодке, возле парка, да еще с павлином в придачу, который распускает хвост и подает голос. Но я подумал, что я на три года моложе брата, и если ему захотелось дать Клуку тридцать долларов за работу, когда за глаза довольно шести — по одному за час,— то это его дело, хотя он не иначе как рехнулся и уж, наверное, никогда не разбогатеет.

Первая деталь

Федот ЧЕРНЫХ

Вьется стружка лентой тонкой, тонкой,
Под резцом слегка дымится сталь.
Нынче синеглазая девчонка
Выточила первую деталь.

И когда в руке ее держала,
Та деталь сверкала, как огонь.
Девичью улыбку отражала,
Согревала девичью ладонь.

Клук медленно развернулся и поехал на Эль-Монте. За всю обратную дорогу мы не обменялись и тремя словами. Все семейство вышло на лужайку перед домом: значит, гости собрались уезжать. И я подумал: «Прощайте, тридцать долларов! Прощай, Сан-Франциско!» Старина Генри словно воды в рот набрал. Я знал, что ему жалко целого месяца труда над машиной, который стоил ему всех его сбережений. Клук поблагодарил женщин за гостеприимство и спросил своего отца, готов ли он ехать.

Тот распрощался с женщинами и направился к автомобилю Клука. Мы с Генри стояли перед своей машиной и смотрели им вслед. Клук сел в машину, завел мотор, и я уже собирался сказать старине Генри, что он рехнулся, как Клук вылез из машины и подошел к Генри. Он сунул пачку бумажек ему в руку и сказал:

— Знаешь, Генри, у меня этот сумасшедший павлин из головы не выходит. Так задумался, что чуть не укатил с твоими деньгами.

— Нет, это твои деньги, Клук,— сказал старина Генри.

Но Клук только улыбнулся, сел в машину и уехал.

На следующее утро — это была пятница — мы вскочили в три часа, чтобы отправиться в самое необыкновенное путешествие в нашей жизни. Все женщины нашего семейства вышли в потемках проверить, хорошо ли мы уложили в наш «фордик» ящик из-под яблок, полный продуктов, и все прочие вещи, которые, по их мнению, мы должны были взять с собой, и наконец старина Генри завел мотор. Когда мы подъехали к углу Вентура-авеню, куда одной стороной выходил парк мультимиллионера, я услышал, что павлин прокричал три раза, и сказал об этом старине Генри, но он ответил, что ничего не расслышал. А может быть, мне это в самом деле почудилось, потому что я размечтался о том, как увижу весь белый свет и сделаю что-нибудь замечательное.

Перевела с английского
Н. ЛОСЕВА.

ГОСТИ ФЕСТИВАЛЯ О СЕБЕ

«Дорогая редакция! Сейчас в Москве в связи с проведением Международного кинофестиваля находится французская актриса Марина Влади, полюбившаяся советским зрителям после демонстрации на наших экранах фильма «Колдунья».

Картина с ее очаровательной героиней произвела большое впечатление. Очень хотелось бы узнать о жизни и творческом пути этой замечательной актрисы.

Т. САВОСИНА.

Архангельск.

С такой же просьбой к нам обратилась Л. Воробьева из Самарканда и другие читатели. Редакция получила много писем с просьбой рассказать об известных киноактрисах. Мы передали эти просьбы нашим гостям, и в дни фестиваля, в часы, свободные от просмотров фильмов, они охотно рассказали нам о себе.

Марина Влади

Марина Влади приехала в день просмотра фильма «Приговор» с ее участием и через день должна была уехать обратно в Париж. Почему так скоро?

— Для этого, к сожалению,— ответила актриса,— есть много причин. Но главные две. У нас с мужем в самом разгаре съемки картины «Доверься мне». Это, правда, всего лишь обычный развлекательный детектив, но что поделаешь! Такие фильмы во Франции сейчас снимаются гораздо чаще, чем те, которые должны заставить людей задуматься о виденном, о жизни.

Ну, а вторая причина — это Петенька, мой младший сынок. Ему только шесть месяцев, и он пока еще очень неодобрительно относится к разлуке с мамой. А старшему моему сыну, Игорю, уже три года.— Марина счастливо улыбается.— Вот это я купила для них.

Весь большой стол заставлен игрушками: тут яркие матрешки всех цветов и размеров, маленький «ванька-встанька», целое общество «вятских барынь», «нянек», всадников и огромная деревянная башня Кремля.

— Они помогут Игорю представить Россию,— продолжает Марина Влади,— а то он ее знает только по бабушкиным рассказам, которые, я теперь это вижу, очень далеки от действительности. Ведь мама девочкой уехала из России и даже представить не сможет всего, что я буду теперь ей говорить о вашем прекрасном городе и о замечательном советском народе. Я была во многих странах: снималась в Италии, Англии, Швеции, Чехословакии, бывала на международных фестивалях, но нигде меня так горячо не принимали, как в Москве. Я никогда не думала, что можно с такой теплотой, радушием встречать человека, которого знаешь только по одному фильму. Меня узнают на улице, пожимают мне руки, приветствуют. Об этой сердечности и русском гостеприимстве мне говорил когда-то отец. Ведь мои родители русские. Фамилия отца Поляков-Байдаров. Владимир Поляков-Байдаров.

— Значит, Марина Влади — это?..

— Да, сокращенно Марина Владимировна. Мой отец был известным оперным певцом. Он пел в Париже в Гранд-опера, гастролировал и в других городах — когда один, когда вместе с матерью (она была хорошей балериной), а иногда и всем семейством.

Я первый раз выступила на сцене в два с половиной года. С родителями мы показывали русскую танцевальную картину «Что танцуешь, Катенька?». Я исполняла роль Катеньки и с упоением плясала польку. Так что через год я смогу отметить двадцатилетие моей жизни в искусстве. В восемь лет вслед за старшими сестрами я поступила в хореографическое училище при Гранд-опера. Но там я занималась всего три года. С одиннадцати лет началась моя кинематографическая деятельность. Я снялась в фильме «Летняя гроза», где главную роль играла моя старшая сестра Татьяна, ныне популярная французская киноактриса Одиль Версуа. А с двенадцати лет уже снималась из картины в картину. В тринадцать лет я сыграла первую взрослую роль, а в шестнадцать — известную вам «Колдунью».

В 1955 году я была приглашена сниматься в фильме «Мерзавцы, отправляйтесь в ад». Это была первая режиссерская работа в кино известного уже тогда театрального актера Робера Оссейна, и он очень старательно выбирал исполнительницу главной положительной роли, пока не остановил свой выбор на мне. А когда съемки закончились, мы поженились. И с тех пор мы всегда вместе: и в жизни, и на сцене, и на экране.

Мы только что закончили съемку фильма «Ночь шпионов» — о войне. Сценарий и постановка Робера Оссейна. Единственную женскую роль играю я, единственную мужскую — он.

Этот фильм представлен Францией на предстоящий Международный кинофестиваль в Венеции, а на Московском фестивале состоялась премьера фильма, над которым все мы работали с большим волнением,— это «Приговор».

Французские киноактеры Марина Влади и Робер Оссейн.

Джульетта Мазина

На Московском кинофестивале вне конкурса демонстрировался итальянский фильм Ф. Феллини «Ночи Кабирии».

Исполнительница роли Кабирии известная итальянская актриса Джульетта Мазина за эту работу была отмечена на фестивале дипломом Союза работников кинематографии СССР.

— Каков жизненный и творческий путь талантливой актрисы?— спрашивают советские зрители, знающие Д. Мазина и по ее другой значительной работе — фильму «Дорога».

Мы задали этот вопрос Джульетте Мазина.

— Я родилась в Болонье,— рассказывает артистка.— Отец мой — скрипач, мать — преподавательница. С трех лет я жила в Риме, здесь кончила колледж при монастыре урсулинок.

С детства я мечтала стать пианисткой и никогда не думала о кинематографической карьере. Потом я стала учиться в Римском университете на литературном факультете. Играла в театре. У нас был свой университетский театр. Мне довелось даже воплощать на его подмостках чеховские образы: Ирину в «Трех сестрах», Соню в «Дяде Ване». Как и многие итальянцы, я очень люблю Чехова, особенно его драматургию...

— Как же вы начали сниматься?

— Это была случайность. В конце сороковых годов режиссер Альберто Латтуада (он недавно поставил фильм «Буря» по повести Пушкина «Капитанская дочка») уговорил меня сняться в картине «Без пощады» (в роли Марчеллы). С тех пор я участвовала во многих фильмах, а затем уже сыграла в «Дороге» и «Ночах Кабирии», которые вы видели...

Джульетта Мазина показывает большую пачку фотографий. На них она изображена в «разных возрастах».

— Приедете ли вы еще в Москву?

— Конечно. Я обычно всегда возвращаюсь в гостеприимные города, где однажды побывала. Но в следующий раз, думаю, мы приедем вместе с Феллини.

Итальянская киноактриса Джульетта Мазина приветствует москвичей.

В Кремле на закрытии Международного кинофестиваля. Председатель жюри художественных фильмов С. А. Герасимов вручает диплом и медаль монгольской актрисе П. Цэвэлсурен.

Фото Е. Умнова.

Пурэвийн Цэвэлсурен

Серебряную медаль за лучшее исполнение женской роли получила на Московском кинофестивале монгольская актриса Пурэвийн Цэвэлсурен, участница фильма «Посланец народа».

— Я очень счастлива, что получила такую высокую награду, о которой даже и думать не могла. Ведь на фестивале показывались фильмы известных режиссеров с участием знаменитых киноактрис, а картина «Посланец народа» — это лишь второй полнометражный художественный фильм, созданный монгольскими кинематографистами, и Ариуна — моя первая роль в кино.

— Значит, вы впервые и на Международном фестивале?

— Конечно. Но я дважды была участницей всемирных фестивалей молодежи. Один раз — в пятьдесят первом году в Берлине, второй — в пятьдесят третьем в Бухаресте. Я ездила туда с хором монгольской молодежи. Ведь я певица. В те годы пела в театральном хоре, а сейчас солистка оперы Монгольского музыкально-драматического театра, пою ведущие партии в наших национальных операх.

В театр я пришла из художественной самодеятельности, а к самодеятельности пристрастилась с тех пор, как себя помню.

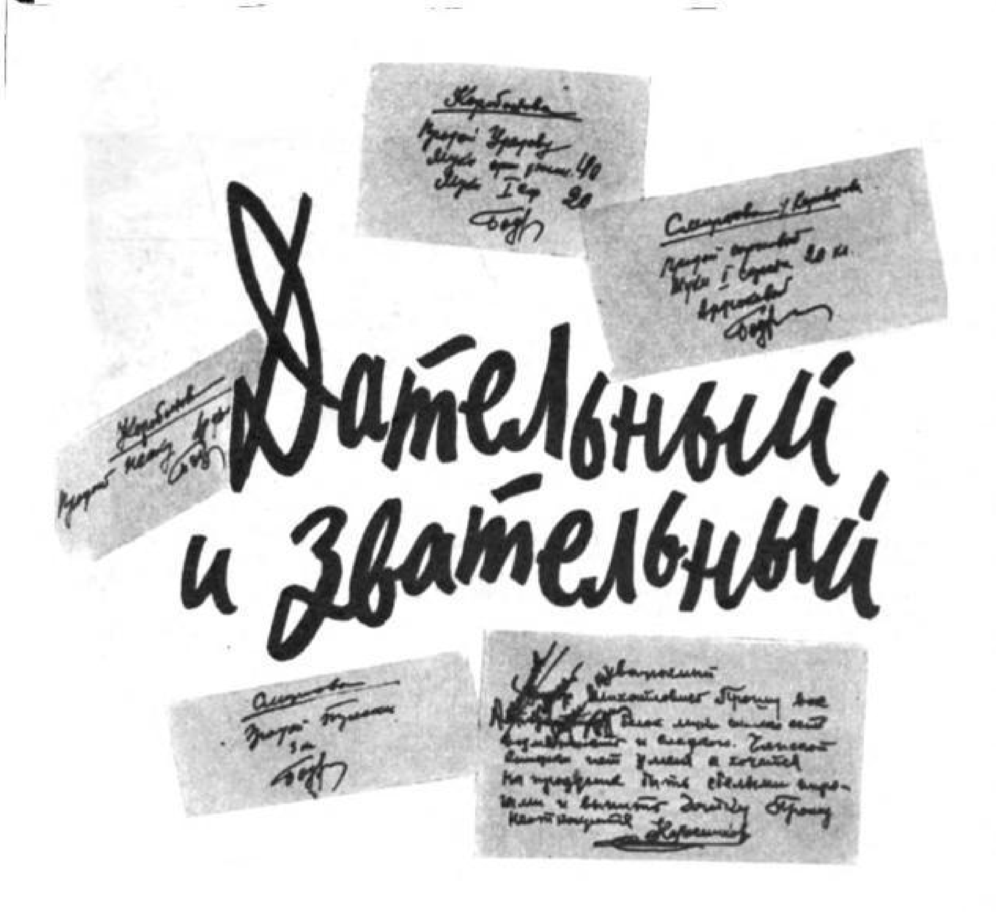
Я пела в степи, когда с отцом пасла стадо, пела в аймаке, помогая матери по хозяйству. В школе я ходила во все кружки, какие были: в акробатический, хоровой, танцевальный, музыкальный. Потребность испробовать свои силы во всех видах искусства сделала меня одной из самых активных участниц самодеятельности в финансовом техникуме, где я училась впоследствии. А когда в Улан-Баторе был смотр народных талантов и любой мог предстать перед авторитетной комиссией, я, конечно, не преминула этим воспользоваться.

— И в результате?

— В результате была принята в театр и здесь сыграла уже много интересных ролей.

— Какие роли вы больше любите?

— Роли моих современниц, хотя я их играла очень мало. Люблю играть не каких-то особенных женщин, героинь, а простых, рядовых. Такой мне представлялась и Ариуна в фильме «Посланец народа». Она берет на себя выполнение опасного поручения, совершает героический поступок, но мне хотелось, чтобы зрители не думали, что только она одна способна на это. Ариуна — это самая обыкновенная женщина, жена, мать, и то что она сделала, сделал бы каждый честный человек.

Дательный и звательный

Фельетон

Г. РЫКЛИН

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

«Бывало, он еще в постели, к нему записочки несут...»

Но Федор не Евгений. И поэтому надо малость переиначить популярную стихотворную строку:

«Бывало, он еще в постели, а от него записочки несут».

Речь идет о Федоре Бадьине, председателе Журихинского сельпо. Слава об этом кооператоре не гудит во всю ивановскую, а только лишь во весь Кинешемский район, Ивановской области.

Здесь он широко известен. Особенно среди друзей и родственников, среди друзей своих родственников и среди родственников своих друзей.

Лавры свои он стяжал упорным трудом на плодородной ниве сочинительства. Сейчас мы это поясним.

Давным-давно известно, что для приобретения, скажем, конфет «Ну-ка отними» нужно: а) чтоб в магазине был этот товар и б) чтоб у вас были деньги.

А Бадьин внес существенную поправку в старый экономический закон, сформулировав его таким образом: записка — товар — деньги.

Надо отдать справедливость Бадьину: он не скупится на свои

автографы. Его маленькие, но вполне содержательные записочки летят во все стороны, как желтые листочки с дерева, гонимые осенним ветром.

Адресованы продавцам сельпо. Написаны сжато и ясно. В лучших традициях этого литературного жанра и касаются почти всех товаров, имеющихся в сельпо:

«Продай тому-то 50 клг. того-то. Бадьин».

«Продай 30 клг. того-то. Бадьин».

«Продай 4 клг. того-то. Бадьин».

И есть еще более краткие записки. Без «про»:

«Дай 1 литр вина. Бадьин».

В некоторых сочинениях Бадьина упоминается Урядов, председатель ревизионной комиссии сельпо. Причем упоминается исключительно в дательном падеже:

«Продай Урядову», «Дай Урядову».

Грозный ревизор не остается в долгу («Ты мне — дательный, я тебе — звательный»):

— Спасибо, Федор Михайлович! Заходи, Федор Михайлович!

Перед нами ворох записок за подписью Бадьина. 80 (восемьдесят!) штук. Их прислал нам местный селькор.

Предположим, что этими скромными восемью десятками страничек ограничивается такое произведение, как «Записки кооператора». Но и эти странички немало говорят о его незаурядной роли, как властителя дум местных ловкачей и доставал.

Сколько их — ловкачей и доставал — в Журихине и его окрестностях? Дюжина. От силы полторы дюжины. А где же покупают продукты все прочие жители?

Там же. В том же магазине. Но совершают они эти операции без записочек, самым примитивным и старомодным образом: платят в кассу деньги, получают чек и с чеком направляются к прилавку.

Люди, в просторечии именуемые покупателями и покупательницами, не пользуются симпатиями таких торговых работников, как Бадьин. Они не заглядывают им ласкательно в глаза, не жмут благодарственно руку и громко не смеются, когда кооператор пошутить изволит. Словом, полная усушка и утруска авторитета.

А ловчилы привыкли ловчить. В магазин они любят заходить с черного хода. Другой двери не знают. Этакие повадки прилипли к ним еще в военную пору, когда полки наших магазинов были не слишком отягощены продуктами...

Записки имеют кое-где хождение не только в торговой сети.

Один служащий, приехавший недавно из города Эн, где был в командировке, рассказывал:

— Меня пугали, что из Эн трудно сесть в московский поезд. Я обратился к одному местному работнику. Он дал мне несколько записок на вокзал железнодорожным начальникам, предварительно позвонив им по телефону. Начальники сказали, что это «очень трудно», но постараются «сделать». Прихожу на вокзал. Вижу, у кассы никого нет. Сидит кассирша и читает роман. Подхожу и робко спрашиваю: «Можно билет на Москву?» А она в ответ: «Конечно. Вам какое место: жесткое или мягкое?»

Еще водятся у нас человеки, которые до сих пор твердо уверены, что магическая записочка действует везде и всюду. Почему у Козловского оказался такой тенор? Ясно, приобрел «по блату». Где Рейзен взял свой бас? Получил по знакомству. Где Владимир Куц достал такие быстроходные ноги? Будьте уверены, без протекции тут не обошлось!

Конечно, ни голоса, ни ног, ни таланта не достанешь посредством записочек или телефонного звонка. Но другое дело — кровельное железо для дачи, путевка к Черному морю или, скажем, дефицитный телевизор с большим экраном. Тут еще кое-где слышен шепот:

«Сделаешь?» «Сделаем...»

Известно ироническое изречение: «И в аду хорошо знакомство и заступничество: в иную пору хоть кочергой вместо вил подсадят — все же легче...»

Хапуга и доставала верен записочке до гроба. Позвольте для

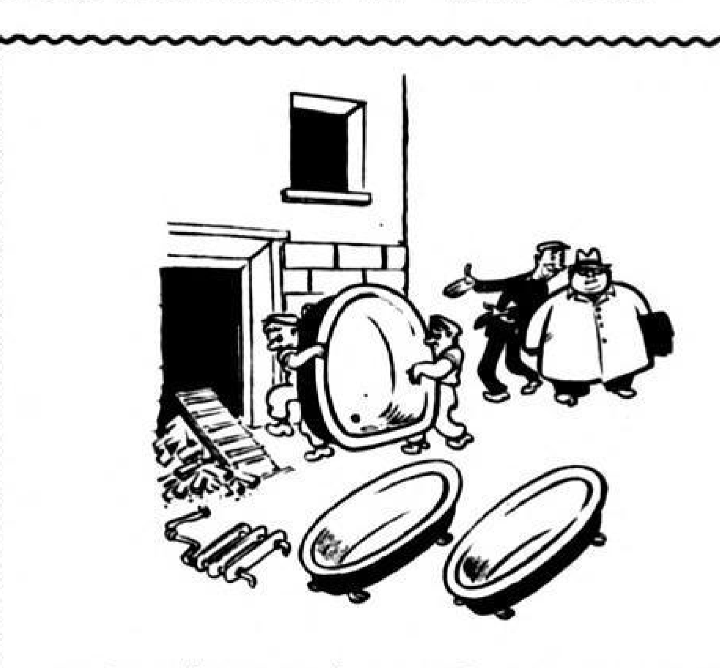
иллюстрации привести цидулку некоего Лапкина, которую он писал в очень мрачном настроении в ночь перед судом:

«Нина! Здравствуй! Сижу и думаю о тебе и о жизни. Вышло маленькое недоразумение с тремя тоннами сахара. Завтра меня будут судить. Чувствую себя неважно. Если я умру, у меня к тебе просьба. Твой брат работает в похоронном бюро. Устрой, чтоб мне выдали бесплатный гроб. Напомни

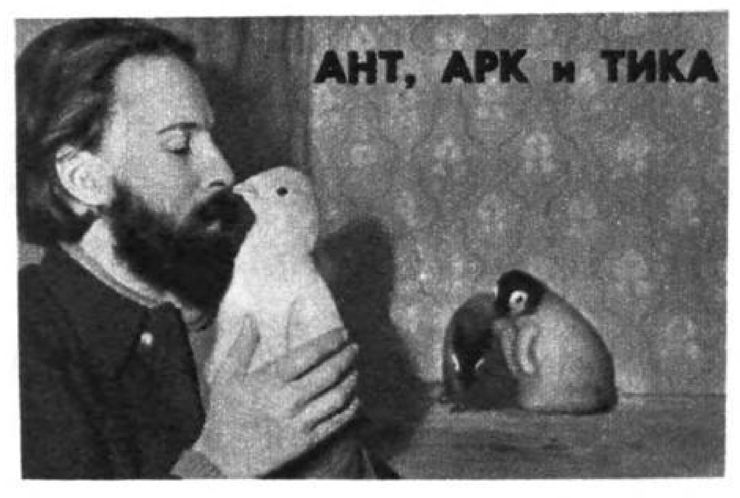
ему, что я для вверенного ему похоронного бюро достал весной парчу. Твой до гроба Лапкин».

Шутки шутками, а многие Лапкины (как и Бадьины) до сих пор преуспевают, ухватившись обеими руками за формулу «записка — деньги — товар».

— В вашей квартире, Александр Григорьевич, ванну, конечно, поставим не стандартную.

Рисунок Н. Лисогорского.

Неподалеку от обсерватории Мирного в Антарктиде зимой на морском льду располагается многотысячная колония императорских пингвинов. Однажды биологу третьей комплексной экспедиции В. М. Макушоку посчастливилось найти там маленького птенца-альбиноса. Он был совершенно белый, только глаза, клюв и ноги имели розовый оттенок. Виктор Маркелович поместил малыша в своем домике вместе с двумя другими птенцами. Эту троицу он назвал так: Ант, Арк и Тика.

Альбинос Ант сначала сторонился своих собратьев, но потом подружился с ними. Все они привязались к своему бородатому «папаше» и приветствовали его криками.

К весне птенцы выросли, и биолог стал выпускать их на прогулки. Ант в это время линял, но у него так и не появилось ни одного темного пятнышка.

И. ГОНЧАРОВ,
участник III комплексной антарктической экспедиции

Краснодар.

Фараон, живший 32 века назад

В Каирском музее есть темный зал, куда пускают немногих. Под стеклянными колпаками, накрытыми черными покрывалами, хранятся мумии более тридцати египетских фараонов. Свет вредно действует на них.

Еще в древности гробницы фараонов в фиванском некрополе были разграблены. Исчезли не только вещи, но и мумии самих царей. Лет девяносто назад на антикварном рынке Египта стали периодически появляться большими партиями вещи, несомненно, добытые из древних гробниц. Ученые обратили на это внимание. За торговцами стали следить. В результате слежки был наконец обнаружен источник, из которого поступали древности. Один купец, случайно овладевший тайной, показал глубокий колодец в пещере Дейр-эль-Бахри, где были сложены мумии тридцати фараонов и погребальные вещи. Полагают, что они были перенесены туда еще египетскими жрецами для сохранения от грабителей. Там найдены мумии знаменитых фараонов: Тутмоса II, Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II и Рамсеса III.

Вряд ли думали грозные властелины древнего мира, что через 30—35 веков их выставят на всеобщее обозрение.

На снимке: мумия фараона Рамсеса III, правившего 32 века назад.

А. АБРАМОВ

Москва.

Старые марки

В этом году исполнилось 250-летие Полтавской битвы. В 1909 году, когда минуло два века после исторического сражения, полтавское земство выпустило небольшим тиражом юбилейные марки, ставшие ныне редкими. Первая, стоимостью в одну копейку, изображает памятник на поле сражения. На другой, трехкопеечной, мы видим памятник «Слава» в Полтаве.

Е. ПАЛЬЧЕВСКИЙ

Луганск.

КАРП

Зеркальный карп, речной красавец,
плывет на тусклый свет зари,
пускает, в жабрах раздуваясь,
со дна тугие пузыри.

Колышет ивовую ветку
воды зеленоватый мрак,
и замечает карп, как сверху
к нему спускается червяк.

Но на коварный люд в обиде,
он рад услышать: — Сорвалось!

И, крючкотворство ненавидя
и еле сдерживая злость,
уходит в заводь карп-красавец,
где соком взбухли купыри,
подводных трав хвостом касаясь,
пуская к небу пузыри.

Егор ПОЛЯНСКИЙ

Курск.

КТО БЫ МОГ ОЖИДАТЬ ОТ ТРУТНЕЙ!

В любом толковом словаре утверждается, что трутень — пчелиный самец, не производящий никакой работы. До недавнего времени никто не сомневался в правильности такого определения. Народ давно уже называет трутнями тунеядцев, бездельников, живущих на чужой счет.

Но проверка показала, что трутни не такие уж бездельники. Оказывается, они играют немаловажную роль при переработке нектара в мед. Это удалось установить двум австрийским исследователям из Вюрцбурга — Госсвальду и Клофту, которые «отметили» нектар следами радиоактивных изотопов и проследили весь его путь через улей.

Нектар — жидкий, водянистый раствор различных видов сахара, содержащий ароматические и другие вещества. После того, как рабочие пчелы доставили нектар в улей, трутни его тщательно обрабатывают. Часть воды испаряется, отчего нектар постепенно густеет, и в сахарном растворе происходят некоторые химические изменения. Получается мед.

А. ГЕРДТ

Ростов-на-Дону.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Дополнение к литературному произведению. 5. Ученик и помощник Рафаэля. 7. Участок земли. 9. Несущие поверхности самолета. 11. Спортивное общество. 13. Блеск начищенной или отполированной поверхности. 15. Смесь материалов для плавки. 16. Часть плуга. 17. Болгарский поэт XIX века. 18. Сторона геометрической фигуры. 19. Роман И. А. Гончарова. 20. Автор портрета «Зеленщица». 21. Украинский танец. 22. Балтийская сельдь. 24. Крупнейшая река Передней Азии. 26. Дикорастущий плодовый кустарник. 28. Героиня пьесы К. Тренева. 29. Морское животное, распространенное в арктических морях. 30. Состязание по различным видам спорта.

По вертикали:

1. Русский архитектор XVIII века. 2. Растение семейства злаковых. 3. Испытание, проверка. 4. Старинный русский город. 6. Наука о птицах. 7. Минеральная краска. 8. Деталь измерительного прибора. 10. Специалист по лечению животных. 12. Гриб. 14. Советский химик, академик. 23. Очертание предмета. 25. Предложение. 26. Птица северных побережий. 27. Народный писатель Латвии.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 35

По горизонтали:

5. Одоевский. 8. Якут. 9. «Рожь». 11. Тарелки. 13. Доярка. 15. Кончак. 17. Тарту. 19. Ротонда. 20. Реостат. 21. Конкурс. 22. Монитор. 23. Алыча. 26. Гурзуф. 29. Оказия. 31. Ланолин. 32. «Саша». 33. Енот. 34. Перигелий.

По вертикали:

1. Одетта. 2. Петарда. 3. Асфальт. 4. Кибрик. 6. Икар. 7. Южин. 10. Сорокопут. 12. Санаторий. 14. Кенгуру. 16. «Охотник». 17. Такса. 18. Урема. 24. Линотип. 25. Челекен. 27. Злак. 28. Фланец. 29. Онегин. 30. Анод.

На первой странице обложки: Киев — столица Украины. Памятник Владимиру Ильичу Ленину на бульваре имени Шевченко. Слева (сверху вниз): на берегу Днепра; Крещатик; колхозный рынок.

На последней странице обложки: Выступает Государственный ансамбль танца Украинской ССР.

Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05658. Подписано к печати 26/VIII 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1160. Заказ № 1908.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Несмотря на жару

Такова уж работа художника, а тем более газетчика — он рисует всегда: в будни, в воскресенье и даже в дни отпуска. Вот и Херлуф Бидструп, известный датский карикатурист, собираясь с семьей провести месяц на побережье Черного моря в Доме творчества советских художников, запасся альбомами, карандашами, тушью.

Путешествие на теплоходе «Балтика» до Ленинграда, поезд и, наконец, солнечное побережье... Но чем выше становилась температура, тем реже художник перелистывал страницы альбома.

Как он боролся с жарой, изнемогал и зачастую падал, сраженный, сам превращаясь в масляное пятно на бумаге, Бидструп рассказывает читателям «Огонька» в рисунках.

Во время своего отпуска Херлуф Бидструп принял приглашение студии телевидения в Сочи и выступил перед телезрителями с серией новых карикатур, острых, мастерски исполненных. «В водах «НАТО» — Бидструп рисует быстро, тем более быстро, что объект, как вы видите, хорошо знаком датскому художнику.

Дни отпуска прошли. Бидструп вернулся на родину. Он работает в коммунистической газете «Ланд ог фольк», и этим уже определяется, что другие газеты и журналы в Дании его рисунки не печатают. Даже сборники его юмористических рисунков, таких смешных, прославившихся во всем мире своим остроумием, не появляются на книжных прилавках в его родной стране.

Творческие планы художника?

Какие же могут быть планы у карикатуриста, публициста, самого оперативного художника? Каждый новый день приносит ему темы, подсказывает планы.

Н. СВЕТЛОВА

Шведские туристы больше всего восхищаются морем со стаканом в руке.

На палубе.

Приветливо улыбающиеся женщины обслуживают пассажиров во время плавания на «Балтике».

Хорошо в самые жаркие дни под таким «семейным» зонтиком

Цена номера 3 руб.